Л.А. Симакова

Литература

7

ББК 83 я 271
С 37

Рекомендовано
Міністерством освіти і науки України
(рішення колегії від 12.04.2007 р. № 5/1-19)

Видано за рахунок державних коштів.
Продаж заборонено.

В оформлении обложки использованы фрагменты
картин художников И. Билибина, Е. Пикова, П. Филонова.

Сімакова Л. А.
С37 Література: Підручник для 7 кл. загальноосвітніх навчальних закладів з російською мовою навчання. — К.: Вежа, 2007. — 288 с.: іл. — Мова російська.
ISBN 966-7091-67-8.

© «Вежа», 2007
© Л. А. Сімакова, 2007
© С. В. Лопарєв, В. Б. Лопарєв.
Художнє оформлення, 2007

ISBN 966-7091-67-8

СОДЕРЖАНИЕ

Благодарность книгам / 7

КНИГА — СОКРОВИЩНИЦА ЗНАНИЙ И ЧУВСТВ ЧЕЛОВЕКА / 9

Константин ПАУСТОВСКИЙ
«Писателем может быть только тот, у кого есть что сказать людям...» / 9

Жорж ДЮАМЕЛЬ
«Увлечь читателя своими героями» / 10

Всеволод РОЖДЕСТВЕНСКИЙ
«Я в этой книге жил когда-то...» / 10

Егише ЧАРЕНЦ. Моему читателю / 11

ФОЛЬКЛОР И ХУДОЖЕСТВЕННАЯ ЛИТЕРАТУРА / 13

Русские былины / 18

Учимся быть читателями. **О выразительном чтении былин** / 19

ИЛЬЯ МУРОМЕЦ И СОЛОВЕЙ РАЗБОЙНИК / 20

ВОЛЬГА И МИКУЛА СЕЛЯНИНОВИЧ / 27

Учимся быть читателями. **О былине** / 34

Из древнерусской литературы / 36

ПОУЧЕНИЕ ВЛАДИМИРА МОНОМАХА (*Отрывок*) / 39

ЖАНРЫ ХУДОЖЕСТВЕННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ / *47*

Роберт БЁРНС / *49*

В ГОРАХ МОЁ СЕРДЦЕ / *51*

ЧЕСТНАЯ БЕДНОСТЬ / *52*

Роберт Льюис СТИВЕНСОН / *55*

ВЕРЕСКОВЫЙ МЁД / *56*

Василий Андреевич ЖУКОВСКИЙ / *60*

ПЕРЧАТКА / *62*

СВЕТЛАНА / *64*

Александр Сергеевич ПУШКИН / *73*

УЗНИК / *76*

КАВКАЗ / *76*

ЦВЕТОК / *77*

«ЕСЛИ ЖИЗНЬ ТЕБЯ ОБМАНЕТ...» / *78*

Учимся быть читателями. **О лирике** / *78*

Из истории создания «Повестей Ивана Петровича Белкина» / *80*

СТАНЦИОННЫЙ СМОТРИТЕЛЬ / 80

Учимся быть читателями. **О композиции художественного произведения** / *90*

МЕТЕЛЬ / *92*

Учимся работать самостоятельно над текстом художественного произведения. **Как подготовить ответ на проблемный вопрос** / *102*

Михаил Юрьевич ЛЕРМОНТОВ / *103*

КАВКАЗ / *105*

Учимся быть читателями. **О трёхсложных размерах стиха** / *106*

Из истории создания поэмы «Мцыри» / *108*

МЦЫРИ / *109*

Учимся быть читателями. **О поэме** / *129*

Учимся работать самостоятельно над текстом художественного произведения. **Участие в диалоге при обсуждении проблемного задания** / *130*

Николай Васильевич ГОГОЛЬ / *131*

ТАРАС БУЛЬБА (*В сокращении*) / *133*

Учимся быть читателями. **О характере литературного героя** / *176*
О пафосе в художественном произведении / *178*

Учимся работать самостоятельно над текстом художественного произведения. **Подготовка сравнительной характеристики героев художественного произведения** / *178*

РАССКАЗ И НОВЕЛЛА / *181*

Антон Павлович ЧЕХОВ / *184*

ТОЛСТЫЙ И ТОНКИЙ / *186*

Учимся быть читателями. **О художественной детали в произведении** / *189*

ХАМЕЛЕОН / *190*

О. ГЕНРИ / *194*

ДАРЫ ВОЛХВОВ / *196*

Учимся быть читателями. **О новелле** / *201*

Учимся работать самостоятельно над текстом художественного произведения. **Подготовка выборочного изложения с выражением собственного отношения к герою** / *202*

Артур Конан ДОЙЛ / *203*

ГОЛУБОЙ КАРБУНКУЛ / *206*

ЭПИЧЕСКИЕ И ЛИРИЧЕСКИЕ ЖАНРЫ / *223*

Анатолий Георгиевич АЛЕКСИН / *226*

В ТЫЛУ КАК В ТЫЛУ / *227*

Анна Андреевна **АХМАТОВА** / *246*
КЛЯТВА / *247*
МУЖЕСТВО / *247*

Учимся быть читателями. **Об эмоциональной выразительности чтения** / *248*

Константин Михайлович **СИМОНОВ** / *249*
«МАЙОР ПРИВЁЗ МАЛЬЧИШКУ НА ЛАФЕТЕ...» / *250*

Учимся быть читателями.
Об исполнительской задаче чтеца / *252*

Сергей Сергеевич **ОРЛОВ** / *253*
«ЕГО ЗАРЫЛИ В ШАР ЗЕМНОЙ...» / *254*
«А МЫ ТАКУЮ КНИГУ ПРОЧИТАЛИ...» / *254*

Юлия Владимировна **ДРУНИНА** / *255*
«Я СТОЛЬКО РАЗ ВИДАЛА РУКОПАШНЫЙ...» / *256*
ЗИНКА / *256*
«Я, ПРИЗНАТЬСЯ...» / *258*

Евгений Михайлович **ВИНОКУРОВ** / *259*
«СО МНОЙ В ОДНОЙ РОТЕ СЛУЖИЛ ЗЕМЛЯК... / *260*
МОСКВИЧИ («В ПОЛЯХ ЗА ВИСЛОЙ СОННОЙ...») / *261*

Булат Шалвович **ОКУДЖАВА** / *262*
ДО СВИДАНИЯ, МАЛЬЧИКИ / *263*
МЫ ЗА ЦЕНОЙ НЕ ПОСТОИМ / *264*
ПОЖЕЛАНИЕ ДРУЗЬЯМ / *266*

Роберт **ШЕКЛИ** / *268*
ЗАПАХ МЫСЛИ / *270*

Краткий словарь литературоведческих терминов / *283*

Для внеклассного чтения / *286*

Список произведений, использованных для иллюстраций / *287*

Благодарность книгам

Нет, быть может, дней в нашем детстве, прожитых с такой полнотой, как те, которые мы провели с любимой книгой. О неизгладимых впечатлениях от чтения книг в детстве и юности вспоминал великий русский писатель Алексей Максимович Горький в рассказе «Как я учился»:

...Сознательно читать я научился, когда мне было лет четырнадцать. В эти годы меня увлекала уже не одна фабула книги — более или менее интересное развитие изображаемых событий, — но я начинал понимать красоту описаний, задумываться над характерами действующих лиц, смутно догадываться о целях автора книги...

Чем больше я читал, тем более книги роднили меня с миром, тем ярче, значительнее становилась для меня жизнь. Я видел, что есть люди, которые живут хуже, труднее меня, и это меня несколько утешало, не примиряя с оскорбительной действительностью; я видел также, что есть люди, умеющие жить интересно и празднично, как не умеет жить никто вокруг меня. И почти в каждой книге тихим звоном звучало что-то тревожное, увлекающее к неведомому, задевавшее за сердце...

Точно какие-то дивные птицы сказок, книги пели о том, как многообразна жизнь, как дерзок человек в своём стремлении к добру и красоте. И чем дальше, тем более здоровым и бодрым духом наполнялось сердце. Я стал спокойнее, увереннее в себе, более толково работал и обращал всё меньше внимания на бесчисленные обиды жизни...

Всё более расширяя предо мною пределы мира, книги говорили мне о том, как велик и прекрасен человек в стремлении к лучшему, как много сделал он на земле и каких невероятных страданий стоило это ему.

И в душе моей росло внимание к человеку — ко всякому, кто бы он ни был, скоплялось уважение к его труду, любовь к его беспокойному духу. Жить становилось легче, радостнее — жизнь наполнялась великим смыслом...

И с глубокой верою в истину моего убеждения я говорю всем: любите книгу, она облегчит вам жизнь, дружески поможет разобраться в пёстрой и бурной путанице мыслей, чувств, событий,

она научит вас уважать человека и самих себя, она окрыляет ум и сердце чувством любви к миру, к человеку...

Эти слова написаны в начале XX века.

Позднее известный польский писатель Ярослав Ивашкевич как бы дополнил сказанное А. М. Горьким о книге и чтении. Он предостерегал своих современников от чрезмерного увлечения техническими средствами информации, ставшими доступными людям XX столетия:

У книги в наше время много соперников... Радио, телевидение, кино... львиную долю очарования похитили эти изобретения у книги! Но одного они не в состоянии отнять у неё — её тишины и безмолвия. Безмолвие книги — это то, что действует на нас сильнее всего. Безмолвие — это чара, которую мы можем наполнить собственными эмоциями, собственным воображением. Кино, телевидение навязывают нам свой образ, не позволяя представить его по-иному. Книга... оберегает нашу личность от напора всего того грубого, крикливого, агрессивного, что имеется в современной культуре.

Я люблю книгу, потому что она вводит меня в мой собственный мир и открывает во мне самом... те богатства, о которых я сам не подозревал.

КНИГА – СОКРОВИЩНИЦА ЗНАНИЙ И ЧУВСТВ ЧЕЛОВЕКА

Часто я спрашиваю себя, когда думаю о занятии литературой: когда же это началось? И как это вообще начинается? Что впервые заставляет человека взять в руки перо, чтобы не выпускать его до конца жизни?

Труднее всего вспоминать, когда это началось. Очевидно, писательство возникает в человеке, как душевное состояние, гораздо раньше, чем он начинает исписывать стопы бумаги. Возникает ещё в юности, а может быть, и в детстве...

Что же понуждает писателя к его подчас мучительному, но прекрасному труду? Прежде всего — зов собственного сердца. Голос совести и вера в будущее не позволяют подлинному писателю прожить на земле как пустоцвет и не передать людям с полной щедростью всего огромного разнообразия мыслей и чувств, наполняющих его самого...

Каждая минута, каждое брошенное невзначай слово и взгляд, каждая глубокая или шутливая мысль, каждое незаметное движение человеческого сердца, так же как и летучий пух тополя или огонь звезды в ночной луже, — всё это крупинки золотой пыли.

Мы, литераторы, извлекаем их десятилетиями, эти миллионы песчинок, собираем незаметно для самих себя, превращаем в сплав и потом выковываем из этого сплава свою «золотую розу» — повесть, роман или поэму...

Писателем может быть только тот, у кого есть что сказать людям нового, значительного, интересного, тот человек, который видит многое, чего остальные не замечают...

...Постепенно оживает сила души... Как назвать её? Воображением, фантазией, проникновением

Константин
ПАУСТОВСКИЙ

Писателем может быть только тот, у кого есть что сказать людям

в мельчайшие поры человеческого сознания, вдохновением? Душевным восторгом или спокойствием? Радостью или печалью? Кто знает!.. В доме пусто. Я один. Рядом — море на сотни миль. За дюнами обширные болота и низкие леса... Никого нет около. Но стоит зажечь лампу, сесть к столу и начать писать о чём бы то ни было, как ощущение одиночества пропадает. Я не один. Из этой тесной комнаты я могу говорить с тысячами людей, со всем миром. Я могу им рассказывать всяческие истории, смешить их и печалить, вызывать раздумие и гнев, любовь и сострадание, вести их за руку, как поводырь, по жизни... Мысль существует во мне как волнение, как желание передать другим то, что наполняет сейчас мой разум, моё сердце, всё моё существо. Мысль живёт во мне, но во что она выльется, какие найдёт пути для своего выражения, мне не ясно ещё самому. Но я знаю, для кого я буду писать. Я буду говорить со всем миром.

Жорж ДЮАМЕЛЬ
«Увлечь читателя своими героями»

Первая задача всякого писателя — увлечь читателя своими героями. Знакомство с их жизнью подобно свежему ветру, который не просто касается нашей души, но волнует её, пронизывая до самых глубин.

Переворачивая страницы книги, мы совершаем открытие за открытием. Нам, конечно, не рассказывают историю из нашей собственной жизни; речь идёт о принцессах, героях, грабителях, может быть, даже о диких животных, как у Киплинга; тем не менее эта чужая история отбрасывает на наше существование необычный свет. Мы наблюдаем, как действуют персонажи, как бы выхваченные непосредственно из нашей жизни; мы знаем их, мы их узнаём, мы ощущаем подчас их присутствие рядом, хотя погружены в чтение. Мы учимся, то есть что-то схватываем; наше естественное стремление к познанию находит удовлетворение. От тревоги мы переходим к удивлению, от удивления — к душевной полноте. Закончив чтение, мы замечаем, что как будто выросли. Такие книги наполняют нашу жизнь своим ароматом, и время от времени мы ощущаем потребность снова вдохнуть его. Поэтому мы всегда держим при себе эту книгу. Эту книгу мы не бросим на скамейке вагона, мы заботливо поставим её на полку и достанем, когда почувствуем, что нуждаемся в ней: не ради сюжета, который нам известен, а ради тех ценностей, которые она хранит для нас.

Перевод с французского И. Кузнецовой

Всеволод РОЖДЕСТВЕНСКИЙ

Я в этой книге жил когда-то...
На ней доныне след живой
Неторопливого заката,
Души, очищенной грозой.
Да, проходил я не напрасно
В дожде и солнце рощ родных,

И звал прекрасное — прекрасным
И не боялся слов простых.
А на людскую память право
У этих строк хотя бы в том,
Что я сложил их не лукаво —
Достойным русским языком.

Егише ЧАРЕНЦ

МОЕМУ ЧИТАТЕЛЮ

Шлю тебе мою работу,
Как меж нами повелось,
Прочитай, а нет охоты —
Книгу в сторону отбрось.
Всё вложил я в строки эти.
Как я жил и как страдал —
Ни один поэт на свете
За меня б не рассказал.
Сердцем разбери сурово,
Есть ли в книге мастерство, —
Нету критика другого,
Кроме сердца твоего.

Перевод с армянского В. Звягинцевой

Давайте побеседуем

1. Великий русский писатель Алексей Максимович Горький назвал художественную литературу человековедением. Прочтите его высказывания о значении книг в статье «Благодарность книгам», открывающей этот учебник. Что из прочитанного в детстве и юности волновало будущего писателя сильнее всего? О каких ценных человеческих качествах, приобретённых в результате чтения, неоднократно говорит А. М. Горький?
2. Разделяете ли вы мнение польского писателя Ярослава Ивашкевича о значении книги и чтения в современной жизни? Приходилось ли вам когда-нибудь, оставшись наедине с интересной книгой, испытывать состояние, подобное тому, о котором говорит Ярослав Ивашкевич?
3. Чем интересны высказывания Константина Паустовского о писателе и его творческом труде? Почему Паустовский сравнивает писательский труд с собиранием крупинок золотой пыли, а художественные произведения — с «золотой розой»? Раскройте смысл этой метафоры.
4. Читая книги и размышляя над прочитанным, вы имели возможность убедиться в том, что главным предметом изображения в художественном произведении является человек: его поступки, мысли, чувства, отношения с другими людьми; с человеком связаны события, предметы, природа. Стоит нам назвать имя писателя, как мы сразу же вспоминаем

героев, о жизни которых узнали из его произведений. Многие науки — медицина, история, психология, социология[1] — связаны с изучением различных сторон человека. Но только в литературе человек выступает перед нами как живая личность.

Прочитайте отрывок из статьи французского писателя Жоржа Дюамеля под заголовком «Увлечь читателя своими героями». Какую задачу автора он считает самой первой и почему?

5. На примерах произведений, изученных в предыдущих классах, расскажите, как писатель вызывает интерес читателей к своим героям, каким образом выражает собственное отношение к ним.
6. Прочитайте стихотворения русского поэта Всеволода Рождественского «Я в этой книге жил когда-то...» и армянского поэта Егише Чаренца «Моему читателю». Как они связаны с названием раздела, в котором помещены, — «Книга — сокровищница знаний и чувств человека»? Что объединяет эти два стихотворения? Какие строки из этих стихотворений вас особенно затронули?
7. «Любовь и долгий путь рождают книгу...» Эти слова принадлежат известному чилийскому поэту Пабло Неруде. Как вы думаете, может ли это высказывание стать эпиграфом к данному разделу учебника? Аргументируйте свои ответы, используя тексты статей и стихотворений, помещённых в этом разделе.
8. Расскажите о своих любимых книгах и писателях. Кто из литературных героев стал вам особенно близок и необходим в жизни?

Познакомьтесь с содержанием учебника-хрестоматии. Работая с этой книгой в течение года, будьте вдумчивыми и отзывчивыми читателями, интересными и компетентными[2] собеседниками. Пусть встречи с новыми писателями и новыми произведениями окрыляют, как сказал А. М. Горький, ваш «ум и сердце чувством любви к миру, к человеку».

[1] Социология — наука об обществе, об отношениях в обществе.

[2] Компетентный — знающий, осведомлённый, умеющий давать собственную аргументированную оценку прочитанному.

ФОЛЬКЛОР И ХУДОЖЕСТВЕННАЯ ЛИТЕРАТУРА

Появлению художественной литературы предшествовал длительный период, когда, ещё задолго до изобретения письменности, на протяжении многих столетий древними народами создавалось подлинное искусство художественного слова — фольклор. «Начало искусства слова — в фольклоре», — справедливо утверждал Алексей Максимович Горький.

Размышляя о главных чертах (признаках) в устройстве жизни древних

людей и понимании ими окружающего мира, Горький писал: «Признаки эти дошли до нас в форме сказок и мифов, в которых мы слышали отзвуки работы над приручением животных, над открытием целебных трав, изобретением орудий труда. Уже в глубокой древности люди мечтали о возможности летать по воздуху — об этом говорят нам легенды о Фаэтоне, Дедале и сыне его Икаре, а также сказки о «ковре-самолёте». Мечтали об ускорении движения по земле — сказка о «сапогах-скороходах». Мыслили о возможности прясть и ткать в одну ночь огромное количество материи — создали прялку, одно из древнейших орудий труда, примитивный ручной станок для тканья и создали сказку о Василисе Премудрой...»

В Древней Руси создавались и новые виды устного поэтического творчества: песни, предания, легенды, былины, объясняющие происхождение городов, селений, урочищ[1], курганов, повествующие о героических подвигах защитников родной земли. Многие из них вошли уже в первые произведения письменной литературы — летописи. Так, летопись «Повесть временных лет» (XI—XII вв.) содержит народные предания об основании Киева тремя братьями — Кием, Щеком и Хоривом, которые были известны даже в Царьграде, где им воздавали великую честь. В «Повести временных лет» можно найти и устно-поэтические предания о русских князьях — Олеге, Игоре, Ольге, Святославе и др. Легенда об Олеге вещем, например, рассказывает о выдающемся древнерусском полководце, победившем греков не только силой, но и мудрой изобретательностью.

Позднее, с распространением письменности и появлением первых книг, устное народное творчество не только не утратило своей роли в жизни народа, но и оказывало самое благотворное влияние на развитие художественной литературы.

Стремясь глубже проникнуть в суть народной жизни, многие писатели черпали из фольклора не только сведения о быте, но и темы, сюжеты, образы, идеалы[2], учились искусству яркой, выразительной речи. В большинстве литератур мира созданы произведения, имевшие распространение в фольклоре: песни, баллады, романсы[3], сказки. Вы хорошо знаете, что свою замечательную

[1] Уро́чище — участок, отличающийся от окружающей местности, например болото, лес среди поля.
[2] Идеа́л — то, что составляет высшую цель деятельности, стремлений.
[3] Рома́нс — небольшое вокальное произведение лирического характера.

балладу «Песнь о вещем Олеге» Александр Пушкин написал на основе услышанной им народной легенды о смерти князя Олега, якобы предсказанной ему волхвом (жрецом славянского бога Перуна). В своей сказочной поэме «Руслан и Людмила» Пушкин широко использовал ещё с детства, со слов няни Арины Родионовны, запомнившиеся ему сказочные эпизоды и образы. Воображение читателей поражает само вступление к этой поэме («У лукоморья дуб зелёный...»), в котором удивительным образом присутствуют знакомые каждому с детства сказочные образы русалки, избушки на курьих ножках, Бабы Яги со ступою, Кощея и другие волшебства из русских сказок. Поэт восклицает: «Там русский дух, там Русью пахнет!»

Пушкинская «Сказка о мёртвой царевне и о семи богатырях» является поэтической переработкой русской народной сказки «Самоглядное зеркало».

На основе народных сюжетов написали свои замечательные сказки датчанин Ханс Кристиан Андерсен («Дикие лебеди»), француз Шарль Перро («Золушка»), немцы братья Вильгельм и Якоб Гримм («Бременские музыканты») и др.

В сознании людей многих поколений сказки писателей слились со сказками народа. И это объясняется тем, что каждый писатель, каким бы оригинальным ни было его собственное творчество, испытывает глубокую связь с фольклором своего народа. Именно в устном народном творчестве писатели находили яркие примеры верности нравственным устоям, выражение мечты народа о справедливой, счастливой жизни.

Большое место в русском фольклоре занимают былины — героические песни, повествующие о могучих русских богатырях, защитниках Родины. Воспевая богатырей, былины звали на подвиг во славу Отечества, поднимали в тяжёлую годину дух народа, воспитывали у юных любовь к родной земле и стремление защитить её от завоевателей. Былины о непобедимых богатырях вдохновляли русских писателей и поэтов на создание собственных произведений о бесстрашных и славных воинах земли русской. Познакомьтесь с отрывком стихотворения Николая Рыленкова, в котором поэт поведал о своих впечатлениях от былины об Илье Муромце, рассказанной ему дедом. Вот как представлял он в детстве богатыря:

Зима и детство. Вечер длинный
Под кровом тесного жилья.

Встаёт над дедовской былиной
Крестьянин Муромец Илья.
Не забавляясь в поле чистом,
Спешит он в Киев без дорог,
И Соловей Разбойник свистом
Остановить его не мог.

Многие писатели, стремясь глубже показать жизнь народа, национальные особенности героев, используют в своих произведениях народные песни, предания, легенды и другие виды устного народного творчества. Вспомним, как работал над своей книгой «Вечера на хуторе близ Диканьки» Николай Васильевич Гоголь. В письме к матери он просил сообщить ему всё, что она знает о нравах и обычаях своих земляков: «Это мне очень, очень нужно... Если есть, кроме того, какие-либо ду́хи или домовые, то о них подробнее с их названиями и делами; множество носится между простым народом поверий, страшных сказаний, преданий, разных анекдотов, и проч., и проч., и проч. Всё это будет для меня чрезвычайно занимательно...»

Вы знаете из уроков литературы, каким небывалым был успех первой книги «Вечеров на хуторе близ Диканьки». Пушкин писал: «Сейчас прочёл «Вечера на хуторе близ Диканьки». Они изумили меня. Вот настоящая весёлость, искренняя, непринуждённая, без жеманства[1], без чопорности. А местами какая поэзия! Какая чувствительность! Всё это так необыкновенно в нашей литературе, что я доселе не образумился. Поздравляю публику с истинно весёлою книгою...»

В дальнейшем ваши знания о неразрывной связи фольклора с произведениями художественной литературы будут расширяться и углубляться, но при этом всегда следует помнить главное: для художников слова фольклор — неиссякаемый источник незыблемых представлений народа о добре, справедливости, истинной любви и мудрости.

[1] Жема́нство — жеманное поведение, лишённое простоты и естественности.

Давайте побеседуем

1. Какие виды устного поэтического творчества создавал народ задолго до появления художественной литературы? Назовите те из них, которые вошли в первые летописи.
2. Почему писатели в своём творчестве часто обращаются к фольклорным произведениям?
3. Назовите произведения устного народного творчества, которые легли в основу известных вам литературных произведений.
4. Среди русских народных сказок есть сказка под названием «Золотая рыбка», сюжет которой полностью совпадает с пушкинской «Сказкой о рыбаке и рыбке». Как вы думаете, почему именно эта народная сказка стала основой для создания одной из самых любимых и популярных сказок великого поэта?
5. Если вы хорошо знаете содержание «Вечеров на хуторе близ Диканьки» Николая Гоголя, вспомните, какие народные поверья, легенды использовал писатель в своих повестях «Вечер накануне Ивана Купала», «Майская ночь, или Утопленница», «Страшная месть».
6. В 1785 году немецкий писатель Рудольф Эрих Распе издал книгу «Приключения барона Мюнхгаузена», которая была литературной обработкой фантастических рассказов действительно жившего в Германии барона Мюнхгаузена. Со временем эта книга приобрела всемирную известность.
   Какие из описанных в книге приключений вы знаете? Чем, по вашему мнению, эта книга привлекает читателей всего мира?
7. Почему А. М. Горький утверждал, что «начало искусства слова — в фольклоре»?

Русские былины

Чтение былин производит особое впечатление на современных людей, а их герои запоминаются на всю жизнь: сильные и бесстрашные Илья Муромец, Добрыня Никитич, Алёша Попович...

Былины — это народные песни. Создавал их народ, поэтому, в отличие от произведений художественной литературы, былины не имеют авторов. Их исполняли народные сказители, исполняли по памяти, как слышали от своих предков. Каждая былина, прежде чем попасть в книгу, была записана от исполнителя или группы исполнителей. На Севере и в Сибири былины исполнялись соло (одним человеком); в южных районах России (например, у казаков на Дону) былины пелись хором, как и другие произведения устного народного творчества — песни, сказки, загадки.

Само слово «былина» происходит от слова «быль» (то есть то, что было). В былинах мы находим много исторически достоверных примет. Например, известно, каким было старинное вооружение воинов: меч, щит, копьё, шлем, кольчуга; всё это есть у богатыря. В былинах воспевается Киев, упоминаются Чернигов, Муром, Галич и другие древние города; в ряде былин события происходят в старинном Новгороде.

Но это не значит, что в былинах всё изображено так, как было в действительности. Былины удивляют нас своей богатейшей фантазией, порой полным пренебрежением к точности в описании мест действия, времени и событий, расположения городов и стран. Неужели Илья Муромец стрелял в Соловья Разбойника, а Добрыня Никитич бился со Змеем?..

Чем же объяснить всё это? Прежде всего тем, что былины — это не летопись, в которую заносились с хронологической точностью даты выдающихся событий, имена их участников и т. д. Былина — художественное произведение, а потому для нее характерен вымысел. Для былин всегда важна не столько

правда отдельного факта, отдельного события, сколько правда жизни.

Предки русских, украинцев и белорусов — восточные славяне, расселявшиеся с незапамятных времен по степям и лесам Восточной Европы, вели жизнь, полную лишений и опасностей. Она была трудной не только потому, что приходилось бороться с пагубными природными явлениями (грозами, наводнениями, засухами, морозами), но и потому, что большую опасность представляли воинственные соседи, кочевые племена. Печенеги, половцы ходили походами на Русь, разоряли селения, забирали в плен женщин и детей, увозили с собой богатства, изделия тонкого ремесла, драгоценности, произведения искусства. В великом памятнике древнеславянской литературы «Слово о полку Игореве» (XII век) так изображена опустошённая после набегов земля: «И застонал, братья, Киев от горя, а Чернигов от напастей, тоска разлилась по Русской земле, печаль обильная потекла посреди земли Русской».

Конечно же, страшные потрясения не могли не волновать поэтическую душу народа, народные певцы не могли оставаться в стороне от важнейших исторических событий, — и они создали героические песни, которые теперь называются былинами.

По Ю. Круглову

Давайте побеседуем

1. Что вы знаете о русских богатырях Илье Муромце, Добрыне Никитиче, Алёше Поповиче и других? Какие вы читали былины о них, смотрели фильмы, видели картины художников?
2. Приходилось ли вам слышать в театре оперу Н. А. Римского-Корсакова «Садко»? Расскажите, кому она посвящена.
3. Назовите известные вам произведения русского фольклора. Какое место в вашем чтении и вашей жизни они занимают?
4. Какие фольклорные произведения других народов вы читали и запомнили: думы, сказания, легенды, баллады и др.?

УЧИМСЯ БЫТЬ ЧИТАТЕЛЯМИ

О ВЫРАЗИТЕЛЬНОМ ЧТЕНИИ БЫЛИН

Если мы попытаемся читать былины вслух так, как читаем стихи Пушкина, Лермонтова, Некрасова, то скоро убедимся, что произносить

их в том же тоне невозможно. Это объясняется тем, что у былин стих особенный, его так и называют — былинным стихом. В строках может быть разное количество слогов, но должно быть относительно равное количество ударений. Например:

Говори́т ора́тай таковы́ слова́:
— Я оста́вил со́шку во боро́здочке
Не для-ра́ди прохо́жего-прое́зжего:
Маломо́щный-то нае́дет — взять не́чего,
А бога́тый-то нае́дет — не поза́рится, —
А для-ра́ди мужичка́ да деревёнщины.

В былинном стихе первое ударение, как правило, падает на третий слог от начала, а последнее — на третий слог от конца. Это делает стих былины гибким, хорошо приспособленным для передачи живых разговорных интонаций.

Излюбленный в народной поэзии приём повторов делает былинную речь плавной и напевной, помогает обращать внимание слушателей на особо важные моменты повествования:

Прямоезжая дорожка заколодела,
Заколодела дорожка, замуравела.

Торжественное пение былин в древности сопровождалось игрой на гуслях, мягкие звуки которых не заглушали голос певца и располагали слушателей к восприятию былины.

ИЛЬЯ МУРОМЕЦ И СОЛОВЕЙ РАЗБОЙНИК

Из того ли то из города из Му́рома,
Из того села да с Карача́рова
Выезжал удаленький дородный добрый молодец,
Он стоял заутреню[1] во Муроме,
А й к обеденке[2] поспеть хотел он в стольный Киев-град.

Да и подъехал он ко славному ко городу к Чернигову.
У того ли города Чернигова
Нагнано-то силушки черным-черно,
А й черным-черно, как чёрна ворона.
Так пехотою[3] никто тут не прохаживат,
На добром коне никто тут не проезживат,
Птица чёрный ворон не пролётыват,
Серый зверь да не прорыскиват.
А подъехал как ко силушке великоей,
Он как стал-то эту силушку великую,
Стал конём топтать да стал копьём колоть,
А й побил он эту силу всю великую.

Он подъехал-то под славный под Чернигов-град.
Выходили мужички да тут черниговски

[1] Зау́треня — утренняя церковная служба.
[2] Обе́дня — дневная церковная служба.
[3] Пехо́тою — здесь: пешком.

И отворяли-то ворота во Чернигов-град,
А й зовут его в Чернигов воеводою[1].

Говорит-то им Илья да таковы слова:
— Ай же мужички да вы черниговски!
Я не йду к вам во Чернигов воеводою.
Укажите мне дорожку прямоезжую,
Прямоезжую да в стольный Киев-град.

Говорили мужички ему черниговски:
— Ты, удаленький дородный добрый молодец,
Ай ты, славный богатырь святорусский!
Прямоезжая дорожка заколодела[2],
Заколодела дорожка, замуравела[3].
А й по той ли по дорожке прямоезжей
Да и пехотою никто да не прохаживал,
На добром коне никто да не проезживал.
Как у той ли то у Грязи-то, у Чёрноей,
Да у той ли у берёзы у покляпыя[4],
Да у той ли речки у Смородины,
У того креста у Леванидова[5]
Сидит Соловей Разбойник на сыром дубу,
Сидит Соловей Разбойник Одихмантьев сын.
А то свищет Соловей да по-соловьему,
Он кричит, злодей-разбойник, по-звериному.
И от его ли то от посвиста соловьего,
И от его ли то от покрика звериного
Те все травушки-муравы уплетаются,
Все лазоревы цветочки осыпаются,
Тёмны лесушки к земле все приклоняются,
А что есть людей — то все мертвы лежат.
Прямоезжею дороженькой — пятьсот есть вёрст,
А й окольноей дорожкой — цела тысяча.

Он спустил добра коня да и богатырского,
Он поехал-то дорожкой прямоезжею.
Его добрый конь да богатырский
С горы на гору стал перескакивать,
С холма на холмы стал перемахивать,
Мелки реченьки, озёрка промеж ног пускал.
Подъезжает он ко речке ко Смородине,
Да ко тоей он ко Грязи он ко Чёрноей,
Да ко тоей берёзе ко покляпыя,
К тому славному кресту ко Леванидову.
Засвистал-то Соловей да й по-соловьему,
Закричал злодей-разбойник по-звериному —

[1] Воево́да — в Древней Руси правитель города или начальник войска.
[2] Доро́жка заколо́дела — дорога завалена стволами засохших деревьев (колодами).
[3] Замура́вела — заросла муравой, то есть травой.
[4] Покля́пая — пригнутая книзу, искривлённая.
[5] У того креста у Леванидова — кресты ставили над могилами умерших в дороге.

Так все травушки-муравы уплеталися,
Да й лазоревы цветочки осыпалися,
Тёмны лесушки к земле все приклонилися.

Его добрый конь да богатырский,
А он на корни да спотыкается —
А й как старый-от казак да Илья Муромец
Берёт плёточку шелковую в белу руку,
А он бил коня да по крутым рёбрам,
Говорил-то он Илья таковы слова:
— Ах ты, волчья сыть да й травяной мешок!
Али ты идти не хошь, али нести не можь?
Что ты на корни, собака, спотыкаешься?
Не слыхал ли посвиста соловьего,
Не слыхал ли покрика звериного,
Не видал ли ты ударов богатырскиих?

А й тут старыя казак да Илья Муромец
Да берёт-то он свой тугой лук разрывчатый[1],
Во свои берёт во белы он во ручушки,
Он тетивочку шелковеньку натягивал,

М. Врубель.
«Богатырь»

Совпадает ли ваше представление об Илье Муромце с богатырём, которого изобразил художник? Чем нравится вам эта иллюстрация?

А он стрелочку калёную накладывал,
Он стрелил в того-то Соловья Разбойника,
Ему выбил право око со косицею[2].
Он спустил-то Соловья да на сыру землю,
Пристегнул его ко правому ко стремечку булатному,
Он повёз его по славну по чисту полю...

Он приехал-то во славный стольный Киев-град,
А ко славному ко князю на широкий двор.
А й Владимир-князь он вышел со Божьей церкви,
Он пришёл в палату белокаменну,
Во столовую свою во горенку,
Он сел есть да пить да хлеба кушати,
Хлеба кушати да пообедати.

А й тут старыя казак да Илья Муромец
Становил коня да посередь двора,
Сам идёт он во палаты белокаменны,
Проходил он во столовую во горенку,
На пяту[3] он дверь-то поразмахивал,
Крест-от клал он по-писаному,
Вёл поклоны по-учёному,
На все на три, на четыре на сторонки низко кланялся,
Самому князю Владимиру в особину,
Ещё всем его князьям он подколенным[4].

Тут Владимир-князь стал молодца выспрашивать:
— Ты скажи-тко, ты откулешний[5], дородный добрый молодец,
Тебя как-то, молодца, да именем зовут,
Величают удалого по отечеству[6]?

Говорил-то старыя казак да Илья Муромец:
— Есть я с славного из города из Мурома,
Из того села да Карачарова,
Есть я старыя казак да Илья Муромец,
Илья Муромец да сын Иванович.

Говорит ему Владимир таковы слова:
— Ай же старыя казак да Илья Муромец!
Да й давно ли ты повыехал из Мурома
И которою дороженькой ты ехал в стольный Киев-град?

Говорил Илья он таковы слова:
— Ай ты славныя Владимир стольно-киевский!
Я стоял заутреню Христосскую во Муроме,
А й к обеденке поспеть хотел я в стольный Киев-град,

[1] Разрывчатый — упругий, тугой лук. Когда тетива отпущена, хороший лук издаёт резкий звук, как бы разрывая воздух.
[2] Косица — висок.
[3] На пяту — широко, настежь.
[4] Подколенные князья — князья, подчинённые князю Владимиру.
[5] Откулешний — откуда.
[6] По отечеству — по отчеству.

Да моя дорожка призамешкалась.
А я ехал-то дорожкой прямоезжею,
Прямоезжею дороженькой я ехал мимо-то
Чернигов-град.
Ехал мимо эту Грязь да мимо Чёрную.
Мимо славну реченьку Смородину,
Мимо славную берёзу ту покляпую,
Мимо славный ехал Леванидов крест.

Говорил ему Владимир таковы слова:
— Ай же мужичище-деревенщина,
Во глазах, мужик, да подлыгаешься[1],
Во глазах, мужик, да насмехаешься!
Как у славного у города Чернигова
Нагнано тут силы много множество —
То пехотою никто да не прохаживал
И на добром коне никто да не проезживал,
Туда серый зверь да не прорыскивал,
Птица чёрный ворон не пролётывал.
А й у той ли то у Грязи-то у Чёрноей,
Да у славноей у речки у Смородины,
А у той ли у берёзы у покляпыя,
У того креста у Леванидова
Соловей сидит Разбойник Одихмантьев сын.
То как свищет Соловей да по-соловьему,
Как кричит злодей-разбойник по-звериному —
То все травушки-муравы уплетаются,
А лазоревы цветочки прочь осыпаются,
Тёмны лесушки к земле все приклоняются,
А что есть людей — то все мертвы лежат.

Говорил ему Илья да таковы слова:
— Ты, Владимир-князь да стольно-киевский,
Соловей Разбойник на твоём дворе,
Ему выбито ведь право око со косицею
И он к стремени булатному прикованный.

Тут Владимир-князь-то стольно-киевский
Он скорёшенько вставал да на резвы ножки,
Кунью шубоньку накинул на одно плечко,
То он шапочку соболью на одно ушко,
Он выходит-то на свой-то на широкий двор
Посмотреть на Соловья Разбойника.

Говорил-то ведь Владимир-князь да таковы
слова:
— Засвищи-тко, Соловей, ты по-соловьему,
Закричи-тко, собака, по-звериному.

[1] Подлыга́ться — лгать.

Говорил-то Соловей ему Разбойник Одихмантьев сын:
— Не у вас-то я сегодня, князь, обедаю,
А не вас-то я хочу да и послушати,
Я обедал-то у старого казака Ильи Муромца,
Да его хочу-то я послушати.

Говорил-то так Владимир-князь да стольно-киевский:
— Ай же старыя казак ты Илья Муромец!
Прикажи-тко засвистать ты Соловью да й по-соловьему,
Прикажи-тко закричать да по-звериному.

Говорил Илья да таковы слова:
— Ай же Соловей Разбойник Одихмантьев сын!
Засвищи-тко ты во по́лсвиста соловьего,
Закричи-тко ты во по́лкрика звериного...

Засвистал как Соловей тут по-соловьему,
Закричал Разбойник по-звериному —
Маковки на теремах покривились,
А околенки во теремах рассыпались,
От его, от посвиста соловьего,
А что есть-то людушек, так все мертвы лежат,
А Владимир-князь-от стольно-киевский
Куньей шубонькой он укрывается.

А й тут старый-от казак да Илья Муромец
Он скорёшенько садился на добра коня,
А й он вёз-то Соловья да во чисто поле,
И он срубил ему да буйну голову.

Говорил Илья да таковы слова:
— Тебе полно-тко свистать да по-соловьему,
Тебе полно-тко кричать да по-звериному,
Тебе полно-тко слезить да отцов-матерей,
Тебе полно-тко вдовить да жён молодыих,
Тебе полно-тко спущать-то сиротать да малых детушек!

ЭТО ИНТЕРЕСНО

В последние годы в Украине скульпторами-антропологами[1] совместно с учёными воссоздана внешность многих исторических деятелей и святых, покоящихся в лаврских пещерах. Среди них и Илья Муромец. Да-да! Именно тот былинный богатырь. Оказывается, он действительно «жил и работал

[1] Антропо́лог — специалист по антропологии — науке, изучающей биологическую природу человека.

своей булавой» в Киеве, а по кончине был причислен к лику святых и покоится в Ближних пещерах Киевской Лавры.

Илья Муромец был высокого для своего времени роста — 177 сантиметров — и отличался недюжинным развитием мышечной системы. Он умер от смертельного проникающего ранения грудной клетки плоским колющим предметом. Такая же рана обнаружена и на внутренней стороне левой руки. Следовательно, причиной его смерти стал удар копьём.

Согласно экспертизе[1], Илья Муромец погиб предположительно в 1188 году в возрасте старше 50 лет.

ВОПРОСЫ И ЗАДАНИЯ

ПОДЕЛИМСЯ ПЕРВЫМИ ВПЕЧАТЛЕНИЯМИ

1. Былина «Илья Муромец и Соловей Разбойник» — одна из наиболее известных русских былин. Она была записана от Т. Г. Рябинина из деревни Серёдка Петрозаводского уезда Олонецкой[2] губернии. Можете представить, на какой огромной территории передавалась из уст в уста эта былина. Чем же она замечательна, по вашему мнению? Что поразило в ней ваше воображение?
2. Какие эпизоды повествования в былине произвели на вас наибольшее впечатление и почему?
3. Опишите словесно, каким вы представляете себе Илью Муромца (его внешний облик, воинские доспехи) и его коня.
4. Попытайтесь вообразить, что вы оказались в древних Муроме, Чернигове, Киеве. Расскажите, какими предстали вашему взору эти города.

УГЛУБИМСЯ В ТЕКСТ БЫЛИНЫ

5. Что обостряет внимание слушателей (читателей) при знакомстве с Ильёй Муромцем в самом начале былины? (В своих ответах используйте слова и выражения из былинного текста.)
6. Не кажется ли вам неправдоподобным то, что Илья Муромец, например, один топчет конём «силушку великую», что его конь с горы на гору перескакивает и т. п.? Какое значение имеет здесь часто используемая в устном народном творчестве гипербола?
7. Какими качествами характера наделяет народ своего героя-богатыря Илью Муромца, решившего ехать в стольный Киев-град «дорожкой прямоезжею»?
8. Объясните, почему в былине несколько раз с одинаковой точностью описываются грозная сила и мощь Соловья Разбойника. Какова роль этих повторений?

[1] Экспертиза — рассмотрение какого-нибудь вопроса экспертами для вынесения заключения.

[2] Олонецкая губерния — старое, до 1917 года, название области, расположенной на северо-западе России, в бассейне Ладожского озера (сейчас Карелия).

9. Как проявляется характер Ильи Муромца, когда он сражается с Соловьём Разбойником? Каким образом народ-сказитель выражает свою любовь к герою-богатырю?
10. Обратите внимание на встречу в Киеве Ильи Муромца и князя Владимира. Какие особенности поведения каждого из них показаны в былине? Прочитайте выразительно диалог Ильи Муромца и князя.
11. Какие богатырские качества Ильи Муромца воспеваются в былине?

Для самостоятельной работы

12. Подготовьте выразительное чтение одного из эпизодов былины.
13. Отметьте и определите роль постоянных эпитетов и слов с уменьшительно-ласкательными суффиксами в былине. Какое воздействие оказывают они на слушателей (читателей) былины?
14. Создайте устный рассказ на тему: «Илья Муромец — любимый русский былинный герой».

ВОЛЬГА И МИКУЛА СЕЛЯНИНОВИЧ

Когда воссияло солнце красное
На тое ли на нёбушко на ясное,
Тогда зарождался молодой Вольга́,
Молодой Вольга Святославович.
Как стал тут Вольга растеть-матереть,
Похотелося Вольге много мудрости:
Щукой-рыбою ходить ему в глубоких морях,
Птицей-соколом летать ему под о́болока,
Серым волком рыскать да по чистыим полям.
Уходили все рыбы во синии моря,
Улетали все птицы за оболока,
Ускакали все звери во тёмны леса.
Как стал тут Вольга растеть-матереть,
Собирал себе дружинушку хоробрую:
Тридцать молодцов да без единого,
А сам-то был Вольга во тридцатыих.
Собирал себе жеребчиков тёмно-кариих,
Тёмно-кариих жеребчиков нелегчёныих.
Вот посели на добрых коней, поехали,
Поехали к городам да за получкою[1].
Повыехали в раздольице чисто поле,
Услыхали во чистом поле оратая[2],
Как о́рет в поле оратай, посвистывает,
Сошка[3] у оратая поскрипывает,
Омешики[4] по камешкам почиркивают.
Ехали-то день ведь с утра до вечера,
Не могли до оратая доехати.
Они ехали да ведь и другой день,
Другой день ведь с утра до вечера,

[1] Получка — здесь: дань. Вольга поехал собирать дань.
[2] Ратай, оратай — пахарь; орать — пахать.
[3] Соха́, со́шка — примитивное сельскохозяйственное орудие для вспахивания земли.
[4] Оме́шики — сошники, лемеха у сохи.

И. Билибин. Иллюстрация к сборнику «Русские былины»

Опишите иллюстрацию. Какое значение имеет её композиция?

Не могли до оратая доехати.
Как о́рет в поле оратай, посвистывает,
Сошка у оратая поскрипывает,
А омешки по камешкам почиркивают.
Тут ехали они третий день,
А третий день ещё до пабедья[1].
А наехали в чистом поле оратая.

Как о́рет в поле оратай, посвистывает,
А бороздочки он да помётывает,
А пеньё-коренья вывёртывает,
А большие-то каменья в борозду валит.
У оратая кобыла соловая[2],
Гужики[3] у неё да шелко́вые,
Сошка у оратая кленовая,
Омешки на сошке булатные,
Присошечек у сошки серебряный,

[1] Па́бедье — время, близкое к полудню.
[2] Соло́вая — лошадь со светло-коричневой шерстью, белыми хвостом и гривой.
[3] Гуж, гу́жик — мочальные или ременные петли, которыми оглобли прикрепляются к хомуту.

А рогачик- то у сошки красна золота.
А у оратая кудри качаются,
Что не скачен ли жемчуг рассыпаются.
У оратая глаза да ясна сокола,
А брови у него да чёрна соболя.
У оратая сапожки зе́лен сафьян:
Вот шилом пяты, носы востры,
Вот под пяту-пяту воробей пролетит,
Около носа хоть яйцо прокати.
У оратая шляпа пуховая,
А кафтанчик у него чёрна бархата.

Говорит-то Вольга таковы слова:
— Божья помочь тебе, оратай-оратаюшко!
Орать, да пахать, да крестьянствовати,
А бороздки тебе да помётывати,
А пёнья-коренья вывёртывати,
А большие-то каменья в борозду валить!

Говорит оратай таковы слова:
— Поди-ка ты, Вольга Святославович!
Мне-ка надобна Божья помочь крестьянствовати.
А куда ты, Вольга, едешь, куда путь держишь?

Тут проговорил Вольга Святославович:
— Как пожаловал меня да родной дядюшка,
Родной дядюшка да крёстный батюшка,
Ласковый Владимир стольно-киевский,
Тремя ли городами со крестьянами:
Первым городом Курцовцем,
Другим городом Ореховцем,
Третьим городом Крестьяновцем.
Теперь еду к городам да за получкою.

Тут проговорил оратай-оратаюшко:
— Ай же ты, Вольга Святославович!
Там живут-то мужички да всё разбойнички,
Они подрубят-то сляги калиновы
Да потопят тебя в речке да во Смородине!
Я недавно там был в городе, третье́го дни,
Закупил я соли цело три меха́ [1],
Каждый мех-то был ведь по сто пуд...
А тут стали мужички с меня грошей просить,
Я им стал-то ведь грошей делить,
А грошей-то стало мало ставиться,
Мужичков-то ведь больше ставится.
Потом стал-то я их ведь отталкивать,

[1] Мех — здесь: мешок.

Стал отталкивать да кулаком грозить,
Положил тут их я ведь до тысячи:
Который стоя стоит, тот сидя сидит,
Который сидя сидит, тот и лёжа лежит[1].

Тут проговорил ведь Вольга Святославович:
— Ай же ты, оратай-оратаюшко,
Ты поедем-ко со мной во товарищах,

А тут ли оратай-оратаюшко
Гужики шелковые повыстегнул,
Кобылу из сошки повывернул.
Они сели на добрых коней, поехали.
Как хвост-то у ней расстилается,
А грива-то у неё да завивается.
У оратая кобыла ступью пошла,
А Вольгин конь да ведь поскакивает.
У оратая кобыла грудью пошла[2],
А Вольгин конь да оставается.

Говорит оратай таковы слова:
— Я оставил сошку во бороздочке
Не для-ради прохожего-проезжего:
Маломощный-то наедет — взять нечего,
А богатый-то наедет — не позарится, —
А для-ради мужичка да деревенщины.
Как бы сошку из земельки повыдернути,
Из омешиков бы земельку повытряхнути
Да бросить сошку за ракитов куст.

Тут ведь Вольга Святославович
Посылает он дружинушку хоробрую,
Пять молодцов да ведь могучиих,
Как бы сошку из земли да повыдернули,
Из омешков земельку повытряхнули,
Бросили бы сошку за ракитов куст.

Приезжает дружинушка хоробрая,
Пять молодцов да ведь могучиих,
Ко той ли ко сошке кленовенькой.
Они сошку за обжи[3] вокруг вертят,
А не могут сошки из земли поднять,
Из омешиков земельки повытряхнуть,
Бросить сошки за ракитов куст.

Тут молодой Вольга Святославович
Посылает-от дружинушку хоробрую
Целым он ведь десяточком.

[1] Который стоя стоит, тот сидя сидит, который сидя сидит, тот и лёжа лежит. — Кто стоял, тот стал сидеть, кто сидел, тот стал лежать.
[2] Кобыла грудью пошла — тихой рысью.
[3] Обжи — оглобли у сохи.

И. Билибин. Иллюстрация к сборнику «Русские былины»

Как помогает вам иллюстрация представить защитников Русской земли?

Е. Кибрик. «Микула Селянинович»

Как изобразил художник былинного богатыря Микулу Селяниновича?

Они сошку за обжи вокруг вертят,
А не могут сошки из земли выдернуть,
Из омешиков земельки повытряхнуть,
Бросить сошки за ракитов куст.

И тут ведь Вольга Святославович
Посылает всю свою дружинушку хоробрую,
Чтобы сошку из земли повыдернули,
Из омешиков земельку повытряхнули,
Бросили бы сошку за ракитов куст.
Они сошку за обжи вокруг вертят,
А не могут сошки из земли повыдернуть,
Из омешиков земельку повытряхнуть,
Бросить сошки за ракитов куст.

Тут оратай-оратаюшко
На своей ли кобыле соло́венькой

Приехал ко сошке кленовенькой.
Он брал-то ведь сошку одной рукой,
Сошку из земли он повыдернул,
Из омешиков земельку повытряхнул,
Бросил сошку за ракитов куст.

А тут сели на добрых коней, поехали.
Как хвост-то у ней расстилается,
А грива-то у ней да завивается.
У оратая кобыла ступью пошла,
А Вольгин конь да ведь поскакивает.
У оратая кобыла грудью пошла,
А Вольгин конь да оставается.

Тут Вольга стал да он покрикивать,
Колпаком он стал да ведь помахивать:
— Ты постой-ка ведь, оратай-оратаюшко!
Кабы этая кобыла коньком бы была,
За этую кобылу пятьсот бы дали.

Тут проговорил оратай-оратаюшко:
— Ай же глупый ты, Вольга Святославович!
Я купил эту кобылу жеребёночком,
Жеребёночком да из-под матушки,
Заплатил за кобылу пятьсот рублей.
Кабы этая кобыла коньком бы была,
За эту кобылу цены не было бы!

Тут проговорил Вольга Святославович:
— Ай же ты, оратай-оратаюшко,
Как-то тебя да именем зовут,
Нарекают тебя да по отечеству?

Тут проговорил оратай-оратаюшко:
— Ай же ты, Вольга Святославович!
Я как ржи-то напашу да во скирды сложу,
Я во скирды сложу да домой выволочу,
Домой выволочу да дома вымолочу,
А я пива наварю да мужичков напою,
А тут станут мужички меня похваливати:
«Молодой Микула Селянинович!»

ВОПРОСЫ И ЗАДАНИЯ

ПОДЕЛИМСЯ ПЕРВЫМИ ВПЕЧАТЛЕНИЯМИ

1. Кого из героев былины — Вольгу или Микулу Селяниновича — вы ярче представляете после первого чтения (прослушивания) и почему?
2. Чем покоряет богатырь-оратай современных читателей?
3. Какие эпизоды этой былины вы хотели бы проиллюстрировать?

УГЛУБИМСЯ В ТЕКСТ БЫЛИНЫ

4. Заметьте, что былина начинается повествованием о взрослении молодого Вольги. Как в связи с этим вы понимаете следующие строки?

Похотелося Вольге много мудрости:
Щукой-рыбою ходить ему в глубоких морях,
Птицей-соколом летать ему под оболока,
Серым волком рыскать да по чистыим полям.

5. Обратите внимание, что с тех пор, как Вольга и его дружина «услыхали во чистом поле оратая», и до момента их встречи прошло почти три дня. Всё это время они слышали, «как орет в поле оратай». Прочитайте выразительно этот эпизод. Определите, какие слова в нём повторяются. Чему служат эти повторения?
6. Что же открылось взору Вольги и его дружины, когда они, наконец, «наехали в чистом поле оратая»? Как выражает народ-сказитель своё восхищение трудом оратая? Прочитайте этот отрывок выразительно.
7. В былине ярко рисуется портрет крестьянина-богатыря. Чем нравится он вам? Какую роль в его описании играют сравнения и постоянные эпитеты?
8. Как в былине повествуется о превосходстве Микулы Селяниновича над дружиной Вольги? Расскажите об этом, используя былинные слова и выражения.
9. Как вы думаете, почему в тексте былины содержится разговор Вольги и Микулы Селяниновича о стоимости лошади крестьянина?
10. Что больше всего в жизни ценит Микула Селянинович? Как вы понимаете его ответ Вольге в конце былины?
11. Какие замечательные качества крестьянина-богатыря воплощены в Микуле Селяниновиче?

Для самостоятельной работы

12. Во все времена человека уважали за его способность вести себя с достоинством в любых жизненных ситуациях. Обладают ли этим качеством герои-богатыри Илья Муромец и Микула Селянинович? В своих ответах опирайтесь на текст былин.
13. Подготовьте развёрнутый ответ на вопрос: как прославляется крестьянский труд в былине «Вольга и Микула Селянинович»?
14. Установите, что общего между русскими былинами и украинскими народными думами. В чём их отличие?

Для будущих филологов

Подготовьте сообщение на одну из тем: «Как были открыты былины в XIX веке»; «Выдающиеся исполнители былин»; «Подвижнический труд собирателей былин».

УЧИМСЯ БЫТЬ ЧИТАТЕЛЯМИ

О БЫЛИНЕ

Былины — песни, но песни особые. Их ещё называют эпическими песнями, то есть песнями, которые рассказывают, повествуют о каких-либо событиях, объединённых одними и теми же персонажами (от греч. *épos* — слово, повествование, рассказ).

Былины имеют сюжет: изображение событий в развитии, персонажей — в действии. Былинное действие разворачивается всегда медленно и спокойно. Нередко былины начинаются с **запева**, прямо не связанного с содержанием, но настраивающего слушателей на определённый лад:

Высота ль, высота поднебесная,
Глубота, глубота — окиян-море,
Широко раздолье по всей земле,
Глубоки омуты днепровские...

После запева, если он есть, идёт **зачин** — начало рассказа:

Из того ли то из города из Мурома,
Из того села да с Карачарова
Выезжал удаленький дородный добрый молодец...

Далее идёт **основная часть** — повествование о событиях и поступках героев. Певцы часто повторяют отдельные слова, словосочетания, стихи и значительные по объёму эпизоды. Так, четыре раза в былине «Илья Муромец и Соловей Разбойник» говорится о страшном свисте Соловья, и этим привлекается внимание слушателей к грозной силе разбойника.

Былину, как правило, венчает **концовка**, например: «Тут Илье и славу поют» или «На том былинка и кончилась».

Богат, живописен, выразителен язык былин.

В былинах изображаются могучие герои, жестокие поединки, необычные происшествия. Этим можно объяснить довольно частое употребление в них такого художественного приёма, как гипербола (преувеличение). Богатырей отличает огромная физическая сила, они даже едят и пьют как существа необыкновенные: выпивают единым духом чару в полтора ведра. Богатыри бьются-рубятся с недругами по двенадцать дней «не пиваючи, не едаючи», подбрасывают тяжёлые палицы в поднебесье; их шлемы весят по нескольку пудов, мечи у них такие, что никому из простых смертных не поднять. Эти гиперболы — средство прославления героя, а также стремление ярко запечатлеть персонажей и их действия, вызвать у слушателей удивление и восхищение.

Эпитеты создают в былинах особый — былинный, героический — мир. Богатырь определяется как *святорусский, могучий, сильный*; князь Владимир — как *ласковый, славный, красно солнышко, светлое солнце*. Враг называется *поганым, злым, проклятым, неверным, безбожным*. Определяемое слово часто употребляется с одним и тем же эпитетом. Такие эпитеты называют постоянными. Например: *добрый молодец, поле чистое, дорожка прямоезжая, голова буйна, плечи могучи, ноги резвые* и т. п.

Большую роль в выражении исполнителями своего отношения к персонажам былин играют суффиксы. Уменьшительно-ласкательными суффиксами награждались любимые герои (*Ильюшенька, Добрынюшка, Алёшенька*), уничижительными и увеличительными — их противники (*Идолище, Змеище* и т. д.).

Итак, ***былины — это народные героические песни эпического характера***. Они рассказываются нараспев и строятся по определённому плану.

Язык былин отличается художественным богатством и выразительностью: повторами, гиперболами, постоянными эпитетами, сравнениями и др.

Закрепим новые знания

1. Объясните, почему былина — это народная героическая песня эпического характера.
2. Что общего между сказкой и былиной? Чем они различаются?
3. Проанализируйте построение былин, выделите в каждой былине значимые части: зачин, основную часть и концовку (если она есть).
4. Приведите примеры имеющихся в былинах гипербол, постоянных эпитетов, повторений и определите их роль.
5. Найдите в былинах слова с уменьшительно-ласкательными суффиксами и объясните, с какой целью они употребляются.
6. Что является характерным для исполнения былин?

ИЗ ДРЕВНЕРУССКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

Около тысячи лет назад возникла письменная русская литература. Она древнее, чем литературы французская, английская, немецкая. Её начало восходит ко второй половине X века и совпадает с появлением на Руси христианства и письменности.

Самыми ранними древнерусскими произведениями были летописи, в которых записывались события по годам, или, как говорили в старину, по летам. На протяжении семи веков, с XI по XVII столетие, создавалось русское летописание.

Первую историю Древней Руси, её летопись под названием «Повести временных лет» составил учёный монах Киево-Печерского монастыря Нестор. В заглавии своего великого труда он написал: «Се Повести времяньных лет, откуду есть пошла Русская земля, кто в Киеве нача первее княжити и откуду Русская земля стала есть».

Летописец не только подробно излагает историю славянских племён, но и связывает её с историей всего человечества. Он описывает события давно минувших дней и своего времени, славит князя Владимира, который ввёл христианство на Руси и тем самым открыл ей дорогу для культурного развития и обмена с другими народами. Высоко оценивает Нестор заслуги Ярослава Мудрого, много сделавшего для просвещения Руси.

Но не только о князьях повествует летописец, он рассказывает и о простых людях, отличившихся своими славными делами и поступками. В летописи приводится описание поединка юноши-кожемяки с печенежским богатырём (русские и украинские народные сказки тоже рассказывают о легендарном герое-богатыре Никите Кожемяке, но в них он сражается не с печенежским воином, а со Змеем Горынычем). В «Повести временных лет» есть и сведения о Добрыне Мстишиче, который в русских былинах известен как богатырь Добрыня Никитич. Интересен летописный рассказ о подвиге отрока (подростка), вызвавшегося пробраться из осаждённого печенегами Киева, чтобы привести подмогу. Он не взял с собой ни коня, ни палицы, а лишь уздечку. «Он же вышел из города, — повествует летописец, — держа уздечку, и побежал через стоянку печенегов, спрашивая их: "Не видел ли кто-нибудь коня?"» Так юный герой спас осаждённый Киев.

«Высокое литературное образование Нестора, его исключительная начитанность в источниках, умение выбрать из них всё существенное... сделали «Повесть временных лет», — писал академик Д. С. Лихачёв, — не просто собранием фактов русской истории... а цельной, литературно изложенной историей Руси».

В 1118 году в «Повесть временных лет» было включено написанное в этом же году «Поучение» Владимира Мономаха. Автор «Поучения» князь Владимир Всеволодович Мономах (1053–1125) — один из самых талантливых и образованных русских князей. Он был князем черниговским, затем переяславским, а с 1113 года — киевским. Всю жизнь провёл в борьбе с половцами, во время своего правления пытался облегчить положение простого народа, поощрял летописание и литературную деятельность. Владимир Мономах был настоящим писателем, создателем художественного произведения. Через всё его «Поучение» проходит призыв «печаловаться» о своей Русской земле, о её тружениках и не допускать произвола сильных. Он приводит собственный пример управления народом: «Что надлежало делать отроку[1] моему, то сам делал — на войне и на охотах, ночью и днём, в жару и в стужу, не давая себе покоя... Также и бедного смерда[2], и убогую вдовицу не давал в обиду сильным и за церковным порядком и за службой сам наблюдал».

[1] Отрок — здесь: слуга.
[2] Смерд — крестьянин.

Первый издатель «Поучения» А. И. Мусин-Пушкин (1744—1817) назвал его «Духовной», то есть завещанием великого князя Владимира Всеволодовича Мономаха своим детям. Однако это завещание не только его детям. Сам Мономах писал: «Дети мои или иной кто, слушая эту грамотку, не посмейтесь, но кому из детей моих она будет люба, пусть примет её в сердце своё и не станет лениться, а будет трудиться».

«Поучение» Владимира Мономаха — выдающийся литературный памятник. В этом произведении с необыкновенной яркостью отразились культура Древней Руси и та роль, которую играла литература в общественной и государственной жизни русского народа того времени.

Давайте побеседуем

1. Как называются ранние произведения древнерусской литературы?
2. Кем написана «Повесть временных лет»? О каких событиях далёкого прошлого она рассказывает?
3. С какого времени и сколько веков создавалось русское летописание?
4. Центральное место в летописи «Повесть временных лет» занимает повествование о крещении Древней Руси князем Владимиром. Что вы узнали об этом событии на уроках истории?
5. В летописи Нестора содержится похвала киевскому князю и его книгам. Что вы знаете о жизни и заслугах этого князя? Как назвал его народ?
6. Что вы можете рассказать о Владимире Мономахе как государственном деятеле?
7. Какое значение имели летописи для развития древнерусской литературы?

ПОУЧЕНИЕ ВЛАДИМИРА МОНОМАХА

(Отрывок)

Азъ худый, дѣдомъ своимъ Ярославомъ, благословленымъ, славнымъ, наречный въ крещении Василий, русьскымь именемъ Володимиръ, отцемъ възлюбленымъ и матерью своею Мьномахы... и хрестьяных людий дѣля, колико бо сблюдъ по милости своей и по отни молитвѣ от всѣх бѣдъ! Сидя на санех, помыслих в души своей и похвалих Бога, иже мя сихъ дневъ грѣшнаго допровади. Да дѣти мои, или инъ кто, слышавъ сю грамотицю, не посмѣйтеся, но ему же люба дѣтий моихъ, а приметь є в сердце свое, и не лѣнитися начнеть тако же и тружатися.

Это — древнерусский текст.
На современный русский язык «Поучение» Владимира Мономаха перевёл *Дмитрий Лихачёв.*

Я, смиренный, дедом своим Ярославом, благословенным, славным, нареченный в крещении Василием, русским именем Владимир, отцом возлюбленным и матерью своею из рода Мономахов... и христианских ради людей, ибо сколько их соблюл по милости своей и по отцовской молитве от всех бед! Сидя на санях[1], помыслил я в душе своей и воздал хвалу Богу, который меня до этих дней, грешного, сохранил. Дети мои или иной кто, слушая эту грамотку, не посмейтесь, но кому из детей моих она будет люба, пусть примет её в сердце своё и не станет лениться, а будет трудиться.

Прежде всего, Бога ради и души своей, страх имейте божий в сердце своём и милостыню подавайте нескудную, — это ведь начало всякого добра. Если же кому не люба грамотка эта, то пусть не посмеются, а так скажут: на дальнем пути, да на санях сидя, безлепицу молвил.

Ибо встретили меня послы от братьев моих на Волге и сказали: «Поспеши к нам, и выгоним Ростиславичей и волость их отнимем; если же не пойдёшь с нами, то мы — сами по себе будем, а ты — сам по себе». И ответил я: «Хоть вы и гневаетесь, не могу я ни с вами пойти, ни крестоцелование преступить».

[1] **Сидя́ на санях** — образное выражение, означающее: на склоне лет, в конце жизни.

И, отпустив их, взял Псалтырь[1], в печали разогнул её, и вот что мне вынулось: «О чём печалишься, душа моя? Зачем смущаешь меня?» и прочее. И потом собрал я эти полюбившиеся слова и расположил их по порядку и переписал. Если вам последние не понравятся, начальные хоть возьмите.

«Зачем печалишься, душа моя? Зачем смущаешь меня? Уповай на Бога, ибо верю в него». «Не соревнуйся с лукавыми, не завидуй творящим беззаконие, ибо лукавые будут истреблены, послушные же Господу будут владеть землёй». И ещё немного: «И не будет грешника; посмотришь на место его и не найдёшь его. Кроткие же унаследуют землю и насладятся миром. Злоумышляет грешный против праведного и скрежещет на него зубами своими; Господь же посмеётся над ним, ибо видит, что настанет день его. Оружие извлекли грешники, натягивают лук свой, чтобы пронзить нищего и убогого, заклать правых сердцем. Оружие их пронзит сердца их, и луки их сокрушатся. Лучше праведнику малое, нежели многие богатства грешных. Ибо сила грешных сокрушится, праведных же укрепляет Господь. Ибо грешники погибнут, — праведных же милует и одаривает. Ибо благословляющие Его наследуют землю, клянущие же Его истребятся. Господом стопы человека направляются. Когда он упадёт, то не разобьётся, ибо Господь поддерживает руку его. Молод был и состарился, и не видел праведника покинутым, ни потомков его просящими хлеба. Всякий день милостыню творит праведник и взаймы даёт, и племя его благословенно будет. Уклонись от зла, сотвори добро, найди мир, и отгони зло, и живи во веки веков».

«Когда восстали бы люди, то живыми пожрали бы нас; когда прогневалась бы на нас ярость Его, то воды бы потопили нас».

«Помилуй меня, Боже, ибо попрал меня человек; всякий день нападая, теснит меня. Попрали меня враги мои, ибо много восстающих на меня свыше». «Возвеселится праведник и, когда увидит отмщение, руки омоет свои в крови грешника. И скажет человек: «Если есть награда праведнику — значит есть Бог, творящий суд на земле». «Освободи меня от врагов моих, Боже, и от восстающих на меня защити меня. Избавь меня от творящих беззаконие и от мужа крови спаси меня, ибо уже уловили душу мою». «Ибо гнев в мгновение ярости Его, а вся жизнь в воле Его: вечером водворится плач, а наутро радость». «Ибо милость Твоя лучше, чем жизнь моя, и уста мои да восхвалят Тебя. Так благословлю Тебя при жизни моей и во имя Твоё воздену руки мои». «Укрой меня от сборища лукавых и от множества делающих неправду». «Возвеселитесь все праведные сердцем. Благословлю Господа во всякое время, непрестанна хвала Ему», и прочее.

Ибо как Василий учил, собрав юношей: иметь душу чистую и непорочную, тело худое, беседу кроткую и соблюдать слово Господне: «Еде и питью быть без шума великого, при старых молчать, премудрых слушать, старшим покоряться, с равными и младшими любовь иметь, без лукавства беседуя, а побольше разуметь; не свиреповать

[1] Псалты́рь — одна из книг Библии.

А. Капнинский. «...Скажите каждому при встрече доброе слово».

словом, не хулить в беседе, не много смеяться, стыдиться старших, с непутёвыми женщинами не беседовать и избегать их, глаза держа книзу, а душу ввысь, не уклоняться учить увлекающихся властью, ни во что ставить всеобщий почёт. Если кто из вас может другим принести пользу, от Бога на воздаяние пусть надеется и вечных благ насладится». «О владычица Богородица! Отними от сердца моего бедного гордость и дерзость, чтобы не величался я суетою мира сего в ничтожной этой жизни».

Научись, верующий человек, быть благочестию свершителем, научись, по евангельскому слову, «очам управлению, языка воздержанию, ума смирению, тела подчинению, гнева подавлению, иметь помыслы чистые, побуждая себя на добрые дела, Господа ради; лишаемый — не мсти, ненавидимый — люби, гонимый — терпи, хулимый — моли, умертви грех». «Избавляйте обижаемого, давайте суд сироте, оправдывайте вдовицу. Приходите, да соединимся, говорит Господь. Если

будут грехи ваши как обагрённые, — как снег обелю их», и прочее. «Воссияет весна поста и цветок покаяния; очистим себя, братья, от всякой крови телесной и душевной. Взывая к светодавцу, скажем: «Слава Тебе, человеколюбец!»

Поистине, дети мои, разумейте, что человеколюбец Бог милостив и премилостив. Мы, люди, грешны и смертны, и если кто нам сотворит зло, то мы хотим его поглотить, кровь его пролить вскоре. А Господь наш, владея и жизнью и смертью, согрешения наши превыше разумения нашего терпит, так и во всю жизнь нашу. Как отец, чадо своё любя, бьёт его и опять привлекает к себе, так же и Господь наш показал нам победу над врагами, как тремя делами добрыми избавляться от них и побеждать их: покаянием, слезами и милостынею. И это вам, дети мои, не тяжкая заповедь Божия, как теми делами тремя избавиться от грехов своих и царствия небесного не лишиться.

Бога ради, не ленитесь, молю вас, не забывайте трёх дел тех, не тяжки ведь они. Ни затворничеством, ни монашеством, ни недоеданием, которые иные добродетельные претерпевают, но малым делом можно получить милость Божию.

«Что такое человек, как помыслишь о нём?» «Велик Ты, Господи, и чудны дела Твои. Разум человеческий не может постигнуть чудеса Твои». И снова скажем: «Велик Ты, Господи, и чудны дела Твои, и благословенно и славно имя Твоё вовеки по всей земле». Ибо кто не восхвалит и не прославит силу Твою и Твоих великих чудес и благ, устроенных на этом свете: как небо устроено, или как солнце, или как луна, или как звёзды, и тьма, и свет? И земля на водах положена, Господи, Твоим промыслом! Звери различные и птицы и рыбы, украшены Твоим промыслом, Господи! И этому чуду подивимся, как из праха создал человека, как разнообразны человеческие лица, — если и всех людей собрать, не у всех один облик, но каждый имеет свой облик лица, по Божьей мудрости. И тому подивимся, как птицы небесные из рая идут, и прежде всего в наши руки, и не поселяются в одной стране, но и сильные и слабые идут по всем землям, по Божьему повелению, чтобы наполнились леса и поля. Всё же это дал Бог на пользу людям, в пищу и на радость. Велика, Господи, милость Твоя к нам, так как блага эти сотворил Ты ради человека грешного. И те же птицы небесные умудрены Тобою, Господи: когда повелишь, то запоют и людей веселят; а когда не повелишь им, то, и имея язык, онемеют. «И благословен, Господи, и прославлен зело!» Всякие чудеса и эти блага сотворил и совершил...

Прочитав эти божественные слова, дети мои, похвалите Бога, подавшего нам милость свою: а то, дальнейшее, — это моего собственного слабого ума наставление. Послушайте меня: если не всё примете, то хоть половину.

Если вам Бог смягчит сердце, пролейте слёзы о грехах своих, говоря: «Как блудницу, разбойника и мытаря[1] помиловал ты, так и нас, грешных, помилуй». И в церкви то делайте и ло-

[1] Мытарь — сборщик податей, налогов.

А. Капнинский.
«...Чего не знаете, тому учитесь».

жась. Не пропускайте ни одной ночи, — если можете, поклонитесь до земли; если вам занеможется, то трижды. Не забывайте этого, не ленитесь, ибо тем ночным поклоном и молитвой человек побеждает дьявола, и что нагрешит за день, то этим избавляется. Если и на коне едучи не будет у вас никакого дела и если других молитв не умеете сказать, то «Господи помилуй» взывайте беспрестанно втайне, ибо эта молитва всех лучше, — нежели думать безлепицу, ездя.

Всего же более убогих не забывайте, но, насколько можете, по силам кормите и подавайте сироте и вдовицу оправдывайте сами, а не давайте сильным губить человека. Ни правого, ни виновного не убивайте и не повелевайте убить его. Если и будет повинен смерти, то не губите никакой христианской души. Говоря что-либо, дурное или хорошее, не клянитесь Богом, не креститесь, ибо нет тебе в этом никакой нужды. Если же вам придётся крест целовать братии или кому-либо, то, проверив сердце своё, на чём можете устоять, на том и целуйте, а поцеловав, соблюдайте, чтобы, преступив, не погубить души своей. Епископов, попов и игуменов чтите, и с любовью принимайте

от них благословение, и не устраняйтесь от них, и по силам любите и заботьтесь о них, чтобы получить по их молитве от Бога. Паче же всего гордости не имейте в сердце и в уме, но молвите: смертны суть; сегодня живы, а завтра в гробу; всё это, что Ты нам дал, не наше, но Твоё, поручил нам это на немного дней. И в земле ничего не сохраняйте, это нам великий грех. Старых чти, как отца, а молодых, как братьев. В дому своём не ленитесь, но за всем сами наблюдайте; не полагайтесь на тиуна[1] или на отрока, чтобы не посмеялись приходящие к вам, ни над домом вашим, ни над обедом вашим. На войну выйдя, не ленитесь, не полагайтесь на воевод; ни питью, ни еде не предавайтесь, ни спанью; сторожей сами наряжайте и ночью, расставив охрану со всех сторон, около воинов ложитесь, а вставайте рано; а оружия не снимайте с себя второпях, не оглядевшись по лености, внезапно ведь человек погибает. Лжи остерегайтеся, и пьянства, и блуда, от того ведь душа погибает и тело. Куда бы вы ни держали путь по своим землям, не давайте отрокам причинять вред ни своим, ни чужим, ни сёлам, ни посевам, чтобы не стали проклинать вас. Куда же пойдёте и где остановитесь, напоите и накормите нищего, более же всего чтите гостя, откуда бы к вам ни пришёл, простолюдин ли, или знатный, или посол; если не можете почтить его подарком, то пищей и питьём: ибо они, проходя, прославят человека по всем землям или добрым, или злым. Больного навестите, покойника проводите, ибо все мы смертны. Не пропустите человека, не поприветствовав его, и доброе слово ему молвите. Жену свою любите, но не давайте ей власти над собой. А вот вам и основа всему: страх божий имейте превыше всего.

Если будете забывать это, то чаще перечитывайте: и мне не будет стыдно, и вам будет хорошо.

Что умеете хорошего, то не забывайте, а чего не умеете, тому учитесь — как отец мой, дома сидя, знал пять языков, оттого и честь от других стран. Леность ведь всему мать: что кто умеет, то забудет, а чего не умеет, тому не научится. Добро же творя, не ленитесь ни на что хорошее, прежде всего к церкви: пусть не застанет вас солнце в постели. Так поступал отец мой блаженный и все добрые мужи совершенные. На заутрене, воздавши Богу хвалу, и потом на рассвете, увидев солнце восходящее, с радостью прославьте Бога и молвите: «Просвети очи мои, Христе Боже, давший мне свет твой дивный!» И ещё: «Господи, умножь годы мои, чтобы впредь, в остальных грехах своих покаявшись, исправил жизнь свою»; так я хвалю Бога и тогда, когда сажусь думать с дружиною, или собираюсь творить суд людям, или ехать на охоту или на сбор дани, или лечь спать. Спаньё в полдень назначено Богом; по этому установленью почивают ведь и звери, и птицы, и люди.

[1] Ти́ун — слуга, дворецкий, домоправитель.

ВОПРОСЫ И ЗАДАНИЯ

ПОДЕЛИМСЯ ПЕРВЫМИ ВПЕЧАТЛЕНИЯМИ

1. Чем интересно для вас «Поучение» Владимира Мономаха, написанное около девяти столетий назад?
2. Какие отрывки из «Поучения» вы хотели бы ещё раз перечитать и обсудить их в классе?
3. Каким человеком предстал перед вами великий князь Владимир Мономах после чтения его «Поучения»?

УГЛУБИМСЯ В ТЕКСТ «ПОУЧЕНИЯ»

4. Неспешного, вдумчивого чтения, как вы заметили, требует «Поучение» Владимира Мономаха. И тогда с самой первой его страницы мы услышим взволнованный, обеспокоенный судьбой молодого поколения голос автора. Глубоко верующий человек, князь Владимир предлагает задуматься над полюбившимися ему словами из Библии. Обратитесь к началу «Поучений» и прокомментируйте содержащиеся в нём библейские нравственные заповеди. Почему Владимир Мономах считал важным начать своё произведение с изложения именно этого текста из Библии?
5. Автор «Поучения» изумляется чуду устройства вселенной и человека в ней: «...как небо устроено, или как солнце, или как луна, или как звёзды и тьма, и свет». Объясните, в чём поэтичность этих описаний.
6. Какими Владимир Мономах хотел видеть юношей? Как вы сегодня оцениваете его требования к воспитанию мужчины?
7. «Старых чти, как отца, а молодых, как братьев», — писал Владимир Мономах. Какие ещё очень важные наставления даёт автор молодым?
8. Как характеризуют самого Владимира Мономаха его высказывания о ценности человеческой жизни? (Текст от слов: «...не давайте сильным губить человека...».) Почему он считал недопустимым убивать даже виновного?
9. Чем ценно «Поучение» Владимира Мономаха для современной молодёжи? Что полезного для себя вы извлекли, размышляя о наставлениях древнего автора?

Для самостоятельной работы

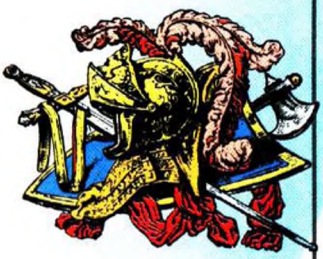
10. Подготовьте комментарий понравившегося вам отрывка «Поучения».
11. Создайте сжатое изложение на тему «Нравственные заветы молодым в «Поучении» Владимира Мономаха».
12. Составьте нравственную памятку, в которую занесите в краткой форме наставления Владимира Мономаха молодым. Озаглавьте памятку. Например: «Вы же, поступая хорошо, не ленитесь на всё доброе» или дайте другое название.

Для будущих филологов

Подготовьте устное сочинение на тему «Моё представление о Владимире Мономахе после чтения его “Поучения”».

ПРОВЕРИМ СВОЮ КОМПЕТЕНТНОСТЬ

1. Какие фольклорные произведения нашли своё отражение в летописи «Повесть временных лет»? Приведите примеры.
2. Какая существует связь между фольклором и художественной литературой? Какие вы знаете народные сказки, предания, которые легли в основу создания литературных произведений?
3. Что называется былиной? Какие былины вы знаете? Расскажите о своём любимом былинном богатыре.
4. Чем особенным запомнился вам Илья Муромец? Какие его подвиги и поступки воспеваются в былине «Илья Муромец и Соловей Разбойник»?
5. Перескажите близко к тексту описание боя Ильи Муромца с Соловьём Разбойником.
6. Почему Илья Муромец — один из самых любимых русских былинных героев?
7. Как народ в былине «Вольга и Микула Селянинович» выразил своё восхищение богатырём Микулой Селяниновичем?
8. Используя текст былины, опишите оратая (пахаря) Микулу Селяниновича. Выскажите своё отношение к нему.
9. Какую роль в былине играют повторы, постоянные эпитеты, гиперболы?
10. Какие особенности имеет былинный стих?
11. Объясните, какое значение для восприятия слушателями былин имеет их построение.
12. Какие вы знаете произведения живописи, музыки, кино, посвящённые былинам?
13. Что сближает русские былины и украинские народные думы?
14. Какое значение имела летопись «Повесть временных лет» для возникновения художественной литературы?
15. Расскажите о князе Владимире Мономахе и его «Поучении».
16. Какие нравственные заветы молодым даёт Владимир Мономах в своём «Поучении»?



ЖАНРЫ ХУДОЖЕСТВЕННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

Как мы приступаем к чтению новой книги? Конечно же, обращаем внимание на название, на имя автора. Нас интересуют и другие её особенности: мы намеренно выбираем для чтения рассказы или повести, басни или стихотворения. От сказки мы ждём увлекательного сюжета и чудодейственного волшебства; от басни — смешной истории, яркой аллегории, мудрого поучения. Приступая к чтению рассказа, мы знаем, что это — небольшое произведение

о каких-то интересных событиях из жизни человека (или животного).

Стихотворения привлекают нас чаще всего своим лирическим содержанием, погружая в мир чувств и переживаний поэта.

Жанр литературный (от франц. *genre* — род, вид) — **это проявление в более или менее обширной группе произведений общих признаков изображения действительности.** По этим наиболее характерным признакам мы и отличаем басню, например, от рассказа, а рассказ от повести.

Понятие «жанр» в литературе соответствует понятию «вид», однако термин «жанр» является наиболее употребительным. Если бы вам самим захотелось сочинить что-нибудь своё, собственное, то вы, конечно же, в первую очередь, определили бы для себя жанр будущего произведения — стихотворения, басни или, может быть, поэмы.

Обращение к тому или иному жанру во многом зависит от особенностей таланта писателя. Выдающиеся писатели могут быть одинаково велики во многих видах (жанрах) искусства слова — в повестях, романах, рассказах и сказках, стихотворениях и песнях, поэмах и драмах. У русских поэтов Александра Пушкина и Михаила Лермонтова есть произведения всех названных жанров.

Каждый литературный жанр уникален по своим возможностям изображать действительность с помощью художественного слова. Поэтому нельзя возвышать одни жанры над другими. Ещё в XVIII веке выдающийся французский философ и писатель Вольтер по поводу разнообразия литературных жанров говорил, что все жанры хороши, кроме скучного. Никакие жанры не уходят в прошлое безвозвратно, как никогда не умирают хорошие книги. Они живут и в первых изданиях, и в современных, которые собирают широкий круг новых читателей. И сегодня нас пленяет и музыка стиха, и увлекательная проза — «Повести Белкина» Пушкина, «Записки охотника» Тургенева, рассказы Чехова и многие другие замечательные произведения русской и мировой литературы.

Давайте побеседуем

1. Что такое жанр литературного произведения?
2. Каким жанрам вы отдаёте предпочтение в своём чтении?
3. Назовите имена известных вам баснописцев и сказочников мировой литературы (русской, украинской и др.). Какие их произведения вы помните?
4. Назовите полюбившиеся вам художественные произведения, изученные в школе. Определите их жанр.
5. Какие жанры (виды) произведений устного народного творчества вы знаете?

Роберт БЁРНС

[1759 – 1796]

Пусть золотой настанет век,
И рабство в бездну канет,
И человеку человек
Навеки братом станет.
Р. Бёрнс

Пожалуй, нет поэта, которого бы так знали и пели — на протяжении двух веков! — те, кто говорит по-шотландски и по-английски.

Строки его лучших стихов стали лозунгами, их несут на стягах шотландцы во время всемирных фестивалей, его стихи цитируют в литературе.

И сегодня во весь рост встаёт перед нами фигура великого барда[1] Шотландии — смелого, весёлого и жизнелюбивого Роберта Бёрнса, голосом которого впервые заговорил простой народ его страны.

Читая стихи Бёрнса, удивляешься, как мог землепашец создать все эти непревзойдённые по изяществу и тонкости песни, баллады, послания, эпиграммы. И ещё удивительнее то, что тяжёлый, под час непосильный труд и постоянная

[1] Бард — певец-поэт у древних кельтов.

нужда не заглушили в поэте жизнерадостности, весёлости, веры в человека и в будущее его счастье.

В Шотландии, деревушке Аллоуэй, сохранилась глиняная мазанка под соломенной крышей, где 25 января 1759 года родился Роберт Бёрнс. По тем временам это был хороший дом, в нём даже было окно с пузырчатым толстым стеклом, что в крестьянских домах считалось роскошью: за окно платили особый налог. Дом этот выстроил отец будущего поэта, садовник Вильям Бёрнс. В своём новом доме он сделал полку для книг, а по вечерам медленно и долго что-то писал. Это было «Наставление в вере и благочестии», предназначенное для его первенца Роберта. В нём он записывал воображаемый вопрос и давал на него ответ — что есть добро и зло, что такое долг человека. Вильям Бёрнс сам учил сыновей арифметике и чтению, а главное, приучал их говорить и писать правильно. Роберт Бёрнс называл отца «лучшим из друзей, мудрейшим из наставников»:

Был честный фермер мой отец,
Он не имел достатка,
Но от наследников своих
Он требовал порядка,
Учил достоинство хранить,
Хоть нет гроша в карманах.
Страшнее — чести изменить,
Чем быть в отрепьях рваных!..

Мать Роберта по-своему влияла на сына. Она пела старинные баллады на родном шотландском диалекте, на этом же диалекте разговаривали окрестные фермеры и батраки.

Роберт Бёрнс неотделим от Шотландии, от её земли и народа. Его стихи воспевают жизнь обычных простых людей: пахарей, пастухов, угольщиков, кузнецов, ткачей. Он всегда внимателен к их чувствам и заботам, к их радостям и горестям. Его поэзия близка к народным песням, балладам, преданиям. Интересно, что свои стихи он начинал сочинять не со слов, а с музыки. Он выбирал или сочинял мотив, напевая его про себя, пока мотив не становился для него совершенно ясным во всех его оттенках, и лишь затем писал к мотиву слова. «Пока я полностью не овладею мотивом, пока я не спою его, насколько умею петь, я не могу сочинять стихи», — писал Роберт Бёрнс, будучи уже знаменитым поэтом.

Слава его вышла далеко за пределы Шотландии. Многочисленные биографы Роберта Бёрнса едины во мнении, что во второй половине XVIII века в Шотландии жил и писал гениальный народный поэт, который сумел рассказать о самых лучших, самых человечных чувствах простых людей.

Многие русские поэты переводили Бёрнса. Наиболее известны переводы Самуила Яковлевича Маршака, благодаря которым русскому читателю стало близко и понятно отношение Бёрнса к труду, к свободе, к любви и дружбе, к назначению человека на земле. В этих переводах звучит живой голос Роберта Бёрнса и его искренние чувства — радости, скорби, негодования на окружающую его несправедливость, надежды на лучшее будущее.

По Р. Райт-Ковалёвой

1. Чьё влияние было самым благотворным в детские годы Роберта Бёрнса?
2. Чем заслужил Роберт Бёрнс любовь и признание людей не только у себя на родине, но и во всем мире?

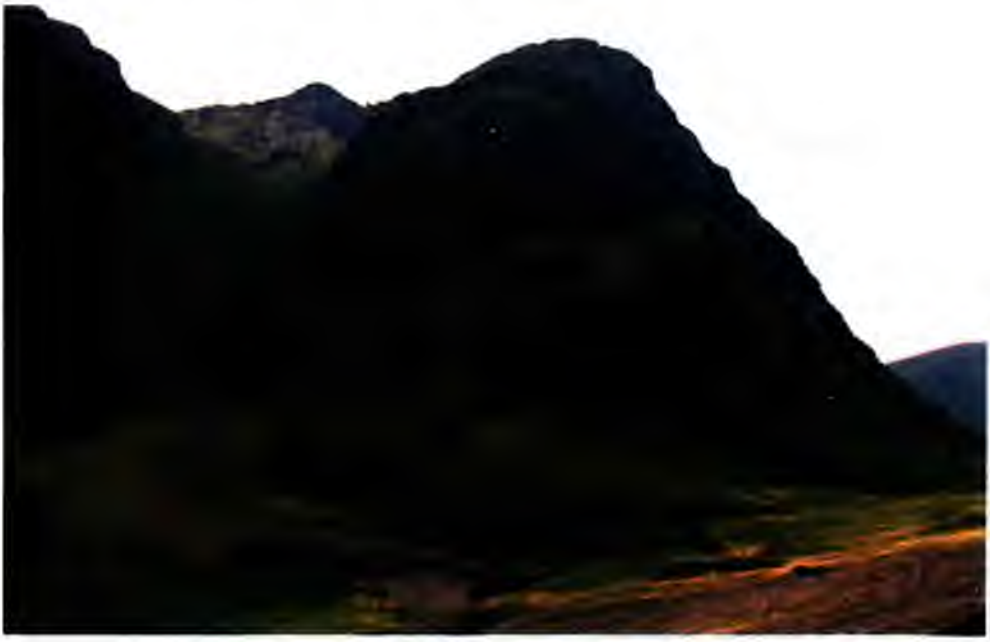
В ГОРАХ МОЁ СЕРДЦЕ

В горах моё сердце... Доныне я там.
По следу оленя лечу по скалам.
Гоню я оленя, пугаю козу.
В горах моё сердце, а сам я внизу.

Прощай, моя родина! Север, прощай, —
Отечество славы и доблести край.
По белому свету судьбою гоним,
Навеки останусь я сыном твоим!

Прощайте, вершины под кровлей снегов,
Прощайте, долины и скаты лугов,
Прощайте, поникшие в бездну леса,
Прощайте, потоков лесных голоса.

В горах моё сердце... Доныне я там
По следу оленя лечу по скалам.
Гоню я оленя, пугаю козу.
В горах моё сердце, а сам я внизу!



ЧЕСТНАЯ БЕДНОСТЬ

Кто честной бедности своей
Стыдится и всё прочее,
Тот самый жалкий из людей,
Трусливый раб и прочее.
При всём при том,
При всём при том,
Пускай бедны мы с вами,
Богатство — штамп на золотом,
А золотой — мы с вами!
Мы хлеб едим и воду пьём,
Мы укрываемся тряпьём
И всё такое прочее,
А между тем дурак и плут
Одеты в шёлк и вина пьют
И всё такое прочее.
При всём при том,
При всём при том,
Судите не по платью,
Кто честным кормится трудом, —
Таких зову я знатью.
Вот этот шут — природный лорд,
Ему должны мы кланяться.
Но пусть он чопорен и горд,
Бревно бревном останется!
При всём при том,
При всём при том,
Хоть весь он в позументах, —
Бревно останется бревном
И в орденах и в лентах!
Король лакея своего
Назначит генералом,
Но он не сможет никого
Назначить честным малым.
При всём при том,
При всём при том,
Награды, лесть и прочее
Не заменяют ум и честь
И всё такое прочее!
Настанет день, и час пробьёт,
Когда уму и чести
На всей земле придёт черёд
Стоять на первом месте.
При всём при том,
При всём при том,

Могу вам предсказать я,
Что будет день,
Когда кругом
Все люди станут братья!

Перевод С. Маршака

Читаем в оригинале

Is there, for honest poverty;
That hangs his head, and a' that?
Tire coward-slave, we pass him by,
We dare be poor for a' that!
For a' that, and a' that,
Our toil's obscure, and a' that;

The rank is but the guinea-stamp,
The man's the gowdfor a' that!

What tho' on hamely fare we dine,
Wear hoddin grey, and a' that;
Gie fools their silks, and knaves
Their wine,
A man's a man, for a' that!
For a' that, and a' that,
Their tinsel show, and a' that;
The honest man, though e'er sae poor
Is king o' men for a' that!

ВОПРОСЫ И ЗАДАНИЯ

1. «В горах моё сердце» — одно из самых проникновенных стихотворений Р. Бёрнса. Чем оно вам понравилось?
2. Прочитайте выразительно строки из стихотворения «В горах моё сердце», передающие глубокое, трепетное чувство любви поэта к родному краю.
3. Стихотворение «Честная бедность» написано на мотив народной песни, в которой имелся припев «При всём при том, при всём при том...». Оно тоже стало народной песней. Какие мысли и чувства вызвало это стихотворение у вас?
4. Удалось ли Маршаку в своём переводе передать песенный ритм этого стихотворения? Аргументируйте свой ответ.
5. Обратите внимание на композицию (построение) стихотворения. Припев в нём не существует сам по себе. Прокомментируйте эту композиционную особенность и объясните, как связан всякий раз по смыслу припев с предшествующими ему строками.

6. Какие строки в каждой строфе, по вашему мнению, с наибольшей силой выражают представления народа об истинных ценностях в жизни? Прочитайте их выразительно.
7. Отметьте метафоры в стихотворении и объясните их близость к народно-песенному творчеству.
8. Почему стихотворение «Честная бедность» стало в Шотландии народной песней?
9. Какие строки из этого стихотворения можно написать на транспаранте или на знамени (как это делают шотландцы)?

Для самостоятельной работы

10. Прочитайте отрывок из стихотворения «Честная бедность» на английском языке и сравните его с переводом Самуила Маршака. Насколько точно удалось переводчику передать смысл этого стихотворения?
11. Выучите стихотворение «Честная бедность» наизусть.

Для будущих филологов

Роберту Бёрнсу поставлено множество памятников — от простого мраморного бюста до сложных и затейливых башен с барельефами и статуями пахарей, с мышкой у ноги и маргариткой под лемехом плуга. Установите, почему именно так изображают поэта (прочитайте стихотворения «Был честный фермер мой отец», «Полевой мыши, гнездо которой разорено моим плугом», «Горной маргаритке, которую я примял своим плугом» и др.).

Роберт Льюис СТИВЕНСОН

[1850–1894]

Я верю, каждый будет там,
Куда всю жизнь стремится сам.
Р. Л. Стивенсон

Роберт Льюис Стивенсон известен читателям всего мира как автор романа «Остров сокровищ» (1883 г.), который вот уже более ста лет остаётся любимой книгой детей и подростков. Стивенсон написал также много других романов, но именно «Остров сокровищ» сделал его имя таким популярным.

Будущий писатель ещё в детстве удивлял всех богатством своего воображения и умением необыкновенно интересно рассказывать.

В 1867 году он поступил в Эдинбургский университет на юридический факультет, но смыслом его жизни стала литературная деятельность.

Желание написать роман «Остров сокровищ» возникло у Стивенсона, когда он играл со своим пасынком Ллойдом Осборном. Стивенсон начертил

карту выдуманного им острова, и они вместе с мальчиком стали сочинять истории о людях, побывавших на этом острове. Многие из этих историй были правдоподобны: Стивенсон слышал их от своего отца — инспектора морских маяков. Так из игры, благодаря творческому дарованию, возник знаменитый роман.

Несмотря на то, что бóльшую часть своей жизни Стивенсон провёл дома, то больным в постели (у него был туберкулёз), то за письменным столом, жизнь в его книгах предстаёт в необыкновенно ярких картинах. В них кипят морские волны, мигают огни маяков, молодые герои сражаются за своё счастье. Стивенсон был уверен, что задача писателя состоит в том, чтобы разжечь воображение читателя, увлечь его, порадовать своей фантазией. Стивенсона всегда привлекали сильные, мужественные, благородные натуры. Именно таких героев, защищающих добро и справедливость, изобразил он в своих романах «Похищенный» (1886 г.), «Чёрная стрела» (1888 г.) и «Катриона» (1893 г.).

Последние годы жизни Стивенсон провёл на полинезийских островах Самоа. Там он впервые смог проявить себя как общественный деятель, выступив в защиту жителей Самоа, притесняемых немецкими, американскими и английскими колонизаторами.

В письме к другу Стивенсон писал о своей жизни: «В течение четырнадцати лет я ни одного дня не чувствовал себя здоровым, я просыпался больным и ложился в постель измученным, и всё это время я трудился, не отступая от своего дома и намеченного пути. Я писал в постели, писал, когда меня бил озноб, писал, когда у меня от слабости кружилась голова, и мне кажется, я с честью поднял перчатку, брошенную мне судьбой, и одержал победу в битве с жизнью...»

Защитник свободы и независимости, Стивенсон в своих поэтических произведениях часто обращался к народным сказаниям, легендам Шотландии и Англии, черпал из них образы гордых, несгибаемых людей. Ярким примером этого является его баллада «Вересковый мёд».

1. Какое впечатление сложилось у вас о личности писателя Р. Л. Стивенсона?
2. Если вы читали роман «Остров сокровищ», то передайте кратко его сюжет, обрисуйте словесно главных героев.
3. Чем нравится вам экранизация романа «Остров сокровищ»? Вспомните и перескажите наиболее яркие эпизоды из фильма.

ВЕРЕСКОВЫЙ МЁД

Из вереска напиток
Забыт давным-давно.
А был он слаще мёда,
Пьянее, чем вино.

В котлах его варили
И пили всей семьёй
Малютки-медовары
В пещерах под землёй.
Пришёл король шотландский,
Безжалостный к врагам,
Погнал он бедных пиктов
К скалистым берегам.
На вересковом поле,
На поле боевом
Лежал живой на мёртвом
И мёртвый — на живом.
Лето в стране настало,
Вереск опять цветёт,
Но некому готовить
Вересковый мёд.
В своих могилках тесных,
В горах родной земли
Малютки-медовары
Приют себе нашли.
Король по склону едет
Над морем на коне,
А рядом реют чайки
С дорогой наравне.
Король глядит угрюмо
И думает: «Кругом
Цветёт медвяный вереск
А мёда мы не пьём!»
Но вот его вассалы
Приметили двоих
Последних медоваров,
Оставшихся в живых.
Вышли они из-под камня,
Щурясь на белый свет, —
Старый горбатый карлик
И мальчик пятнадцати лет.
К берегу моря крутому
Их привели на допрос,
Но ни один из пленных
Слова не произнёс.
Сидел король шотландский,
Не шевелясь в седле,
А маленькие люди
Стояли на земле.
Гневно король промолвил:
«Пытка обоих ждёт,
Если не скажете, черти,

Как вы готовили мёд».
Сын и отец молчали,
Стоя у края скалы.
Вереск звенел над ними,
В море катились валы.
И вдруг голосок раздался:
«Слушай, шотландский король,
Поговорить с тобою
С глазу на глаз позволь!
Старость боится смерти.
Жизнь я изменой куплю.
Выдам заветную тайну!» —
Карлик сказал королю.
Голос его воробьиный
Резко и чётко звучал:
«Тайну давно бы я выдал,
Если бы сын не мешал!
Мальчику жизни не жалко,
Гибель ему нипочём.
Мне продавать свою совесть
Совестно будет при нём.
Пускай его крепко свяжут
И бросят в пучину вод —
И я научу шотландцев
Готовить старинный мёд!»
Сильный шотландский воин
Мальчика крепко связал
И бросил в открытое море
С прибрежных отвесных скал,
Волны над ним сомкнулись,
Замер последний крик.
И эхом ему ответил
С обрыва отец-старик.
«Правду сказал я, шотландцы,
От сына я ждал беды,
Не верил я в стойкость юных,
Не бреющих бороды.
А мне костёр не страшен.
Пускай со мной умрёт
Моя святая тайна —
Мой вересковый мёд!»

Перевод С. Маршака

ВОПРОСЫ И ЗАДАНИЯ

ПОДЕЛИМСЯ ПЕРВЫМИ ВПЕЧАТЛЕНИЯМИ

1. Чем взволновала вас история, рассказанная в балладе «Вересковый мёд»?
2. Какие поэтические картины баллады предстают перед вами ярче всего?

УГЛУБИМСЯ В ТЕКСТ БАЛЛАДЫ

3. Обратите внимание на начало баллады, где говорится, на каком поле лежали «живой на мёртвом и мёртвый на живом». К какой мысли подводит здесь нас автор?
4. Какое чувство вызывает у вас шотландский король — победитель пиктов, когда вы читаете, о чём он думает, глядя на поле боя?
5. Древние пикты отличались малым ростом. «Малютками-пивоварами» называет их автор. Как вы думаете, почему в балладе неоднократно подчёркивается эта особенность народа пиктов?
6. Какие качества характера проявили отец и сын? Прочитайте выразительно монолог отца-старика. Как вы относитесь к его поступку?
7. Балладу «Вересковый мёд» перевёл на русский язык Самуил Яковлевич Маршак. Отметьте эпитеты, метафоры, олицетворения и другие выразительные средства языка, с помощью которых передаются наиболее напряжённые моменты повествования.
8. Навсегда утрачен рецепт изготовления верескового напитка древних пиктов. Но память об этих людях сохранилась. Почему? Как вы оцениваете подвиг отца и сына?

Для самостоятельной работы

9. Подготовьте выразительное чтение баллады.
10. Ответьте на вопрос: почему «Вересковый мёд» Стивенсона относится к жанру баллады?

Для будущих филологов

Подготовьте развёрнутый ответ на вопрос: как соотносятся между собой по смыслу и по степени воздействия на читателя начало и конец баллады «Вересковый мёд»?

Его стихов пленительная сладость
Пройдёт веков завистливую даль...
А. Пушкин

Василий Андреевич ЖУКОВСКИЙ

[1783–1852]

Василий Андреевич Жуковский — замечательный русский поэт. Он по выражению литературного критика Виссариона Белинского, «первый на Руси выговорил жалобы человека на жизнь» и дал русской поэзии «душу и сердце».

Жуковский родился в селе Мишенском Тульской губернии в семье помещика. Его литературные склонности проявились в отроческом возрасте.

Когда Жуковскому исполнилось четырнадцать лет, его отвезли в Москву и определили в Благородный пансион при университете. Там он увлекался литературой, жадно интересовался произведениями немецких и английских авторов, читал сочинения русского писателя и историка Николая Карамзина. Там же, в пансионе, он начал писать стихи.

Первым печатным произведением восемнадцатилетнего Жуковского стал перевод стихотворения английского поэта Грея «Сельское кладбище», опубликованный в 1801 году.

Вернувшись в Мишенское, Жуковский в течение нескольких лет жил в уединении, много работал, читал, переводил, писал повести и стихотворения, занимался самовоспитанием. «Надобно сделаться человеком, — записывал он. — Я нынче гораздо сильнее чувствую, что я не должен пресмыкаться в этой жизни, что должен возвысить, образовать свою душу, сделать всё, что могу, для других». Так понимал Жуковский свой долг поэта: возвышая собственную душу, сделать всё, чтобы помочь другим понять ценность свободы, унизительность рабства, помочь сделаться человеком.

В 1808 году Жуковский приезжает в Москву, становится редактором журнала «Вестник Европы», помещает в нём и свои статьи, оригинальные стихотворения, переводы. В 1831 году он перевёл и опубликовал балладу «Перчатка» немецкого поэта Фридриха Шиллера. Тогда же он начинает печатать свои баллады, которые сразу приносят ему известность и славу.

Василий Андреевич Жуковский стал автором первых русских оригинальных баллад. Из них наибольшую известность приобрела баллада «Светлана» (1808–1812 гг.). Она была закончена в 1812 году, когда вторжение Наполеона в Россию побудило миролюбивого автора элегий[1] и баллад Жуковского вступить в ряды защитников родины. Он записался добровольцем в московское ополчение. Поэту не довелось участвовать в боях. Во время Бородинского сражения московское ополчение располагалось в резерве, в нескольких верстах от главной армии. Но, по его собственному признанию, он видел войну «во всех её ужасах».

Пятьдесят лет работал поэт Василий Жуковский. Его литературная известность началась, как вы уже знаете, с переложения стихотворения иностранного автора, его творческая деятельность оборвалась за работой над переводом великого памятника мировой литературы — «Илиады» Гомера. Как переводчик Жуковский познакомил русских читателей с замечательными произведениями немецких поэтов Шиллера и Гёте, английских — Байрона и Вальтера Скотта, персидского поэта Фирдоуси и многих других. В своих переводах он был настоящим соперником великих поэтов, равным им по таланту. «Переводный слог его, — писал о Жуковском Пушкин, — останется всегда образцовым».

1. Что способствовало развитию литературного таланта Василия Андреевича Жуковского?
2. В чём видел юный Жуковский свой долг поэта?

[1] Эле́гия — лирическое стихотворение, проникнутое грустью.

ПЕРЧАТКА

Из Шиллера

Перед своим зверинцем,
С баронами, с наследным принцем,
Король Франциск сидел;
С высокого балкона он глядел
На поприще, сраженья ожидая;
За королём, обворожая
Цветущей прелестию взгляд,
Придворных дам являлся пышный ряд.

Король дал знак рукою —
Со стуком растворилась дверь,
И грозный зверь
С огромной головою —

Косматый лев
Выходит;
Кругом глаза угрюмо водит;
И вот, всё оглядев,
Наморщил лоб с осанкой горделивой,
Пошевелил густою гривой
И потянулся, и зевнул,
И лёг. Король опять рукой махнул —
Затвор железной двери грянул,
И смелый тигр из-за решётки прянул;
Но видит льва, робеет и ревёт,
Себя хвостом по рёбрам бьёт
И крадется, косяся взглядом,
И лижет морду языком,
И, обошедши льва кругом,
Рычит и с ним ложится рядом.
И в третий раз король махнул рукой —
Два барса дружною четой
В один прыжок над тигром очутились;
Но он удар им тяжкой лапой дал,
А лев с рыканьем встал...
Они смирились,
Оскалив зубы, отошли
И зарычали и легли.

И гости ждут, чтоб битва началася.
Вдруг женская с балкона сорвалася
Перчатка... все глядят за ней...
Она упала меж зверей.
Тогда на рыцаря Делоржа с лицемерной
И колкою улыбкою глядит
Его красавица и говорит:
«Когда меня, мой рыцарь верный,
Ты любишь так, как говоришь,
Ты мне перчатку возвратишь».

Делорж, не отвечав ни слова,
К зверям идёт,
Перчатку смело он берёт
И возвращается к собранью снова.

У рыцарей и дам при дерзости такой
От страха сердце помутилось;
А витязь молодой,
Как будто ничего с ним не случилось,
Спокойно всходит на балкон;
Рукоплесканьем встречен он;

Его приветствуют красавицыны взгляды...
Но, холодно приняв привет её очей,
В лицо перчатку ей
Он бросил и сказал: «Не требую награды».

ВОПРОСЫ И ЗАДАНИЯ

ПОДЕЛИМСЯ ПЕРВЫМИ ВПЕЧАТЛЕНИЯМИ

1. Чем увлекает вас чтение баллады «Перчатка», повествующей о событии времён средневековья?
2. Какими вы представляете себе её героев — молодого рыцаря и красавицу?

УГЛУБИМСЯ В ТЕКСТ БАЛЛАДЫ

3. Как изображаются в балладе дикие звери перед битвой? Почему этой сцене отводится бóльшая часть произведения? Прочитайте выразительно эту сцену.
4. Случайно или преднамеренно была обронена женская перчатка, упавшая «меж зверей»? Аргументируйте свой ответ, опираясь на текст баллады.
5. Какие высокие человеческие качества проявились в поступке молодого рыцаря Делоржа?
6. В чём противопоставлены рыцарь и его возлюбленная? Что особенно привлекает вас в Делорже?
7. Баллада Василия Жуковского «Перчатка» является переводом произведения немецкого поэта Фридриха Шиллера. Что, по вашему мнению, побудило Жуковского взяться за перевод этой баллады?
8. Отметьте художественные достоинства баллады. Как, например, поэт передаёт нарастание напряжения изображаемого события?

Для самостоятельной работы

9. Подготовьте выразительное чтение баллады.
10. Ответьте на вопрос в развёрнутой форме: в чём смысл слов рыцаря, заключающих балладу?

СВЕТЛАНА

А. А. Воейковой[1]

Раз в крещенский вечерок[2]
Девушки гадали:
За ворота башмачок,
Сняв с ноги, бросали;
Снег пололи; под окном
Слушали; кормили
Счётным курицу зерном;
Ярый воск топили;

[1] Баллада посвящена Александре Андреевне Протасовой (1795—1839), в замужестве Воейковой.
[2] Крещенский вечерок — канун церковного праздника Крещения (6 января).

В чашу с чистою водой
Клали перстень золотой,
Серьги изумрудны;
Расстилали белый плат
И над чашей пели в лад
Песенки подблюдны.

Тускло светится луна
В сумраке тумана —
Молчалива и грустна
Милая Светлана.
«Что, подруженька, с тобой?
Вымолви словечко;
Слушай песни круговой;
Вынь себе колечко.
Пой, красавица: "Кузнец,
Скуй мне злат и нов венец,
Скуй кольцо златое;
Мне венчаться тем венцом,
Обручаться тем кольцом
При святом налое[1]"».

«Как могу, подружки, петь?
Милый друг далёко;
Мне судьбина умереть
В грусти одинокой.
Год промчался — вести нет;
Он ко мне не пишет;
Ах! а им лишь красен свет,
Им лишь сердце дышит...
Иль не вспомнишь обо мне?
Где, в какой ты стороне?
Где твоя обитель?
Я молюсь и слёзы лью!
Утоли печаль мою,
Ангел-утешитель».

Вот в светлице стол накрыт
Белой пеленою;
И на том столе стоит
Зеркало с свечою;
Два прибора на столе.
«Загадай, Светлана;

[1] Налой (аналой) — высокий столик с покатым верхом для икон и богослужебных книг.

В чистом зеркала стекле
    В полночь без обмана
Ты узнаешь жребий свой:
Стукнет в двери милый твой
    Лёгкою рукою;
Упадёт с дверей запор;
Сядет он за свой прибор
    Ужинать с тобою».

Вот красавица одна;
    К зеркалу садится;
С тайной робостью она
    В зеркало глядится;
Тёмно в зеркале; кругом
    Мёртвое молчанье;
Свечка трепетным огнём
    Чуть лиёт сиянье...
Робость в ней волнует грудь,
Страшно ей назад взглянуть,
    Страх туманит очи...
С треском пыхнул огонёк,
Крикнул жалобно сверчок,
    Вестник полуночи.

Подпершися локотком,
    Чуть Светлана дышит...
Вот... легохонько замком
    Кто-то стукнул, слышит;
Робко в зеркало глядит:
    За её плечами
Кто-то, чудилось, блестит
    Яркими глазами...
Занялся от страха дух...
Вдруг в её влетает слух
    Тихий, лёгкий шёпот:
«Я с тобой, моя краса;
Укротились небеса;
    Твой услышан ропот!»

Оглянулась... милый к ней
    Простирает руки.
«Радость, свет моих очей,
    Нет для нас разлуки.

Едем! Поп уж в церкви ждёт
С дьяконом, дьячками;
Хор венчальну песнь поёт;
Храм блестит свечами».
Был в ответ умильный взор;
Идут на широкий двор,
В ворота тесовы;
У ворот их санки ждут;
С нетерпенья кони рвут
Повода шелковы.

Сели... кони с места враз,
Пышут дым ноздрями;
От копыт их поднялась
Вьюга над санями.
Скачут... пусто всё вокруг;
Степь в очах Светланы;
На луне туманный круг;
Чуть блестят поляны.
Сердце вещее дрожит;
Робко дева говорит:
«Что ты смолкнул, милый?»
Ни полслова ей в ответ:
Он глядит на лунный свет,
Бледен и унылый.

Кони мчатся по буграм,
Топчут снег глубокий...
Вот в сторонке Божий храм
Виден одинокий;
Двери вихорь отворил:
Тьма людей во храме;
Яркий свет паникадил[1]
Тускнет в фимиаме[2];
На средине чёрный гроб;
И гласит протяжно поп:
«Буди взят могилой!»
Пуще девица дрожит;
Кони мимо; друг молчит,
Бледен и унылый.

Вдруг метелица кругом;
Снег валит клоками;

[1] Паникадило — люстра со свечами.
[2] Фимиам — ароматический дым, возникающий при сожжении благовонного вещества.

Чёрный вран[1], свистя крылом,
Вьётся над санями;
Ворон каркает: *печаль!*
Кони торопливы
Чутко смотрят в тёмну даль,
Воздымая гривы;

Брезжит в поле огонёк;
Виден мирный уголок,
Хижинка под снегом.
Кони борзые быстрей,
Снег взрывая, прямо к ней
Мчатся дружным бегом.

Вот примчалися... и вмиг
Из очей пропали:
Кони, сани и жених
Будто не бывали.
Одинокая, впотьмах,
Брошена от друга,
В страшных девица местах;
Вкруг метель и вьюга.
Возвратиться — следу нет...
Виден ей в избушке свет;
Вот перекрестилась,
В дверь с молитвою стучит...
Дверь шатнулася... скрыпит...
Тихо растворилась.

Что ж?.. В избушке гроб накрыт
Белою запоной;
Спасов лик в ногах стоит;
Свечка пред иконой...
Ах! Светлана, что с тобой?
В чью зашла обитель?
Страшен хижины пустой
Безответный житель.
Входит с трепетом, в слезах;
Пред иконой пала в прах,
Спасу помолилась;
И, с крестом своим в руке,
Под святыми в уголке
Робко притаилась.

[1] Вран — ворон.

Всё утихло... вьюги нет...
Слабо свечка тлится,
То прольёт дрожащий свет,
То опять затмится...
Всё в глубоком, мёртвом сне,
Страшное молчанье...
Чу, Светлана!.. в тишине
Лёгкое журчанье...
Вот глядит: к ней в уголок
Белоснежный голубок
С светлыми глазами,
Тихо вея, прилетел,
К ней на перси тихо сел,
Обнял их крылами.

Смолкло всё опять кругом...
Вот Светлане мнится,
Что под белым полотном
Мёртвый шевелится...
Сорвался покров; мертвец
(Лик мрачнее ночи)
Виден весь — на лбу венец,
Затворёны очи.
Вдруг... в устах сомкнутых стон;
Силится раздвинуть он
Руки охладелы...
Что же девица?.. Дрожит...
Гибель близко... но не спит
Голубочек белый.

Встрепенулся, развернул
Лёгкие он крылы;
К мертвецу на грудь вспорхнул...
Всей лишённый силы,
Простонав, заскрежетал
Страшно он зубами
И на деву засверкал
Грозными очами...
Снова бледность на устах;
В закатившихся глазах
Смерть изобразилась...
Глядь, Светлана... о творец!
Милый друг её — мертвец!
Ах!.. и пробудилась.

Где ж?.. У зеркала одна
Посреди светлицы;
В тонкий занавес окна
Светит луч денницы;
Шумный бьёт крылом петух,
День встречая пеньем;
Всё блестит... Светланин дух
Смутен сновиденьем.
«Ах! ужасный, грозный сон!
Не добро вещает он —
Горькую судьбину;
Тайный мрак грядущих дней,
Что сулишь душе моей,
Радость иль кручину?»

Села (тяжко ноет грудь)
Под окном Светлана;
Из окна широкий путь
Виден сквозь тумана;
Снег на солнышке блестит,
Пар алеет тонкий...
Чу!.. в дали пустой гремит
Колокольчик звонкий;
На дороге снежный прах;
Мчат, как будто на крылах,
Санки кони рьяны;
Ближе; вот уж у ворот;
Статный гость к крыльцу идёт.
Кто?.. Жених Светланы.

Что же твой, Светлана, сон,
Прорицатель муки?
Друг с тобой; всё тот же он
В опыте разлуки;
Та ж любовь в его очах,
Те ж приятны взоры;
Те ж на сладостных устах
Милы разговоры.
Отворяйся ж, Божий храм;
Вы летите к небесам,
Верные обеты;
Соберитесь, стар и млад;

Сдвинув звонки чаши, в лад
Пойте: многи леты!

Улыбнись, моя краса,
На мою балладу;
В ней большие чудеса,
Очень мало складу.
Взором счастливый твоим,
Не хочу и славы;
Слава — нас учили — дым;
Свет[1] — судья лукавый.
Вот баллады толк моей:
«Лучший друг нам в жизни сей
Вера в Провиденье[2].
Благ Зиждителя[3] закон:
Здесь несчастье — лживый сон;
Счастье — пробужденье».

О! не знай сих страшных снов
Ты, моя Светлана...
Будь, Создатель, ей покров!
Ни печали рана,
Ни минутной грусти тень
К ней да не коснётся;
В ней душа — как ясный день;
Ах! да пронесётся
Мимо — Бедствия рука;
Как приятный ручейка
Блеск на лоне луга,
Будь вся жизнь её светла,
Будь весёлость, как была,
Дней её подруга.

[1] Свет — здесь: круг богатых и знатных людей.
[2] Провиденье — Бог.
[3] Зиждитель — Бог, Создатель.

ВОПРОСЫ И ЗАДАНИЯ

ПОДЕЛИМСЯ ПЕРВЫМИ ВПЕЧАТЛЕНИЯМИ

1. Чем особенно запоминается баллада «Светлана» после знакомства с её содержанием?
2. Какие чувства героини вы разделяли, читая эту балладу?

УГЛУБИМСЯ В ТЕКСТ БАЛЛАДЫ

3. Согласитесь, что уже с первых строк баллады внимание читателя сосредоточивается на описании необычной для нас сцены — гадания девушек в «крещенский вечерок». Какие же русские народные поверья отражены в балладе?
4. Василий Жуковский первый из русских поэтов заговорил в своих произведениях о состоянии души человека. С чем связаны переживания его героини в балладе «Светлана»? Прочитайте выразительно соответствующие отрывки.
5. Заметьте, что всё страшное и печальное происходит во сне Светланы. Что же самое главное хочет сказать поэт в своей балладе, изображая счастливый конец?

Для самостоятельной работы

6. Подготовьте выразительное чтение понравившегося вам отрывка.
7. Отметьте слова и выражения в балладе, взятые Жуковским из живой разговорной речи.

Для будущих филологов

На примере одной из баллад В. Жуковского («Ивиковы журавли», «Лесной царь», «Замок Смальгольм, или Иванов вечер», «Кубок») подготовьте выступление на тему: «Василий Жуковский — замечательный переводчик европейских поэтов».

Александр Сергеевич ПУШКИН

[1799 – 1837]

И долго буду тем любезен я народу,
Что чувства добрые я лирой пробуждал.
А. Пушкин

Жизнь Александра Пушкина всегда поражает ранним возмужанием его гения. Создаётся впечатление, будто он сразу родился поэтом, что он, как Афина, античная богиня мудрости, явился миру во всем блеске своего поэтического вооружения. Это, конечно, преувеличение. У Пушкина был и период ученичества, только у него он необычайно сжат во времени; Пушкин, по свидетельству его брата Льва, уже на восьмом году жизни «сочинял на французском языке маленькие комедии и эпиграммы на своих учителей».

В Лицее, куда двенадцатилетний Пушкин поступил учиться, с самого первого курса чуть ли не все были увлечены поэзией. Лицеисты выпускали свои рукописные журналы с карикатурами,

эпиграммами, рассказами, стихами. Составлялись лицейские антологии (сборники стихотворений). Товарищ Пушкина по Лицею С. Д. Комовский вспоминал, что Пушкина не только в часы отдыха, но и в классах и даже во время молитвы можно было видеть сочиняющим стихи: «... тогда лицо его то омрачалось, то прояснялось, смотря по роду дум, кои занимали его в минуты вдохновения... от нетерпения он грыз обыкновенно перо и, насупя брови, надув губы, с огненным взором читал про себя написанное».

Период пребывания Пушкина в Лицее совершенно исключительный по тем событиям, которые происходили в России и во всей Европе. Ближайший друг Пушкина Иван Пущин писал об этом времени: «Жизнь наша лицейская сливается с политической эпохою народной жизни русской: приготовлялась гроза 1812 года. Эти события сильно отразились на нашем детстве». Имя Наполеона Бонапарта, у ног которого лежала уже вся Европа, стало звучать зловеще и устрашающе.

Летом 1812 года война пришла в Россию. Через Царское Село, где был Лицей, беспрерывным потоком двигались полки. Пушкин писал об этой поре:

Вы помните: текла за ратью рать,
Со старшими мы братьями прощались
И в сень наук с досадой возвращались,
Завидуя тому, кто умирать
Шёл мимо нас...

Летом 1814 года на родину стали возвращаться войска, дошедшие до Парижа и отстоявшие в жестоких боях свою Отчизну. Один из полков — лейб-гусарский[1] — был расквартирован в Царском Селе. Пушкин познакомился с офицерами этого полка, участвовал в гусарских собраниях и вечеринках, на которых царил дух вольнодумства. Два офицера — Пётр Каверин и Пётр Чаадаев — стали на долгие годы его близкими друзьями.

С вольнолюбивой столичной молодёжью был связан профессор политических наук Лицея А. П. Куницын. Читая лекции своим воспитанникам, он смело осуждал крепостничество как противоестественное право. «Никто не может лишать другого права личности, даже с его собственного на то согласия», — провозглашал Куницын.

В Лицее не только определился поэтический дар Пушкина, но и началась его подлинная слава поэта. В 1815 году в присутствии Г. Р. Державина он прочитал своё стихотворение «Воспоминания в Царском Селе», и старый поэт был взволнован и восхищён. В этом же году Пушкин напечатал стихотворное послание своему любимому поэту К. Н. Батюшкову. Поэт-воин высоко оценил блистательные стихи и приехал в Лицей, чтобы познакомиться с начинающим талантом. Поэт В. А. Жуковский, бывший в то время в зените своей литературной известности, писал П. А. Вяземскому о своём впечатлении от встречи с юным Пушкиным: «Я сделал ещё приятное знакомство с нашим молодым чудотворцем Пушкиным. Я был у него на минуту в Царском Селе. Милое, живое творенье! Он мне обрадовался и крепко прижал руку мою к сердцу. Это надежда нашей словесности...»

[1] Лейб-гусарский полк — полк, состоящий при царе.

В марте 1816 года в Лицее побывал Николай Михайлович Карамзин. Строгий и всеми уважаемый авторитет в литературных делах, он сказал Пушкину: «Пари, как орёл, но не останавливайся в полёте».

9 июня 1817 года состоялся выпуск лицеистов первого приёма. В стихотворении «Товарищам» Пушкин размышлял о возможном будущем:

Разлука ждёт нас у порогу,
Зовёт нас дальний света шум,
И каждый смотрит на дорогу
С волненьем гордых, юных дум.
Иной, под кивер[1] спрятав ум,
Уже в воинственном наряде
Гусарской саблею махнул...
Другой, рождённый быть вельможей,
Не честь, а почести любя,
У плута знатного в прихожей
Покорным шутом зрит себя...

После окончания Лицея Пушкин был определён на службу в Коллегию иностранных дел. С этого момента начинается новый, важный период в жизни поэта. Он много писал, увлекался театром, интересовался политикой, искал знакомства с литераторами, с «оригинальными умами», проводил ночи в беседах и спорах с многочисленными друзьями. Вдохновлённый идеями о свободе человека, Пушкин сочиняет вольнолюбивые стихотворения, становится выразителем дум и надежд передовых людей России. В оде «Вольность» поэт прославляет свободу. В послании «К Чаадаеву» он обращается со страстным призывом к своему поколению:

Пока свободою горим,
Пока сердца для чести живы,
Мой друг, отчизне посвятим
Души прекрасные порывы!

В стихотворении «Деревня», написанном под впечатлением от поездки в имение своей матери Михайловское Псковской губернии, Пушкин гневно осуждает рабство и мечтает о времени, когда народ России будет свободным. Все эти стихи не могли быть напечатаны из-за царской цензуры, но они распространялись в списках.

Весной 1820 года над Пушкиным разразилась гроза: Александр I за оду «Вольность» и политические эпиграммы хотел сослать поэта в Сибирь. За Пушкина вступились друзья. Благодаря вмешательству Н. М. Карамзина удалось изменить место ссылки: Пушкина отправили не в Сибирь, а на юг, в Екатеринослав (сейчас Днепропетровск) для прохождения службы в канцелярии генерала Инзова. 6 мая 1820 года Пушкин уехал из Петербурга. За пять лет до восстания декабристов он первым поплатился за своё свободомыслие.

По Г. Волкову и Г. Макогоненко

[1] Ки́вер — высокий жёсткий военный головной убор.

1. Как проявился поэтический дар Пушкина? Что этому способствовало? (В своих ответах привлеките и те знания, которые вы приобрели в предыдущих классах.)
2. Какие события и люди оказали влияние на формирование политических взглядов Пушкина?

Для будущих филологов

3. Чем, по вашему мнению, замечательны жизнь и творчество юного Пушкина? Подготовьте сообщение на тему: «Пушкин в Лицее (по воспоминаниям лицейских друзей и преподавателей)».

УЗНИК

Сижу за решёткой в темнице сырой.
Вскормлённый в неволе орёл молодой,
Мой грустный товарищ, махая крылом,
Кровавую пищу клюёт под окном,

Клюёт, и бросает, и смотрит в окно,
Как будто со мною задумал одно.
Зовёт меня взглядом и криком своим
И вымолвить хочет: «Давай улетим!

Мы вольные птицы; пора, брат, пора!
Туда, где за тучей белеет гора,
Туда, где синеют морские края,
Туда, где гуляем лишь ветер... да я!»

КАВКАЗ

Кавказ подо мною. Один в вышине
Стою над снегами у края стремнины;
Орёл, с отдалённой поднявшись вершины,
Парит неподвижно со мной наравне.
Отселе я вижу потоков рожденье
И первое грозных обвалов движенье.

Здесь тучи смиренно идут подо мной;
Сквозь них, низвергаясь, шумят водопады;
Под ними утёсов нагие громады;
Там ниже мох тощий, кустарник сухой;
А там уже рощи, зелёные сени,
Где птицы щебечут, где скачут олени.

А там уж и люди гнездятся в горах,
И ползают овцы по злачным стремнинам,
И пастырь[1] нисходит к весёлым долинам,
Где мчится Арагва в тенистых брегах,
И нищий наездник таится в ущелье,
Где Терек играет в свирепом веселье;

Играет и воет, как зверь молодой,
Завидевший пищу из клетки железной;
И бьётся о берег в вражде бесполезной,
И лижет утёсы голодной волной...
Вотще[2]! нет ни пищи ему, ни отрады:
Теснят его грозно немые громады.

ВОПРОСЫ И ЗАДАНИЯ

1. Стихотворение «Узник» Пушкин написал в Кишинёве, в ссылке. Из окна своей комнаты, которое выходило во двор, поэт каждый день видел прикованного цепью орла. Почему Пушкин использовал образ орла-невольника?
2. Почему поэт очеловечивает орла? Какие эпитеты и метафоры использует он для этого?
3. Какими мыслями и чувствами проникнуто стихотворение «Узник»? Передайте своё настроение во время выразительного чтения.
4. Почему стихотворение Пушкина «Узник» стало любимой народной песней?
5. Как выразил Пушкин свое стремление к свободе, к простору в стихотворении «Кавказ»?
6. Обратите внимание на последовательно сменяющие друг друга величественные картины кавказской природы в стихотворении Пушкина. Какие изобразительно-выразительные средства языка использует поэт, чтобы передать торжественность и величие открывшейся ему панорамы Кавказа?
7. Проследите, как изображает Пушкин смену тишины вечных снегов гулом и рёвом бушующего Терека. Какую роль играют здесь глаголы, входящие в состав метафор?

ЦВЕТОК

Цветок засохший, безуханный,
Забытый в книге вижу я;
И вот уже мечтою странной
Душа наполнилась моя:

Где цвёл? когда? какой весною?
И долго ль цвёл? и сорван кем?
Чужой, знакомой ли рукою?
И положён сюда зачем?

[1] Па́стырь — пастух.
[2] Вотще́ — тщетно, напрасно.

На память нежного ль свиданья,
Или разлуки роковой,
Иль одинокого гулянья
В тиши полей, в тени лесной?

И жив ли тот, и та жива ли?
И нынче где их уголок?
Или уже они увяли,
Как сей неведомый цветок?

* * *

Если жизнь тебя обманет,
Не печалься, не сердись!
В день уныния смирись:
День веселья, верь, настанет.

Сердце в будущем живёт;
Настоящее уныло;
Всё мгновенно, всё пройдет;
Что пройдёт, то будет мило.

ВОПРОСЫ И ЗАДАНИЯ

1. Заложенный в книгу, засохший, лишённый запаха («безуханный») цветок пробудил в душе поэта целую волну чувств, образов, вызвал глубокие раздумья. Передались ли они вам? С каким чувством вы читали стихотворение «Цветок»?
2. Почему так проникновенно и задушевно звучит стихотворение «Цветок»?
3. Какой мудрый совет даёт нам поэт в стихотворении «Если жизнь тебя обманет...»? Какое настроение оно вызывает у вас?
4. Как вы объясните смысл строк: «Сердце в будущем живёт» и «Что пройдёт, то будет мило»?
5. Каким человеком предстаёт перед нами Александр Пушкин в своих стихотворениях «Цветок» и «Если жизнь тебя обманет...»?

УЧИМСЯ БЫТЬ ЧИТАТЕЛЯМИ

О ЛИРИКЕ

Каждый человек на всю жизнь сохраняет в своей памяти хотя бы одно-два лирических стихотворения, полюбившихся ему ещё в школьные годы. Слово «лирика» произошло от греческого *lyra* — музыкальный инструмент, под аккомпанемент которого исполнялись стихи, песни и т. п.

Лирика (наряду с эпосом и драмой) является одним из трёх родов литературы. В лирике находят выражение самые глубокие и задушевные переживания поэта. О чём бы он ни писал, на всём лежит отпечаток его собственной, индивидуальной оценки и личных представлений о человеке, обществе, о мире в целом. Поэтому **в центре лирического произведения всегда находится сам его создатель и, прежде всего, его внутренний мир**. Обо всём этом вы уже достаточно хорошо знаете.

С замечательными лирическими стихотворениями Александра Пушкина, Михаила Лермонтова, Ивана Бунина, Сергея Есенина и других поэтов вы знакомились в пятом и шестом классах, делились своими впечатлениями о них, учили их наизусть.

Лирический взгляд на мир воплощается по преимуществу в стихотворных формах, но иногда и в прозе.

Лирику принято разделять на тематические группы: гражданская, философская, пейзажная, любовная лирика. Наиболее знакома вам пейзажная лирика, в которой внутреннее состояние поэта раскрывается через изображение природы.

А к какой тематической группе принадлежат лирические стихотворения Пушкина «Цветок» и «Если жизнь тебя обманет...»? Случайное впечатление (стихотворение «Цветок») рождает в душе поэта догадки, предположения, размышления о целой жизни — от нежного свидания или роковой разлуки до смерти, подобной увяданию цветка. Стихотворение «Если жизнь тебя обманет...» призывает мужественно и мудро относиться к жизни, к её горестям и трудностям. «Сердце в будущем живёт», — говорит поэт, утверждая тем самым оптимистичное[1] отношение ко всему, что происходит в человеческой жизни. Следовательно, оба эти стихотворения могут быть отнесены к философской[2] лирике, так как в них содержатся глубокие раздумья о самом главном для человека — о счастье, о любви, о жизни и смерти.

Какие стихотворения относятся к любовной лирике, нетрудно определить, особенно если это такие прекрасные пушкинские строки:

Я помню чудное мгновенье:
Передо мной явилась ты,
Как мимолётное виденье,
Как гений чистой красоты.

В лирике Пушкина выделяют еще вольнолюбивую лирику, выражающую устремления поэта к свободе, воле, простору в самом широком смысле этих слов (стихотворения «Узник», «Кавказ» и др.).

А теперь вернёмся к началу нашего разговора и попробуем понять, почему многие люди помнят лирические стихотворения и на протяжении всей жизни обращаются к ним. Дело в том, что лирическое произведение обладает способностью вмещать общечеловеческий смысл. И, несмотря на то, что оно передаёт переживания автора, каждый читатель может «узнать» в них собственные мысли и чувства.

[1] Оптимисти́чный — полный оптимизма, бодрого и радостного отношения ко всему, что происходит в жизни.

[2] Филосо́фский — глубокомысленный, серьёзный, содержащий раздумья о важнейших вопросах жизни.

Закрепим новые знания

1. Назовите главное, отличительное свойство лирики.
2. На какие тематические группы подразделяют лирическую поэзию?
3. Есть ли у вас любимые лирические стихотворения? Какие из них вы знаете наизусть?
4. Прочитайте стихотворения Пушкина «Обвал» и «Редеет облаков летучая гряда...» и определите их тематическую направленность.

ИЗ ИСТОРИИ СОЗДАНИЯ «ПОВЕСТЕЙ ИВАНА ПЕТРОВИЧА БЕЛКИНА»

В 1831 году А. С. Пушкин опубликовал «Повести Белкина» («Выстрел», «Метель», «Гробовщик», «Станционный смотритель», «Барышня-крестьянка»). Повести были приписаны Пушкиным Ивану Петровичу Белкину, о чём говорилось в предисловии «От издателя». Этим самым Пушкин сразу давал читателям ключ для понимания своих повестей. Объявив И. П. Белкина их автором, он уточнил затем свою мысль: Белкин не «выдумывал», а только записывал некоторые истории, или, как он выражался, «анекдоты», от нескольких рассказчиков. Читатели — современники Пушкина — понимали, что истинным сочинителем повестей был Александр Пушкин, шутливо скрывавшийся за именем «издателя А. П.», который «выдумал» и Белкина и рассказчиков. Значит, у него была какая-то своя цель, свой взгляд на изображаемые события, на героев, на русскую жизнь, на русскую литературу. Пушкин как бы заставил Белкина записать не случайные рассказы своих знакомых, но те, которые были обдуманно отобраны. Они должны были помочь Пушкину поставить перед читателями волновавшие многих вопросы: чем объясняются поступки человека, его нравственные убеждения и что в большей степени определяет его жизнь и судьбу?

СТАНЦИОННЫЙ СМОТРИТЕЛЬ

Коллежский регистратор,
Почтовой станции диктатор.

Князь Вяземский

Кто не проклинал станционных смотрителей, кто с ними не бранился? Кто, в минуту гнева, не требовал от них роковой книги, дабы вписать в оную свою бесполезную жалобу на притеснение, грубость и неисправность? Кто не почитает их извергами человеческого рода, равными покойным подьячим[1] или, по крайней мере, муромским разбойникам? Будем, однако, справедливы, постараемся войти в их положение и, может быть, станем судить о них гораздо снисходительнее. Что такое станционный смотритель? Сущий мученик четырнадцатого класса, ограждённый своим чином токмо от побоев, и то не всегда (ссылаюсь на совесть моих читателей). Какова должность сего диктатора, как называет его шутливо князь

[1] Подья́чий — помощник дьяка, канцелярист.

Вяземский? Не настоящая ли каторга? Покою ни днём, ни ночью. Всю досаду, накопленную во время скучной езды, путешественник вымещает на смотрителе. Погода несносная, дорога скверная, ямщик упрямый, лошади не везут — а виноват смотритель. Входя в бедное его жилище, проезжающий смотрит на него как на врага; хорошо, если удастся ему скоро избавиться от непрошеного гостя; но если не случится лошадей?.. Боже! какие ругательства, какие угрозы посыплются на его голову! В дождь и слякоть принуждён он бегать по дворам; в бурю, в крещенский мороз уходит он в сени, чтоб только на минуту отдохнуть от крика и толчков раздражённого постояльца. Приезжает генерал; дрожащий смотритель отдаёт ему две последние тройки, в том числе курьерскую. Генерал едет, не сказав ему спасибо. Через пять минут — колокольчик! — и фельдъегерь[1] бросает ему на стол свою подорожную!.. Вникнем во всё это хорошенько, и вместо негодования сердце наше исполнится искренним состраданием. Ещё несколько слов: в течение двадцати лет сряду изъездил я всю Россию по всем направлениям; почти все почтовые тракты мне известны; несколько поколений ямщиков мне знакомы; редкого смотрителя не знаю я в лицо, с редким не имел я дела; любопытный запас путевых моих наблюдений надеюсь издать в непродолжительном времени; покамест скажу только, что сословие станционных смотрителей представлено общему мнению в самом ложном виде. Сии столь оклеветанные смотрители вообще суть люди мирные, от природы услужливые, склонны к общежитию, скромные в притязаниях на почести и не слишком сребролюбивые. Из их разговоров (коими некстати пренебрегают господа проезжающие) можно почерпнуть много любопытного и поучительного. Что касается до меня, то, признаюсь, я предпочитаю их беседу речам какого-нибудь чиновника 6-го класса, следующего по казённой надобности.

Легко можно догадаться, что есть у меня приятели из почтенного сословия смотрителей. В самом деле, память одного из них мне драгоценна. Обстоятельства некогда сблизили нас, и об нём-то намерен я теперь побеседовать с любезными читателями.

В 1816 году, в мае месяце, случилось мне проезжать через ***скую губернию, по тракту, ныне уничтоженному. Находился я в мелком чине, ехал на перекладных и платил прогоны за две лошади. Вследствие сего смотрители со мной не церемонились, и часто бирал я с бою то, что, во мнении моём, следовало мне по праву. Будучи молод и вспыльчив, я негодовал на низость и малодушие смотрителя, когда сей последний отдавал приготовленную мне тройку под коляску чиновного барина. Столь же долго не мог я привыкнуть и к тому, чтоб разборчивый холоп обносил меня блюдом на губернаторском обеде. Ныне то и другое кажется мне в порядке вещей. В самом деле, что было бы с нами, если бы вместо общеудобного правила: *чин чина почитай* — ввелось в употребление другое, например: *ум ума почитай*? Какие возникли бы споры! И слуги с кого бы начинали кушанья подавать? Но обращаюсь к моей повести.

[1] Фельдъегерь — военный или правительственный курьер.

День был жаркий. В трёх верстах от станции *** стало накрапывать, и через минуту проливной дождь вымочил меня до последней нитки. По приезде на станцию первая забота была поскорее переодеться, вторая — спросить себе чаю. «Эй, Дуня! — закричал смотритель, — поставь самовар да сходи за сливками». При этих словах вышла из-за перегородки девочка лет четырнадцати и побежала в сени. Красота её меня поразила. «Это твоя дочка?» — спросил я смотрителя. «Дочка-с, — отвечал он с видом довольного самолюбия, — да такая разумная, такая проворная, вся в покойницу мать». Тут он принялся переписывать мою подорожную, а я занялся рассмотрением картинок, украшавших его смиренную, но опрятную обитель. Они изображали историю блудного сына. В первой почтенный старик в колпаке и шлафорке отпускает беспокойного юношу, который поспешно принимает его благословение и мешок с деньгами. В другой яркими чертами изображено развратное поведение молодого человека: он сидит за столом, окружённый ложными друзьями и бесстыдными женщинами. Далее промотавшийся юноша, в рубище и треугольной шляпе, пасёт свиней и разделяет с ними трапезу; в его лице изображены глубокая печаль и раскаяние. Наконец представлено возвращение его к отцу; добрый старик в том же колпаке и шлафорке выбегает к нему навстречу; блудный сын стоит на коленях; в перспективе повар убивает упитанного тельца, и старший брат вопрошает слуг о причине таковой радости. Под каждой картинкой прочёл я приличные немецкие стихи.

Всё это доныне сохранилось в моей памяти, так же как и горшки с бальзамином, и кровать с пёстрой занавескою, и прочие предметы, меня в то время окружавшие. Вижу, как теперь, самого хозяина, человека лет пятидесяти, свежего и бодрого, и его длинный зелёный сертук с тремя медалями на полинялых лентах.

Не успел я расплатиться со старым моим ямщиком, как Дуня возвратилась с самоваром. Маленькая кокетка со второго взгляда заметила впечатление, произведённое ею на меня; она потупила большие голубые глаза; я стал с нею разговаривать, она отвечала мне без всякой робости, как девушка, видевшая свет. Я предложил отцу её стакан пуншу; Дуне подал я чашку чаю, и мы втроем начали беседовать, как будто век были знакомы.

Лошади были давно готовы, а мне всё не хотелось расстаться с смотрителем и его дочкой. Наконец я с ними простился; отец пожелал мне доброго пути, а дочь проводила до телеги. В сенях я остановился и просил у ней позволения её поцеловать; Дуня согласилась... Много могу я насчитать поцелуев, «с тех пор как этим занимаюсь», но ни один не оставил во мне столь долгого, столь приятного воспоминания.

Прошло несколько лет, и обстоятельства привели меня на тот самый тракт, в те самые места. Я вспомнил дочь старого смотрителя и обрадовался при мысли, что увижу её снова. Но, подумал я, старый смотритель, может быть, уже сменён; вероятно, Дуня уже замужем. Мысль о смерти того или другого также мелькнула в уме моём, и я приближался к станции *** с печальным предчувствием.

Лошади стали у почтового домика. Вошед в комнату, я тотчас узнал картинки, изображающие историю блудного сына; стол и кровать стояли на прежних местах; но на окнах уже не было цветов, и всё кругом показывало ветхость и небрежение. Смотритель спал под тулупом; мой приезд разбудил его; он привстал... Это был точно Самсон Вырин; но как он постарел! Покамест собирался переписать он мою подорожную, я смотрел на его седину, на глубокие морщины давно не бритого лица, на сгорбленную спину — и не мог надивиться, как три или четыре года могли превратить бодрого мужчину в хилого старика. «Узнал ли ты меня? — спросил я его. — Мы с тобою старые знакомые». — «Может статься, — отвечал он угрюмо, — здесь дорога большая; много проезжих у меня перебывало». — «Здорова ли твоя Дуня?» — продолжал я. Старик нахмурился. «А Бог её знает», — отвечал он. «Так, видно, она замужем?» — сказал я. Старик притворился, будто бы не слыхал моего вопроса, и продолжал шёпотом читать мою подорожную. Я прекратил свои вопросы и велел поставить чайник. Любопытство начинало меня беспокоить, и я надеялся, что пунш разрешит язык моего старого знакомца.

Я не ошибся: старик не отказался от предлагаемого стакана. Я заметил, что ром прояснил его угрюмость. На втором стакане сделался он разговорчив; вспомнил или показал вид, будто бы вспомнил меня, и я узнал от него повесть, которая в то время сильно меня заняла и тронула. «Так вы знали мою Дуню? — начал он. — Кто же и не знал её? Ах, Дуня, Дуня! Что за девка-то была! Бывало, кто ни проедет, всякий похвалит, никто не осудит. Барыни дарили её, та платочком, та серёжками. Господа проезжие нарочно останавливались, будто бы пообедать аль отужинать, а в самом деле только чтоб на неё подолее поглядеть. Бывало, барин, какой бы сердитый ни был, при ней утихает и милостиво со мною разговаривает. Поверите ль, сударь: курьеры, фельдъегеря с нею по получасу заговаривались. Ею дом держался: что прибрать, что приготовить, за всем успевала. А я-то, старый дурак, не нагляжусь, бывало, не нарадуюсь; уж я ли не любил моей Дуни, я ль не лелеял моего дитяти; уж ей ли не было житьё? Да нет, от беды не отбожишься; что суждено, тому не миновать».

Тут он стал подробно рассказывать мне своё горе. Три года тому назад, однажды, в зимний вечер, когда смотритель разлинёвывал новую книгу, а дочь его за перегородкой шила себе платье, тройка подъехала, и проезжий в черкесской шапке, в военной шинели, окутанный шалью, вошёл в комнату, требуя лошадей. Лошади все были в разгоне. При сём известии путешественник возвысил было голос и нагайку; но Дуня, привыкшая к таковым сценам, выбежала из-за перегородки и ласково обратилась к проезжему с вопросом: не угодно ли будет ему чего-нибудь покушать? Появление Дуни произвело обыкновенное своё действие. Гнев проезжего прошёл; он согласился ждать лошадей и заказал себе ужин. Сняв мокрую, косматую шапку, отпутав шаль и сдёрнув шинель, проезжий явился молодым, стройным гусаром с чёрными усиками. Он расположился у смотрителя, начал весело разговаривать с ним и с

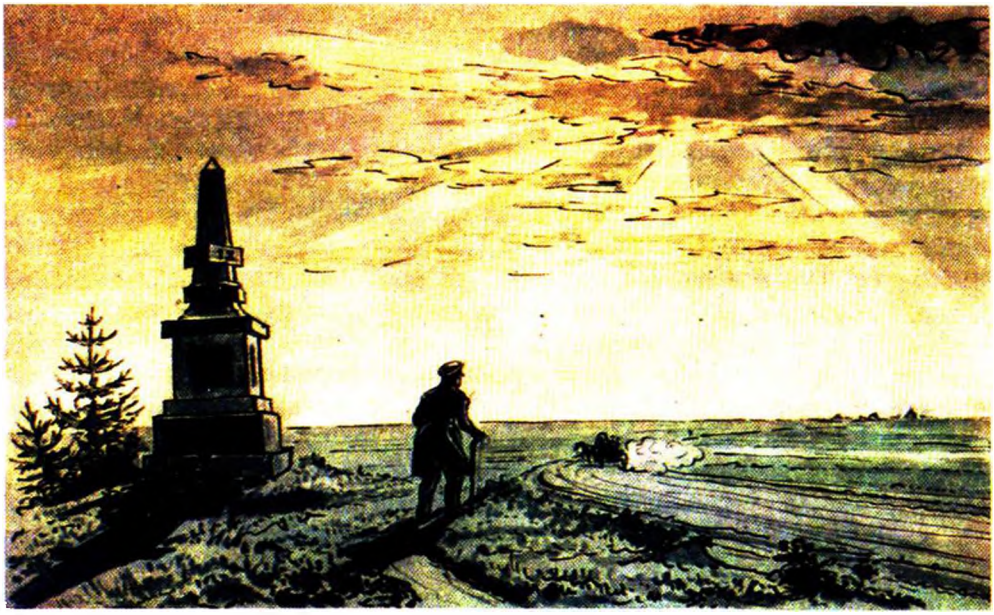
его дочерью. Подали ужинать. Между тем лошади пришли, и смотритель приказал, чтоб тотчас, не кормя, запрягали их в кибитку проезжего; но, возвратясь, нашёл он молодого человека почти без памяти лежащего на лавке: ему сделалось дурно, голова разболелась, невозможно было ехать... Как быть! смотритель уступил ему свою кровать, и положено было на другой день утром послать в С*** за лекарем.

На другой день гусару стало хуже. Человек его поехал верхом в город за лекарем. Дуня обвязала ему голову платком, намоченным уксусом, и села с своим шитьём у его кровати. Больной при смотрителе охал и не говорил почти ни слова, однако ж выпил две чашки кофе и, охая, заказал себе обед. Дуня от него не отходила. Он поминутно просил пить, и Дуня подносила ему кружку ею заготовленного лимонада. Больной обмакивал губы и всякий раз, возвращая кружку, в знак благодарности слабою своею рукою пожимал Дунюшкину руку. К обеду приехал лекарь. Он пощупал пульс больного, поговорил с ним по-немецки и по-русски объявил, что ему нужно одно спокойствие и что дни через два ему можно будет отправиться в дорогу. Гусар вручил ему двадцать пять рублей за визит, пригласил его отобедать; лекарь согласился; оба ели с большим аппетитом, выпили бутылку вина и расстались очень довольны друг другом.

Прошёл ещё день, и гусар совсем оправился. Он был чрезвычайно весел, без умолку шутил то с Дуней, то с смотрителем; насвистывал песни, разговаривал с проезжими, вписывал их подорожные в почтовую книгу, и так полюбился доброму смотрителю, что на третье утро

В. Милашевский.
«Станционный смотритель»

Каким настроением проникнута эта иллюстрация к повести «Станционный смотритель»?



жаль было ему расстаться с любезным своим постояльцем. День был воскресный; Дуня собиралась к обедне. Гусару подали кибитку. Он простился с смотрителем, щедро наградив его за постой и угощение; простился и с Дунею и вызвался довезти её до церкви, которая находилась на краю деревни. Дуня стояла в недоумении... «Чего же ты боишься? — сказал ей отец. — Ведь его высокоблагородие не волк и тебя не съест: прокатись-ка до церкви». Дуня села в кибитку подле гусара, слуга вскочил на облучок, ямщик свистнул, и лошади поскакали. Бедный смотритель не понимал, каким образом мог он сам позволить своей Дуне ехать вместе с гусаром, как нашло на него ослепление и что тогда было с его разумом. Не прошло и получаса, как сердце его начало ныть, ныть, и беспокойство овладело им до такой степени, что он не утерпел и пошёл сам к обедне. Подходя к церкви, увидел он, что народ уже расходился, но Дуни не было ни в ограде, ни на паперти. Он поспешно вошёл в церковь: священник выходил из алтаря; дьячок гасил свечи, две старушки молились ещё в углу; но Дуни в церкви не было. Бедный отец насилу решился спросить у дьячка, была ли она у обедни. Дьячок отвечал, что не бывала. Смотритель пошёл домой ни жив ни мертв. Одна оставалась ему надежда: Дуня по ветрености молодых лет вздумала, может быть, прокатиться до следующей станции, где жила её крёстная мать. В мучительном волнении ожидал он возвращения тройки, на которой он отпустил её. Ямщик не возвращался. Наконец к вечеру приехал он один и хмелен, с убийственным известием: «Дуня с той станции отправилась далее с гусаром».

Старик не снёс своего несчастия; он тут же слёг в ту самую постель, где накануне лежал молодой обманщик. Теперь смотритель, соображая все обстоятельства, догадывался, что болезнь была притворная. Бедняк занемог сильной горячкою; его свезли в С*** и на его место определили на время другого. Тот же лекарь, который приезжал к гусару, лечил и его. Он уверил смотрителя, что молодой человек был совсем здоров и что тогда ещё догадывался он о его злобном намерении, но молчал, опасаясь его нагайки. Правду ли говорил немец или только желал похвастаться дальновидностию, но он нимало тем не утешил бедного больного. Едва оправясь от болезни, смотритель выпросил у С*** почтмейстера отпуск на два месяца и, не сказав никому ни слова о своём намерении, пешком отправился за своею дочерью. Из подорожной знал он, что ротмистр Минский ехал из Смоленска в Петербург. Ямщик, который вёз его, сказывал, что всю дорогу Дуня плакала, хотя, казалось, ехала по своей охоте. «Авось, — думал смотритель, — приведу я домой заблудшую овечку мою». С этой мыслию прибыл он в Петербург, остановился в Измайловском полку[1], в доме отставного унтер-офицера, своего старого сослуживца, и начал свои поиски. Вскоре узнал он, что ротмистр Минский в Петербурге и живёт в Демутовом трактире. Смотритель решился к нему явиться. Рано утром пришёл он в его переднюю и просил доложить его высокоблагородию, что старый солдат

[1] Район в Петербурге, где были расположены казармы Измайловского полка.

просит с ним увидеться. Военный лакей, чистя сапог на колодке, объявил, что барин почивает и что прежде одиннадцати часов не принимает никого. Смотритель ушёл и возвратился в назначенное время. Минский вышел сам к нему в халате, в красной скуфье. «Что, брат, тебе надобно?» — спросил он его. Сердце старика закипело, слёзы навернулись на глазах, и он дрожащим голосом произнёс только: «Ваше высокоблагородие! Сделайте такую божескую милость!..» Минский взглянул на него быстро, вспыхнул, взял его за руку, повёл в кабинет и запер за собою дверь. «Ваше высокоблагородие! — продолжал старик. — Что с возу упало, то пропало; отдайте мне, по крайней мере, бедную мою Дуню. Ведь вы натешились ею; не погубите ж её понапрасну». — «Что сделано, того не воротишь, — сказал молодой человек в крайнем замешательстве, — виноват перед тобою и рад просить у тебя прощения; но не думай, чтоб я Дуню мог покинуть: она будет счастлива, даю тебе честное слово. Зачем тебе её? Она меня любит; она отвыкла от прежнего своего состояния. Ни ты, ни она — вы не забудете того, что случилось». Потом, сунув ему чтото за рукав, он отворил дверь, и смотритель, сам не помня как, очутился на улице.

Долго стоял он неподвижно, наконец увидел за обшлагом своего рукава свёрток бумаг; он вынул их и развернул несколько пяти- и десятирублевых смятых ассигнаций. Слёзы опять навернулись на глазах его, слёзы негодования! Он сжал бумажки в комок, бросил их наземь, притоптал каблуком и пошёл... Отошед несколько шагов, он остановился, подумал... и воротился... но ассигнаций уже не было. Хорошо одетый молодой человек, увидя его, подбежал к извозчику, сел поспешно и закричал: «Пошёл!..» Смотритель за ним не погнался. Он решился отправиться домой на свою станцию, но прежде хотел хоть ещё раз увидеть бедную свою Дуню. Для сего дни через два воротился он к Минскому; но военный лакей сказал ему сурово, что барин никого не принимает, грудью вытеснил его из передней и хлопнул двери ему под нос. Смотритель постоял, постоял — да и пошёл.

В этот самый день, вечером, шёл он по Литейной, отслужив молебен у Всех Скорбящих. Вдруг промчались перед ним щегольские дрожки, и смотритель узнал Минского. Дрожки остановились перед трёхэтажным домом, у самого подъезда, и гусар вбежал на крыльцо. Счастливая мысль мелькнула в голове смотрителя. Он воротился и, поравнявшись с кучером: «Чья, брат, лошадь? — спросил он, — не Минского ли?» — «Точно так, — отвечал кучер, — а что тебе?» — «Да вот что: барин твой приказал мне отнести к его Дуне записочку, а я и позабудь, где Дуня-то его живет». — «Да вот здесь, во втором этаже. Опоздал ты, брат, с твоей запиской; теперь уж он сам у неё». — «Нужды нет, — возразил смотритель с неизъяснимым движением сердца, — спасибо, что надоумил, а я своё дело сделаю». И с этим словом пошёл он по лестнице.

Двери были заперты; он позвонил, прошло несколько секунд в тягостном для него ожидании. Ключ загремел, ему отворили. «Здесь стоит Авдотья Самсоновна?» — спросил он. «Здесь, — отвечала молодая служанка, — зачем тебе её надобно?»

Смотритель, не отвечая, вошёл в залу. «Нельзя, нельзя! — закричала вслед ему служанка, — у Авдотьи Самсоновны гости». Но смотритель, не слушая, шёл далее. Две первые комнаты были темны, в третьей был огонь. Он подошёл к растворённой двери и остановился. В комнате, прекрасно убранной, Минский сидел в задумчивости. Дуня, одетая со всею роскошью моды, сидела на ручке его кресел, как наездница на своем английском седле. Она с нежностью смотрела на Минского, наматывая чёрные его кудри на свои сверкающие пальцы. Бедный смотритель! Никогда дочь его не казалась ему столь прекрасною; он поневоле ею любовался. «Кто там?» — спросила она, не подымая головы. Он всё молчал. Не получая ответа, Дуня подняла голову... и с криком упала на ковёр. Испуганный Минский кинулся её подымать и, вдруг увидя в дверях старого смотрителя, оставил Дуню и подошёл к нему, дрожа от гнева. «Чего тебе надобно? — сказал он ему, стиснув зубы. — Что ты за мною всюду крадёшься, как разбойник? Или хочешь меня зарезать? Пошёл вон!» — и, сильной рукою схватив старика за ворот, вытолкнул его на лестницу.

Старик пришёл к себе на квартиру. Приятель его советовал ему жаловаться; но смотритель подумал, махнул рукой и решился отступиться. Через два дни отправился он из Петербурга обратно на свою станцию и опять принялся за свою должность. «Вот уже третий год, —

Н. Компанец. Иллюстрация к повести

Как передаёт художник внутреннее состояние отца после встречи с дочерью?

заключил он, — как живу я без Дуни и как об ней нет ни слуху ни духу. Жива ли, нет ли, Бог её ведает. Всяко случается. Не её первую, не её последнюю сманил проезжий повеса, а там подержал да и бросил. Много их в Петербурге, молоденьких дур, сегодня в атласе да бархате, а завтра, поглядишь, метут улицу вместе с голью кабацкою. Как подумаешь порою, что и Дуня, может быть, тут же пропадает, так поневоле согрешишь да пожелаешь ей могилы...»

Таков был рассказ приятеля моего, старого смотрителя, рассказ, неоднократно прерываемый слезами, которые живописно отирал он своею полою, как усердный Терентьич в прекрасной балладе Дмитриева[1]. Слёзы сии отчасти возбуждаемы были пуншем, коего вытянул он пять стаканов в продолжение своего повествования; но как бы то ни было, они сильно тронули моё сердце. С ним расставшись, долго не мог я забыть старого смотрителя, долго думал я о бедной Дуне...

Недавно ещё, проезжая через местечко ***, вспомнил я о моём приятеле; я узнал, что станция, над которой он начальствовал, уже уничтожена. На вопрос мой: «Жив ли старый смотритель?» — никто не мог дать мне удовлетворительного ответа. Я решился посетить знакомую сторону, взял больных лошадей и пустился в село Н.

Это случилось осенью. Серенькие тучи покрывали небо; холодный ветер дул с пожатых полей, унося красные и жёлтые листья со встречных деревьев. Я приехал в село при закате солнца и остановился у почтового домика. В сени (где некогда поцеловала меня бедная Дуня) вышла толстая баба и на вопросы мои отвечала, что старый смотритель с год как помер, что в доме его поселился пивовар, а что она жена пивоварова. Мне стало жаль своей напрасной поездки и семи рублей, издержанных даром. «Отчего ж он умер?» — спросил я пивоварову жену. «Спился, батюшка», — отвечала она. «А где его похоронили?» — «За околицей, подле покойной хозяйки его». — «Нельзя ли довести меня до его могилы?» — «Почему же нельзя. Эй, Ванька! полно тебе с кошкою возиться. Проводи-ка барина на кладбище да укажи ему смотрителеву могилу».

При сих словах оборванный мальчик, рыжий и кривой, выбежал ко мне и тотчас повёл меня за околицу.

— Знал ты покойника? — спросил я его дорогой.

— Как не знать! Он выучил меня дудочки вырезывать. Бывало (царство ему небесное!), идёт из кабака, а мы-то за ним: «Дедушка! дедушка! орешков!» — а он нас орешками и наделяет. Всё, бывало, с нами возится.

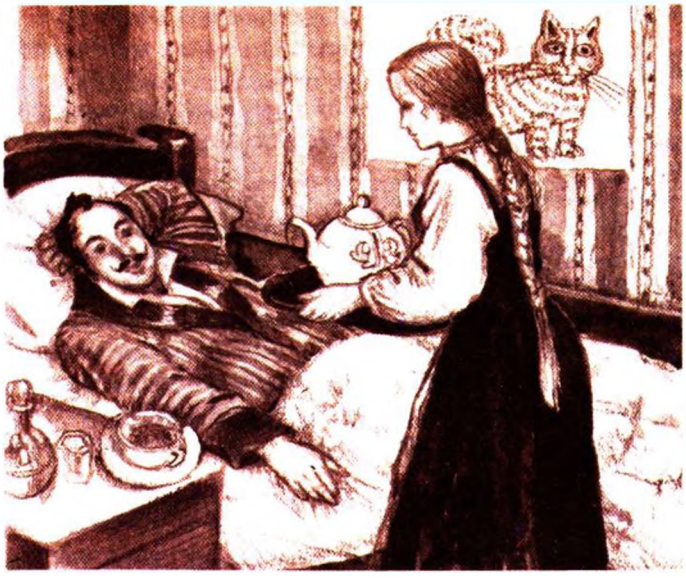
— А проезжие вспоминают ли его?

— Да ноне мало проезжих; разве заседатель завернёт, да тому не до мёртвых. Вот летом проезжала барыня, так та спрашивала о старом смотрителе и ходила к нему на могилу.

— Какая барыня?— спросил я с любопытством.

— Прекрасная барыня, — отвечал мальчишка, — ехала она в карете в шесть лошадей, с тре-

[1] Стихотворение И. Дмитриева «Карикатура».



Н. Компанец. Иллюстрация к повести

К какому эпизоду повести возвращает вас иллюстрация художника? Что в ней полностью соответствует пушкинскому тексту?

мя маленькими барчатами и с кормилицей, и с чёрной моською; и как ей сказали, что старый смотритель умер, так она заплакала и сказала детям: «Сидите смирно, а я схожу на кладбище». А я было вызвался довести её. А барыня сказала: «Я сама дорогу знаю». И дала мне пятак серебром — такая добрая барыня!..

Мы пришли на кладбище, голое место, ничем не ограждённое, усеянное деревянными крестами, не осенёнными ни единым деревцом. Отроду не видал я такого печального кладбища.

— Вот могила старого смотрителя, — сказал мне мальчик, вспрыгнув на груду песку, в которую врыт был черный крест с медным образом.

— И барыня приходила сюда? — спросил я.

— Приходила, — отвечал Ванька, — я смотрел на неё издали. Она легла здесь и лежала долго. А там барыня пошла в село и призвала попа, дала ему денег и поехала, а мне дала пятак серебром — славная барыня!

И я дал мальчишке пятачок и не жалел уже ни о поездке, ни о семи рублях, мною истраченных.

ВОПРОСЫ И ЗАДАНИЯ

ПОДЕЛИМСЯ ПЕРВЫМИ ВПЕЧАТЛЕНИЯМИ

1. Чем заинтересовала вас тема повести Александра Пушкина «Станционный смотритель»? Какие чувства и мысли пробуждает она у современного читателя?
2. Какие вопросы вы предложили бы для обсуждения повести «Станционный смотритель» в классе?

3. Какие отрывки повести вы хотели бы проиллюстрировать и почему?

УГЛУБИМСЯ В ТЕКСТ ПОВЕСТИ

4. Как описывает Пушкин радости и горести Самсона Вырина? Какое значение при этом имеют портретные зарисовки и описание внутренней обстановки постоялого двора?
5. Дуня в повести дана через восприятие рассказчика, отца и деревенского мальчика. Какой же предстаёт она в повести перед читателями?
6. Испытывала ли Дуня душевную борьбу? Подтвердите свой ответ примерами из текста.
7. Почему Дуня не исполнила свой дочерний долг? Как вы относитесь к её поступку?
8. Одной из заслуг Пушкина в литературе того времени было его обращение к «маленькому человеку», то есть к простому человеку из народа. Как же показал Пушкин судьбу станционного смотрителя Самсона Вырина? Как выразил своё отношение к нему?
9. Как относится рассказчик к тем, о ком он повествует? Кому он больше сочувствует?
10. Почему произведение Пушкина «Станционный смотритель» относится к жанру повести?

Для самостоятельной работы

11. Подготовьте выразительное чтение отрывка, в котором описывается нарастание тревоги отца, ожидающего дочь из церкви.
12. В 1822 году Пушкин выделил главную особенность прозы: «Точность и краткость — вот первые достоинства прозы. Она требует мыслей и мыслей — без них блестящие выражения ни к чему не служат». Как осуществил Пушкин сформулированное им самим требование к прозе в своей повести «Станционный смотритель»? Как, например, рассказывает он о событиях, рисует портреты героев, детали быта?
13. Повесть «Станционный смотритель» входит в сборник, изданный Александром Пушкиным под названием «Повести покойного Ивана Петровича Белкина». Прочитайте другие повести, вошедшие в этот сборник.

ДЛЯ ДИСКУССИИ

14. Примите участие в обсуждении проблемного вопроса: кто виноват в трагической судьбе Самсона Вырина?

УЧИМСЯ БЫТЬ ЧИТАТЕЛЯМИ

О КОМПОЗИЦИИ ХУДОЖЕСТВЕННОГО ПРОИЗВЕДЕНИЯ

(Углубление знаний)

Как вы уже знаете, художественное произведение, кроме сюжета (содержания), имеет еще и своё построение — **композицию** (от лат. *compositio* — составление, соединение).

Говоря о значении композиции, Лев Толстой отмечал, что часто в произведении искусства «нельзя вынуть один стих, одну сцену, одну фигуру, один такт из своего места и поставить в другое, не нарушив значение всего произведения».

Посмотрим, как же связано построение (то есть композиция) повести Пушкина «Станционный смотритель» с её сюжетом. С интересом воспринимаем мы её завязку: первая встреча рассказчика со станционным смотрителем и его дочерью на постоялом дворе. Эмоционально сильно действует на нас кульминация повести: потрясённый и оскорблённый отец топчет ногами омерзительные для него деньги. С пронзительной грустью читаем мы развязку повести: запоздалое раскаяние дочери, лежащей на могиле отца. С пристальным вниманием следим мы за развитием событий, невольным свидетелем которых стал рассказчик. Его образ является связующим звеном композиции; с его позиции также даётся оценка героев и всего происходящего. Вспомним, например, какими он увидел смотрителя и его дочь Дуню в первую встречу: «...вышла из-за перегородки девочка лет четырнадцати и побежала в сени. Красота её меня поразила»; «Вижу, как теперь, самого хозяина, человека лет пятидесяти, свежего и бодрого, и его длинный зелёный сертук с тремя медалями на полинялых лентах». А затем, спустя несколько лет, он едва узнал своего старого знакомого: «Это был точно Самсон Вырин; но как он постарел! Покамест собирался переписать он мою подорожную, я смотрел на его седину, на глубокие морщины давно не бритого лица, на сгорбленную спину — и не мог надивиться, как три или четыре года могли превратить бодрого мужчину в хилого старика». Интерес самого рассказчика к событиям с каждым его пребыванием на знакомой почтовой станции усиливается. В третий раз он намеренно едет в село Н., чтобы узнать о судьбе станционного смотрителя и его дочери. Как видим, отсутствие образа рассказчика в этой повести невозможно. Иначе это было бы уже совсем другое произведение.

Таким образом, композиция не только соединяет части произведения, но и углубляет смысл изображённого в нём, делает его особенно увлекательным, волнующим и запоминающимся для читателей.

Закрепим новые знания

1. Какова роль композиции в художественном произведении?
2. Прокомментируйте (то есть объясните) высказывание Льва Толстого о значении композиции.
3. Сопоставьте два эпизода из повести Пушкина «Станционный смотритель»: первый, когда рассказчик рассматривает на постоялом дворе лубочные картинки о судьбе блудного сына, и второй, когда отец, вспоминая случившееся с дочерью, говорит: «Авось, приведу я домой заблудшую овечку мою». Как вы считаете, есть ли что-то общее между этими эпизодами, то есть связаны ли они между собой композиционно?

МЕТЕЛЬ

Кони мчатся по буграм,
Топчут снег глубокой...
Вот в сторонке Божий храм
Виден одинокой.
.....
Вдруг метелица кругом;
Снег валит клоками;
Чёрный вран, свистя крылом,
Вьётся над санями;
Вещий стон гласит печаль!
Кони торопливы
Чутко смотрят в тёмну даль,
Воздымая гривы...

Жуковский

В конце 1811 года, в эпоху нам достопамятную, жил в своём поместье Ненарадове добрый Гаврила Гаврилович Р**. Он славился во всей округе гостеприимством и радушием; соседи поминутно ездили к нему поесть, попить, поиграть по пяти копеек в бостон с его женою, а некоторые для того, чтоб поглядеть на дочку их, Марью Гавриловну, стройную, бледную и семнадцатилетнюю девицу. Она считалась богатой невестою, и многие прочили её за себя или за сыновей.

Марья Гавриловна была воспитана на французских романах и, следственно, была влюблена. Предмет, избранный ею, был бедный армейский прапорщик, находившийся в отпуску в своей деревне. Само по себе разумеется, что молодой человек пылал равною страстию и что родители его любезной, заметя их взаимную склонность, запретили дочери о нём и думать, а его принимали хуже, нежели отставного заседателя.

Наши любовники были в переписке, и всякий день видались наедине в сосновой роще или у старой часовни. Там они клялися друг другу в вечной любви, сетовали на судьбу и делали различные предположения. Переписываясь и разговаривая таким образом, они (что весьма естественно) дошли до следующего рассуждения: если мы друг без друга дышать не можем, а воля жестоких родителей препятствует нашему благополучию, то нельзя ли нам будет обойтись без неё? Разумеется, что эта счастливая мысль пришла сперва в голову молодому человеку и что она весьма понравилась романическому воображению Марьи Гавриловны.

Наступила зима и прекратила их свидания; но переписка сделалась тем живее. Владимир Николаевич в каждом письме умолял её предаться ему, венчаться тайно, скрываться несколько времени, броситься потом к ногам родителей, которые, конечно, будут тронуты наконец героическим постоянством и несчастием любовников и скажут им непременно: «Дети! придите в наши объятия».

Марья Гавриловна долго колебалась; множество планов побега было отвергнуто. Наконец она согласилась: в назначенный день она должна была не ужинать и удалиться в свою комнату под предлогом головной боли. Девушка её была в заговоре; обе они должны были выйти в сад через заднее крыльцо, за садом найти готовые сани, садиться в них и ехать за пять вёрст от Ненарадова в село Жадрино, прямо в церковь, где уж Владимир должен был их ожидать.

Накануне решительного дня Марья Гавриловна не спала всю ночь; она укладывалась, увязывала бельё и платье, написала длинное письмо к одной чувствительной барышне, её подруге, другое к своим родителям. Она прощалась с ними в самых трогательных выражениях, извиняла свой проступок неодолимою силою страсти и оканчивала тем, что блаженнейшею минутою жизни почтёт она ту, когда позволено будет ей броситься к ногам дражайших её родителей. Запечатав оба письма тульской печаткою, на которой изображены были два пылающие сердца с приличной надписью, она бросилась на постель перед самым рассветом и задремала; но и тут ужасные мечтания поминутно её пробуждали. То казалось ей, что в самую минуту, как она садилась в сани, чтоб ехать венчаться, отец её останавливал её, с мучительной быстротою тащил её по снегу и бросал в тёмное, бездонное подземелие... и она летела стремглав с неизъяснимым замиранием сердца; то видела она Владимира, лежащего на траве, бледного, окровавленного. Он, умирая, молил её пронзительным голосом поспешить с ним обвенчаться... другие безобразные, бессмысленные видения неслись перед нею одно за другим.

Наконец она встала, бледнее обыкновенного и с непритворной головною болью. Отец и мать заметили её беспокойство; их нежная заботливость и беспрестанные вопросы: что с тобою, Маша? не больна ли ты, Маша? — раздирали её сердце. Она старалась их успокоить, казаться весёлою, и не могла. Наступил вечер. Мысль, что уже в последний раз провожает она день посреди своего семейства, стесняла её сердце. Она была чуть жива; она втайне прощалась со всеми особами, со всеми предметами, её окружавшими.

Подали ужинать; сердце её сильно забилось. Дрожащим голосом объявила она, что ей ужинать не хочется, и стала прощаться с отцом и матерью. Они её поцеловали и, по обыкновению, благословили: она чуть не заплакала. Пришед в свою комнату, она кинулась в кресла и залилась слезами. Девушка уговаривала её успокоиться и ободриться. Всё было готово. Через полчаса Маша должна была навсегда оставить родительский дом, свою комнату, тихую девическую жизнь...

На дворе была метель; ветер выл, ставни тряслись и стучали: всё казалось ей угрозой и печальным предзнаменованием.

Скоро в доме всё утихло и заснуло. Маша окуталась шалью, надела тёплый капот, взяла в руки шкатулку свою и вышла на заднее крыльцо. Служанка несла за нею два узла. Они сошли в сад. Метель не утихала; ветер дул навстречу, как будто силясь остановить молодую преступницу. Они насилу дошли до конца сада. На дороге сани

дожидались их. Лошади, прозябнув, не стояли на месте; кучер Владимира расхаживал перед оглоблями, удерживая ретивых. Он помог барышне и её девушке усесться и уложить узлы и шкатулку, взял вожжи, и лошади полетели. Поручив барышню попечению судьбы и искусству Терёшки-кучера, обратимся к молодому нашему любовнику.

Целый день Владимир был в разъезде. Утром был он у жадринского священника; насилу с ним уговорился; потом поехал искать свидетелей между соседними помещиками. Первый, к кому явился он, отставной сорокалетний корнет Дравин, согласился с охотою. Это приключение, уверял он, напоминало ему прежнее время и гусарские проказы. Он уговорил Владимира остаться у него отобедать и уверил его, что за другими двумя свидетелями дело не станет. В самом деле, тотчас после обеда явились землемер Шмит, в усах и шпорах, и сын капитан-исправника, мальчик лет шестнадцати, недавно поступивший в уланы. Они не только приняли предложение Владимира, но даже клялись ему в готовности жертвовать для него жизнью. Владимир обнял их с восторгом и поехал домой приготовляться.

Уже давно смеркалось. Он отправил своего надёжного Терёшку в Ненарадово с своею тройкою и с подробным, обстоятельным наказом, а для себя велел заложить маленькие сани в одну лошадь, и один без

В. Милашевский.
Иллюстрация к повести «Метель»

Как отражает эта иллюстрация главное событие повести «Метель»?

кучера отправился в Жадрино, куда часа через два должна была приехать и Марья Гавриловна. Дорога была ему знакома, а езды всего двадцать минут.

Но едва Владимир выехал за околицу в поле, как поднялся ветер и сделалась такая метель, что он ничего не взвидел. В одну минуту дорогу занесло; окрестность исчезла во мгле мутной и желтоватой, сквозь которую летели белые хлопья снегу; небо слилося с землёю. Владимир очутился в поле и напрасно хотел снова попасть на дорогу; лошадь ступала наудачу и поминутно то взъезжала на сугроб, то проваливалась в яму; сани поминутно опрокидывались. Владимир старался только не потерять настоящего направления. Но ему казалось, что уже прошло более получаса, а он не доезжал ещё до Жадринской рощи. Прошло ещё около десяти минут; рощи всё было не видать. Владимир ехал полем, пересечённым глубокими оврагами. Метель не утихала, небо не прояснялось. Лошадь начинала уставать, а с него пот катился градом, несмотря на то, что он поминутно был по пояс в снегу.

Наконец он увидел, что едет не в ту сторону. Владимир остановился: начал думать, припоминать, соображать — и уверился, что должно было взять ему вправо. Он поехал вправо. Лошадь его чуть ступала. Уже более часа был он в дороге. Жадрино должно было быть недалеко. Но он ехал, ехал, а полю не было конца. Всё сугробы да овраги; поминутно сани опрокидывались, поминутно он их подымал. Время шло; Владимир начинал сильно беспокоиться.

Наконец в стороне что-то стало чернеть. Владимир поворотил туда. Приближаясь, увидел он рощу. Слава Богу, подумал он, теперь близко. Он поехал около рощи, надеясь тотчас попасть на знакомую дорогу или объехать рощу кругом: Жадрино находилось тотчас за нею. Скоро нашёл он дорогу и въехал во мрак дерев, обнажённых зимою. Ветер не мог тут свирепствовать; дорога была гладкая; лошадь ободрилась, и Владимир успокоился.

Но он ехал, ехал, а Жадрина было не видать; роще не было конца. Владимир с ужасом увидел, что он заехал в незнакомый лес. Отчаяние овладело им. Он ударил по лошади; бедное животное пошло было рысью, но скоро стало приставать и через четверть часа пошло шагом, несмотря на все усилия несчастного Владимира.

Мало-помалу деревья начали редеть, и Владимир выехал из лесу; Жадрина было не видать. Должно было быть около полуночи. Слёзы брызнули из глаз его; он поехал наудачу. Погода утихла, тучи расходились, перед ним лежала равнина, устланная белым волнистым ковром. Ночь была довольно ясная. Он увидел невдалеке деревушку, состоящую из четырёх или пяти дворов. Владимир поехал к ней. У первой избушки он выпрыгнул из саней, подбежал к окну и стал стучаться. Через несколько минут деревянный ставень поднялся, и старик высунул свою седую бороду. «Что те надо?» — «Далеко ли Жадрино?» — «Жадрино-то далеко ли?» — «Да, да! Далеко ли?» — «Недалече; вёрст десяток будет». При сём ответе Владимир схватил себя за волосы и остался недвижим, как человек, приговорённый к смерти.

«А отколе ты?» — продолжал старик. Владимир не имел духа отвечать на вопросы. «Можешь ли ты, старик, — сказал он, — достать мне лошадей до Жадрина?» — «Каки у нас лошади», — отвечал мужик. «Да не могу ли взять хоть проводника? Я заплачу, сколько ему будет угодно». — «Постой, — сказал старик, опуская ставень, — я те сына вышлю; он те проводит». Владимир стал дожидаться. Не прошло минуты, он опять начал стучаться. Ставень поднялся, борода показалась. «Что те надо?» — «Что ж твой сын?» — «Сейчас выдет, обувается. Али ты прозяб? взойди погреться». — «Благодарю, высылай скорее сына».

Ворота заскрыпели; парень вышел с дубиною и пошёл вперёд, то указывая, то отыскивая дорогу, занесённую снеговыми сугробами. «Который час?» — спросил его Владимир. «Да уж скоро рассвенет»,— отвечал молодой мужик. Владимир не говорил уже ни слова.

Пели петухи и было уже светло, как достигли они Жадрина. Церковь была заперта. Владимир заплатил проводнику и поехал на двор к священнику. На дворе тройки его не было. Какое известие ожидало его!

Но возвратимся к добрым ненарадовским помещикам и посмотрим, что-то у них делается.

А ничего.

Старики проснулись и вышли в гостиную. Гаврила Гаврилович в колпаке и байковой куртке, Прасковья Петровна в шлафорке на вате. Подали самовар, и Гаврила Гаврилович послал девчонку узнать от Марьи Гавриловны, каково её здоровье и как она почивала. Девчонка воротилась, объявляя, что барышня почивала-де дурно, но что ей-де теперь легче и что она-де сейчас придёт в гостиную. В самом деле, дверь отворилась, и Марья Гавриловна подошла здороваться с папенькой и с маменькой.

«Что твоя голова, Маша?» — спросил Гаврила Гаврилович. «Лучше, папенька», — отвечала Маша. «Ты, верно, Маша вчерась угорела», — сказала Прасковья Петровна. «Может быть, маменька», — отвечала Маша.

День прошёл благополучно, но в ночь Маша занемогла. Послали в город за лекарем. Он приехал к вечеру и нашёл больную в бреду. Открылась сильная горячка, и бедная больная две недели находилась у края гроба.

Никто в доме не знал о предположенном побеге. Письма, накануне ею написанные, были сожжены; её горничная никому ни о чём не говорила, опасаясь гнева господ. Священник, отставной корнет, усатый землемер и маленький улан были скромны, и недаром. Терёшка-кучер никогда ничего лишнего не высказывал, даже и во хмелю. Таким образом тайна была сохранена более чем полудюжиною заговорщиков. Но Марья Гавриловна сама в беспрестанном бреду высказывала свою тайну. Однако ж её слова были столь несообразны ни с чем, что мать, не отходившая от её постели, могла понять из них только то, что дочь её была смертельно влюблена во Владимира Николаевича и что, вероятно, любовь была причиною её болезни. Она советовалась со

своим мужем, с некоторыми соседями, и наконец единогласно все решили, что видно такова была судьба Марьи Гавриловны, что суженого конём не объедешь, что бедность не порок, что жить не с богатством, а с человеком, и тому подобное. Нравственные поговорки бывают удивительно полезны в тех случаях, когда мы от себя мало что можем выдумать себе в оправдание.

Между тем барышня стала выздоравливать. Владимира давно не видно было в доме Гаврилы Гавриловича. Он был напуган обыкновенным приёмом. Положили послать за ним и объявить ему неожиданное счастие: согласие на брак. Но каково было изумление ненарадовских помещиков, когда в ответ на их приглашение получили они от него полусумасшедшее письмо! Он объявлял им, что нога его не будет никогда в их доме, и просил забыть о несчастном, для которого смерть остаётся единою надеждою. Через несколько дней узнали они, что Владимир уехал в армию. Это было в 1812 году.

Долго не смели объявить об этом выздоравливающей Маше. Она никогда не упоминала о Владимире. Несколько месяцев уже спустя, нашед имя его в числе отличившихся и тяжело раненных под Бородином, она упала в обморок, и боялись, чтоб горячка её не возвратилась. Однако, слава Богу, обморок не имел последствия.

Другая печаль её посетила: Гаврила Гаврилович скончался, оставя её наследницей всего имения. Но наследство не утешало её; она разделяла искренно горесть бедной Прасковьи Петровны, клялась никогда с нею не расставаться; обе они оставили Ненарадово, место печальных воспоминаний, и поехали жить в ***ское поместье.

Женихи кружились и тут около милой и богатой невесты; но она никому не подавала и малейшей надежды. Мать иногда уговаривала её выбрать себе друга; Марья Гавриловна качала головой и задумывалась. Владимир уже не существовал: он умер в Москве, накануне вступления французов. Память его казалась священною для Маши; по крайней мере, она берегла всё, что могло его напомнить: книги, им некогда прочитанные, его рисунки, ноты и стихи, им переписанные для неё. Соседи, узнав обо всём, дивились её постоянству и с любопытством ожидали героя, долженствовавшего наконец восторжествовать над печальной верностию этой девственной Артемизы[1].

Между тем война со славою была кончена. Полки наши возвращались из-за границы. Народ бежал им навстречу. Музыка играла завоёванные песни: Vive Henri-Quatre[2], тирольские вальсы и арии из Жоконда[3]. Офицеры, ушедшие в поход почти отроками, возвращались, возмужав на бранном воздухе, обвешанные крестами. Солдаты весело разговаривали между собою, вмешивая поминутно в речь немецкие и французские слова. Время незабвенное! Время славы и восторга! Как сильно билось русское сердце при слове Отечество! Как сладки были слёзы свидания! С каким единодушием мы соединяли

[1] Артемида (Артемиза) — древнегреческая богиня.

[2] Да здравствует Генрих IV (франц.).

[3] «Жоконд, или Искатель приключений» — комическая опера Н. Изоара.

чувства народной гордости и любви к государю! А для него какая была минута!

Женщины, русские женщины были тогда бесподобны. Обыкновенная холодность их исчезла. Восторг их был истинно упоителен, когда, встречая победителей, кричали они: *ура!*

И в воздух чепчики бросали.[1]

Кто из тогдашних офицеров не сознается, что русской женщине обязан он был лучшей, драгоценнейшей наградою?..

В это блистательное время Марья Гавриловна жила с матерью в *** губернии и не видала, как обе столицы праздновали возвращение войск. Но в уездах и деревнях общий восторг, может быть, был ещё сильнее. Появление в сих местах офицера было для него настоящим торжеством, и любовнику во фраке плохо было в его соседстве.

Мы уже сказывали, что, несмотря на её холодность, Марья Гавриловна всё по-прежнему окружена была искателями. Но все должны были отступить, когда явился в её замке раненый гусарский полковник Бурмин, с Георгием в петлице и *с интересной бледностию*, как говорили тамошние барышни. Ему было около двадцати шести лет. Он приехал в отпуск в свои поместья, находившиеся по соседству деревни Марьи Гавриловны. Марья Гавриловна очень его отличала. При нём обыкновенная задумчивость её оживлялась. Нельзя было сказать, чтоб она с ним кокетничала; но поэт, заметя её поведение, сказал бы:

Se amor non ё che dunqe?..[2]

Бурмин был в самом деле очень милый молодой человек. Он имел именно тот ум, который нравится женщинам: ум приличия и наблюдения, безо всяких притязаний и беспечно насмешливый. Поведение его с Марьей Гавриловной было просто и свободно; но что б она ни сказала или ни сделала, душа и взоры его так за нею и следовали. Он казался нрава тихого и скромного, но молва уверяла, что некогда был он ужасным повесою, и это не вредило ему во мнении Марьи Гавриловны, которая (как и все молодые дамы вообще) с удовольствием извиняла шалости, обнаруживающие смелость и пылкость характера.

Но более всего... (более его нежности, более приятного разговора, более интересной бледности, более перевязанной руки) молчание молодого гусара более всего подстрекало её любопытство и воображение. Она не могла не сознаваться в том, что она очень ему нравилась; вероятно, и он, с своим умом и опытностию, мог уже заметить, что она отличала его: каким же образом до сих пор не видала она его у своих ног и ещё не слыхала его признания? Что удерживало его? робость, неразлучная с истинною любовию, гордость или кокетство хитрого волокиты? Это было для неё загадкою. Подумав хорошенько, она решила, что робость была единственной тому причиною, и положила ободрить его большею внимательностию

[1] Из комедии А. Грибоедова «Горе от ума».
[2] Если это не любовь, так что же?.. (итал.).

и, смотря по обстоятельствам, даже нежностию. Она приуготовляла развязку самую неожиданную и с нетерпением ожидала минуты романического объяснения. Тайна, какого роду ни была бы, всегда тягостна женскому сердцу. Её военные действия имели желаемый успех: по крайней мере, Бурмин впал в такую задумчивость и чёрные глаза его с таким огнём останавливались на Марье Гавриловне, что решительная минута, казалось, уже близка. Соседи говорили о свадьбе как о деле уже конченном, а добрая Прасковья Петровна радовалась, что дочь её наконец нашла себе достойного жениха.

Старушка сидела однажды одна в гостиной, раскладывая гранпасьянс, как Бурмин вошёл в комнату и тотчас осведомился о Марье Гавриловне. «Она в саду, — отвечала старушка, — подите к ней, а я вас буду здесь ожидать». Бурмин пошёл, а старушка перекрестилась и подумала: авось дело сегодня же кончится!

Бурмин нашёл Марью Гавриловну у пруда, под ивою с книгою в руках и в белом платье, настоящей героинею романа. После первых вопросов Марья Гавриловна нарочно перестала поддерживать разговор, усиливая таким образов взаимное замешательство, от которого можно было избавиться разве только незапным и решительным объяснением. Так и случилось: Бурмин, чувствуя затруднительность своего положения, объявил, что искал давно случая открыть ей своё сердце, и потребовал минуты внимания. Марья Гавриловна закрыла книгу и потупила глаза в знак согласия.

«Я вас люблю, — сказал Бурмин, — я вас люблю страстно...» (Марья Гавриловна покраснела и наклонила голову ещё ниже.) «Я поступил неосторожно, предаваясь милой привычке, привычке видеть и слышать вас ежедневно...» (Марья Гавриловна вспомнила первое письмо St.-Preux[1].) «Теперь уже поздно противиться судьбе моей; воспоминание об вас, ваш милый, несравненный образ отныне будет мучением и отрадою жизни моей; но мне ещё остаётся исполнить тяжёлую обязанность, открыть вам ужасную тайну и положить между нами непреодолимую преграду...» — «Она всегда существовала, — прервала с живостию Марья Гавриловна, — я никогда не могла быть вашею женою...» — «Знаю,— отвечал он ей тихо, — знаю, что некогда вы любили, но смерть и три года сетований... Добрая, милая Марья Гавриловна! не старайтесь лишить меня последнего утешения: мысль, что вы бы согласились сделать моё счастие, если бы... молчите, ради Бога, молчите. Вы терзаете меня. Да, я знаю, я чувствую, что вы были бы моею, но — я несчастнейшее создание... я женат!»

Марья Гавриловна взглянула на него с удивлением.

— Я женат, — продолжал Бурмин, — я женат уже четвёртый год и не знаю, кто моя жена, и где она, и должен ли свидеться с нею когда-нибудь!

— Что вы говорите? — воскликнула Марья Гавриловна, — как это странно! Продолжайте; я расскажу после... но продолжайте, сделайте милость.

[1] Сен-Прё (франц.) — герой романа Ж.-Ж. Руссо «Юлия, или Новая Элоиза».

— В начале 1812 года, — сказал Бурмин, — я спешил в Вильну, где находился наш полк. Приехав однажды на станцию поздно вечером, я велел было поскорее закладывать лошадей, как вдруг поднялась ужасная метель, и смотритель и ямщики советовали мне переждать. Я их послушался, но непонятное беспокойство овладело мною; казалось, кто-то меня так и толкал. Между тем метель не унималась; я не вытерпел, приказал опять закладывать и поехал в самую бурю. Ямщику вздумалось ехать рекою, что должно было сократить нам путь тремя верстами. Берега были занесены; ямщик проехал мимо того места, где выезжали на дорогу, и таким образом очутились мы в незнакомой стороне. Буря не утихала; я увидел огонёк и велел ехать туда. Мы приехали в деревню; в деревянной церкви был огонь. Церковь была отворена, за оградой стояло несколько саней; по паперти ходили люди. «Сюда! сюда!» — закричало несколько голосов. Я велел ямщику подъехать. «Помилуй, где ты замешкался? — сказал мне кто-то, — невеста в обмороке; поп не знает, что делать; мы готовы были ехать назад. Выходи же скорее». Я молча выпрыгнул из саней и вошёл в церковь, слабо освещённую двумя или тремя свечами. Девушка сидела на лавочке в тёмном углу церкви; другая тёрла ей виски. «Слава Богу, — сказала эта, — насилу вы приехали. Чуть было вы барышню не уморили». Старый священник подошёл ко мне с вопросом: «Прикажете начинать?» — «Начинайте, начинайте, батюшка», — отвечал я рассеянно. Девушку подняли. Она показалась мне недурна... Непонятная, непростительная ветреность... я стал подле неё перед налоем; священник торопился; трое мужчин и горничная поддерживали невесту и заняты были только ею. Нас обвенчали. «Поцелуйтесь», — сказали нам. Жена моя обратила ко мне бледное своё лицо. Я хотел было её поцеловать... Она вскрикнула: «Ай, не он! не он!» — и упала без памяти. Свидетели устремили на меня испуганные глаза. Я повернулся, вышел из церкви безо всякого препятствия, бросился в кибитку и закричал: «Пошёл!»

— Боже мой! — закричала Марья Гавриловна, — и вы не знаете, что сделалось с бедной вашею женою?

— Не знаю, — отвечал Бурмин, — не знаю, как зовут деревню, где я венчался; не помню, с которой станции поехал. В то время я так мало полагал важности в преступной моей проказе, что, отъехав от церкви, заснул и проснулся на другой день поутру, на третьей уже станции. Слуга, бывший тогда со мною, умер в походе, так что я не имею и надежды отыскать ту, над которой подшутил я так жестоко и которая теперь так жестоко отомщена.

— Боже мой, Боже мой! — сказала Марья Гавриловна, схватив его руку, — так это были вы! И вы не узнаёте меня?

Бурмин побледнел... и бросился к её ногам...

ВОПРОСЫ И ЗАДАНИЯ

ПОДЕЛИМСЯ ПЕРВЫМИ ВПЕЧАТЛЕНИЯМИ

1. Чем захватило вас чтение повести Александра Пушкина «Метель»? Какое отношение к себе вызвали её герои?
2. Какое мнение сложилось у вас о Марье Гавриловне, о Владимире, о Бурмине? Какими вы представляете себе этих героев?
3. К каким эпизодам повести вам хотелось бы вернуться и ещё раз перечитать их?

УГЛУБИМСЯ В ТЕКСТ ПОВЕСТИ

4. Если бы вы захотели поделиться своими впечатлениями об этой повести с кем-нибудь и попробовали кратко пересказать её содержание, то какие моменты вы отнесли бы к наиболее важным?
5. Задумайтесь над тем, почему от начала и до конца повести интерес читателя всё время возрастает. Как этому способствует развитие сюжета?
6. Можно утверждать, что сюжет повести построен на интриге, так как описываемые события не только осложняются, но и запутываются. Объясните, как это показано в повести.
7. Почему на приглашение родителей Марьи Гавриловны Владимир ответил «полусумасшедшим письмом»? Каким образом автор даёт понять, что Владимир потрясён тем известием, которое «ожидало его» в Жадрине?
8. Какой момент в повести самый напряжённый, то есть кульминационный? Аргументируйте свой ответ.
9. Какое значение в повести имеет описание метели? Прокомментируйте этот отрывок.
10. Как изображение событий личной жизни героев в повести связано с историческим событием — Отечественной войной 1812 года?
11. Эпиграф, как вам известно, отражает основную мысль произведения, к которому он относится. Как вы думаете, почему к своей повести «Метель» Александр Пушкин взял эпиграфом строки из баллады Василия Жуковского «Светлана»?

Для самостоятельной работы

12. Подготовьте близкий к тексту пересказ описания метели в повести.
13. Ответьте на вопрос в развёрнутой форме: какую композиционную роль играет описание метели?

Для будущих филологов

Лев Николаевич Толстой писал, что «Повести Белкина» являются для писателя-прозаика «исключительно ценной школой художественного мастерства». Чему можно учиться молодым писателям на примере повести Пушкина «Метель»?

ДЛЯ ДИСКУССИИ

Во время признания Бурмин говорит, что после венчания с незнакомой девушкой он сразу не осознал преступности своей проказы. Как вы думаете, чем можно объяснить такое поведение героя?

Учимся работать самостоятельно над текстом художественного произведения

Как подготовить ответ на проблемный вопрос

К проблемным относятся такие вопросы, которые предполагают разные ответы, разные точки зрения. Однако своё мнение важно не только высказать, но и аргументировать, то есть подтверждать свои мысли примерами из текста.

Вы успешно справитесь с заданием, если при подготовке к ответу на проблемный вопрос будете руководствоваться следующим:

1. Вдумываться в суть проблемного вопроса.
2. Чётко формулировать собственные суждения, учитывая их логическую последовательность.
3. Строить свой ответ с опорой на художественный текст.

При выполнении этих требований ваш ответ будет убедительным и интересным для других.

Михаил Юрьевич ЛЕРМОНТОВ

[1814–1841]

Лермонтов — то явление в поэзии, которое принято называть чудом... Он страстно любил Россию, но он не мог не видеть кровоточащие язвы «страны рабов, страны господ».

С. Наровчатов

Шёл 1814 год. Русские войска, одержавшие победу над Наполеоном, возвращались из-за границы и вступали в опалённую пожаром Москву. В то самое время, когда Москва, ликуя, встречала победителей, в маленьком домике у Красных ворот, в ночь на 15 октября (по старому стилю — 3 октября) 1814 года в семье отставного капитана Юрия Лермонтова родился сын Михаил. Невесёлым было детство этого мальчика. Смутно помнил он ласковые руки и слабый голос матери, напевавшей ему грустную песню. Мать умерла, когда ему не исполнилось и трёх лет... Отца Лермонтов видел редко: бабушка не любила его и заставила уступить ей право воспитывать мальчика.

Самые первые, а потому и самые прочные впечатления — это скромный прелестный пейзаж Пензенской губернии, первые воспоминания — русские песни, народные игры и хороводы, неторопливые рассказы об Иване Грозном, о Разине и Пугачеве.

Вокруг дома — аллеи старинного сада, спящий пруд, затянутый сетью трав, а напротив усадьбы — дымные, в два ряда, чёрные избы и белая церковь села Тарханы.

В детстве Лермонтов часто болел. И бабушка три раза возила его на Кавказ. Ездили на своих лошадях, через всю Россию. Кавказ с детских лет вошёл в сознание Лермонтова как край свободы, благородных, возвышенных страстей...

Детство кончилось. Лермонтов поселился с бабушкой в Москве и поступил в университетский Благородный пансион. Это был уже 14-летний подросток, серьёзный, хорошо подготовленный домашними учителями. Незадолго до Лермонтова пансион этот окончили многие участники декабрьского восстания 1825 года. В пансионе царил дух свободомыслия: по рукам тайно ходили запретные стихи Рылеева, Пушкина... Из пансиона Лермонтов перешёл в Московский университет. В его тетрадях появляются стихи «Нищий», «Парус», «Два великана».

Природа одарила Лермонтова разнообразными талантами. Он обладал редкой музыкальностью — виртуозно играл на скрипке, на рояле, пел арии из своих любимых опер, даже сочинял музыку: есть сведения, что он положил на музыку свою «Казачью колыбельную песню». Он рисовал и писал картины маслом, легко решал сложные математические задачи. Он был великолепно образован, начитан, слыл сильным шахматистом, владел несколькими иностранными языками. Всё давалось ему легко. И всё же свой гениальный поэтический дар он совершенствовал упорным трудом.

В конце второго года обучения из-за участия в студенческом бунте Лермонтову пришлось покинуть университет. Исключённым закрывался путь в другие университеты России. И тогда он поступил в школу гвардейских подпрапорщиков и кавалерийских юнкеров в Петербурге. «До сих пор, — с горечью писал он друзьям в Москву, — я жил для литературной славы, столько жертв принёс своему неблагодарному кумиру и вот теперь я — воин!» Но даже там, в стенах юнкерской школы, он продолжал свои занятия литературой. По окончании школы Лермонтов вышел офицером в гвардейский гусарский полк, квартировавший в Царском Селе под Петербургом, и окунулся в полковую и великосветскую жизнь.

28 января 1837 года по Петербургу разнёсся слух, что Пушкин накануне стрелялся на дуэли с Дантесом и ранен смертельно. На другой день стало известно, что Пушкин умер. И в эти самые дни по Петербургу распространилось в рукописи стихотворение «Смерть Поэта», под которым стояло в ту пору мало кому известное имя: Лермонтов. Это был голос молодого поэта, которому суждено было стать преемником Пушкина в осиротевшей русской литературе... Так началась всенародная слава Лермонтова.

Жизнь Михаила Юрьевича Лермонтова обрывается также трагически: 15 (27) июля 1841 года он погиб на дуэли.

Читая и перечитывая Лермонтова, проникаясь героическим, активным духом его поэзии, восторгаясь её неповторимым лирическим содержанием, мы думаем о нём как о живом. И представляем себе его — не достигшего еще и 27-летнего возраста, так много сделавшего для родной литературы, так много не успевшего осуществить...

С детских лет отзывается в наших сердцах благородный голос Лермонтова, пробуждающий отвагу, утверждающий чувства долга и чести. Читаем ли мы «Бородино» или «Мцыри», «Песню про царя Ивана Васильевича...» или «Родину», мы жадно внимаем его словам, чтобы запомнить, как сформулировал он самое высшее и самое благородное проявление любви — любовь к Отчизне.

По И. Андроникову

1. Каким было раннее детство Лермонтова?
2. Что из событий последующей жизни стало поворотным моментом в судьбе поэта?
3. Какие стихотворения Лермонтова вы любите и знаете наизусть?

КАВКАЗ

Хотя я судьбой на заре моих дней,
О южные горы, оторгнут от вас,
Чтоб вечно их помнить, там надо быть раз:
Как сладкую песню отчизны моей,
Люблю я Кавказ.

В младенческих летах я мать потерял.
Но мнилось, что в розовый вечера час
Та степь повторяла мне памятный глас.
За это люблю я вершины тех скал,
Люблю я Кавказ.

Я счастлив был с вами, ущелия гор,
Пять лет пронеслось: всё тоскую по вас,
Там видел я пару божественных глаз;
И сердце лепечет, воспомня тот взор:
Люблю я Кавказ!..

ВОПРОСЫ И ЗАДАНИЯ

1. Чем волнует вас стихотворение Лермонтова «Кавказ»?
2. Это стихотворение Лермонтов написал в 15-летнем возрасте. В том же 1830 году в одной из своих тетрадей он сделал запись: «Горы Кавказа для меня священны». С чем сравнивает поэт свою любовь к Кавказу? Почему так дорог ему этот край?
3. С помощью каких поэтических средств Лермонтов передаёт свои сокровенные[1] переживания?
4. Какое значение для понимания главной мысли этого стихотворения имеет повторяющаяся строка в конце каждой строфы?
5. С какой интонацией следует читать это стихотворение?

Для будущих филологов

Подготовьте выразительное чтение и комментарий понравившегося вам стихотворения Лермонтова, посвящённого Кавказу.

[1] Сокровéнные — свято хранимые, тайные, задушевные.

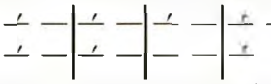
УЧИМСЯ БЫТЬ ЧИТАТЕЛЯМИ

О трёхсложных размерах стиха

Вы уже знакомы с двусложными размерами стиха — **ямбом и хореем.** Чередование одного ударного и одного безударного слогов: (́ —) — хорей; чередование одного безударного и одного ударного: (— ́) — ямб. Вспомним стихотворение Пушкина «Зимний вечер»:

Буря мглою небо кроет,
Вихри снежные крутя...

Обозначим ударные и безударные слоги:



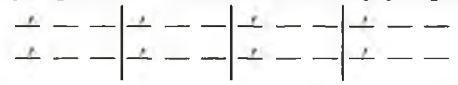
Это стихотворение написано хореем (первый слог — ударный, второй — безударный). Одинаковое повторение ударных и безударных слогов называется ***стопой***. В данном случае стопа — двусложная.

Многие стихотворения написаны трёхсложной стопой (состоящей из трёх слогов).

Обратимся, например, к стихотворению Лермонтова «Тучи»:

Тучки небесные, вечные странники!
Степью лазурною, цепью жемчужною...

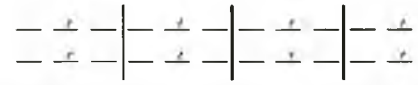
Расставим ударения и составим схему ударных и безударных слогов:



Здесь повторяются группы из трёх слогов — это трёхсложная стопа с ударением на первом слоге. Такой трёхсложный размер называется **да́ктилем** (́ — —). Слово «дактиль» (*dactilos*) в переводе с греческого означает «палец». Стихотворный размер называется так потому, что напоминает строение пальца, состоящего из трёх фаланг (косточек).

Составим схему стихотворения Лермонтова «Кавказ»:

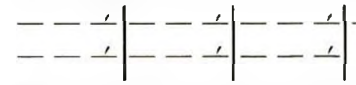
Хотя я судьбой на заре моих дней,
О южные горы, отторгнут от вас...



Здесь тоже повторяются группы из трёх слогов, из которых второй слог ударный, первый и третий — безударные. Такой трёхсложный размер называется **амфибра́хием** (— ́ —). Слово «амфибрахий» (*amphibrachys*) в переводе с греческого означает «с двух сторон краткий», то есть окружённый безударными слогами.

В стихотворениях с трёхсложной стопой ударение может падать и на последний, третий слог. Рассмотрим это на примере стихотворения Некрасова «Тройка»:

Что ты жадно глядишь на дорогу
В стороне от весёлых подруг?



Трёхсложная стопа с ударением на последнем слоге называется **ана́пестом** (— — ́). Слово «анапест» (*anapaistos*) в переводе с греческого означает «обратный пальцу», то есть дактилю.

Итак, существуют три трёхсложных стихотворных размера:
дактиль (́ — —) — с ударением на первом слоге,
амфибрахий (— ́ —) — с ударением на втором слоге,
анапест (— — ́) — с ударением на третьем слоге.

Закрепим новые знания

1. Что такое стопа? Какое количество слогов она может включать?
2. Какие вы знаете стихотворные размеры двусложной стопы?
3. Какие есть трёхсложные размеры стиха?
4. Приведите примеры стихотворений Пушкина, написанных ямбом и хореем.

5. Определите размер стиха следующих отрывков из стихотворений Лермонтова:

Молча сижу под окошком темницы;
Синее небо отсюда мне видно:
В небе играют всё вольные птицы;
Глядя на них, мне и больно и стыдно.

(«Пленный рыцарь»)

По синим волнам океана,
Лишь звёзды блеснут в небесах,
Корабль одинокий несётся,
Несётся на всех парусах.

(«Воздушный корабль»)

Русалка плыла по реке голубой,
Озаряема полной луной;
И старалась она доплеснуть до луны
Серебристую пену волны.

(«Русалка»)

Из истории создания поэмы «Мцыри»

Замысел написать о монахе, который томится в монастырской неволе, возник у Лермонтова еще в 1830 году, когда он учился в пансионе. Он начал писать тогда поэму под названием «Исповедь» — про молодого отшельника, «испанца родом и душой». Через несколько лет Лермонтов снова вернулся к прежней теме и написал поэму «Боярин Орша». Действие происходит в России, во времена Ивана Грозного. Её герой — русский, безродный Арсений, юноша страстный и непокорный. Но и эта поэма осталась ненапечатанной.

В 1837 году, следуя по Военно-Грузинской дороге к месту своей ссылки, Лермонтов остановился в древней грузинской столице Мцхет, осмотрел старинный мцхетский собор «Светицховели». На остроконечной горе, над самым слиянием Куры и Арагвы, виднелся старинный монастырь «Джварис-сакдари» («Монастырь креста»).

Эти впечатления и легли в основу новой поэмы — о судьбе монаха, погибающего в монастырской неволе. На этот раз Лермонтов задумал поэму о современности. Действие её происходит не в Испании и не в России времён Ивана Грозного, а «немного лет тому назад» на Кавказе. Лермонтов рассказывает в ней о пленнике российского самодержавия, о судьбе своего сверстника. Создал Лермонтов эту поэму уже по возвращении из ссылки. На рукописи выставлено число: «1839 года 5 августа». А на обложке написано заглавие: «*Бэри*». К этому слову Лермонтов сделал примечание: «Бэри по-грузински — монах». Но герой поэмы не монах: его еще только готовят в монахи. А для таких в грузинском языке имеется другое название — «мцыри». И Лермонтов переменил название поэмы, которая вынашивалась и обдумывалась им в течение девяти лет.

По И. Андроникову

МЦЫРИ

Вкушая, вкусих мало мёда,
и се аз умираю.

1 я Книга Царств

1

Немного лет тому назад,
Там, где, сливаясь, шумят,
Обнявшись, будто две сестры,
Струи Арагвы и Куры,
Был монастырь. Из-за горы
И нынче видит пешеход
Столбы обрушенных ворот,
И башни, и церковный свод;
Но не курится уж под ним
Кадильниц благовонный дым,
Не слышно пенье в поздний час
Молящих иноков за нас.
Теперь один старик седой,
Развалин страж полуживой,
Людьми и смертию забыт,
Сметает пыль с могильных плит,
Которых надпись говорит
О славе прошлой — и о том,
Как, удручён своим венцом,
Такой-то царь, в такой-то год
Вручал России свой народ.

И Божья благодать сошла
На Грузию! она цвела
С тех пор в тени своих садов,
Не опасаяся врагов,
За гранью дружеских штыков.

2

Однажды русский генерал
Из гор к Тифлису проезжал;
Ребёнка пленного он вёз.
Тот занемог, не перенёс
Трудов далёкого пути;
Он был, казалось, лет шести;
Как серна гор, пуглив и дик,
И слаб и гибок, как тростник.
Но в нём мучительный недуг
Развил тогда могучий дух
Его отцов. Без жалоб он

Томился, даже слабый стон
Из детских губ не вылетал,
Он знаком пищу отвергал
И тихо, гордо умирал.
Из жалости один монах
Больного призрел, и в стенах
Хранительных остался он,
Искусством дружеским спасён.
Но, чужд ребяческих утех,
Сначала бегал он от всех,
Бродил безмолвен, одинок,
Смотрел, вздыхая, на восток,
Томим неясною тоской
По стороне своей родной.
Но после к плену он привык,
Стал понимать чужой язык,
Был окрещён святым отцом
И, с шумным светом незнаком,
Уже хотел во цвете лет
Изречь монашеский обет,
Как вдруг однажды он исчез
Осенней ночью. Тёмный лес
Тянулся по горам кругом.
Три дня все поиски по нём
Напрасны были, но потом
Его в степи без чувств нашли
И вновь в обитель принесли.
Он страшно бледен был и худ
И слаб, как будто долгий труд,
Болезнь иль голод испытал.
Он на допрос не отвечал
И с каждым днём приметно вял.
И близок стал его конец;
Тогда пришёл к нему чернец
С увещеваньем и мольбой;
И, гордо выслушав, больной
Привстал, собрав остаток сил,
И долго так он говорил:

3

«Ты слушать исповедь мою
Сюда пришёл, благодарю.
Всё лучше перед кем-нибудь
Словами облегчить мне грудь;
Но людям я не делал зла,
И потому мои дела
Немного пользы вам узнать, —

А душу можно ль рассказать?
Я мало жил, и жил в плену.
Таких две жизни за одну,
Но только полную тревог,
Я променял бы, если б мог.
Я знал одной лишь думы власть,
Одну — но пламенную страсть:
Она, как червь, во мне жила,
Изгрызла душу и сожгла.
Она мечты мои звала
От келий душных и молитв
В тот чудный мир тревог и битв,
Где в тучах прячутся скалы,
Где люди вольны, как орлы.
Я эту страсть во тьме ночной
Вскормил слезами и тоской;
Её пред небом и землёй
Я ныне громко признаю
И о прощенье не молю.

4

Старик! я слышал много раз,
Что ты меня от смерти спас —
Зачем?.. Угрюм и одинок,
Грозой оторванный листок,
Я вырос в сумрачных стенах
Душой — дитя, судьбой — монах.
Я никому не мог сказать
Священных слов «отец» и «мать».
Конечно, ты хотел, старик,
Чтоб я в обители отвык
От этих сладостных имён, —
Напрасно: звук их был рождён
Со мной. Я видел у других
Отчизну, дом, друзей, родных,
А у себя не находил
Не только милых душ — могил!
Тогда, пустых не тратя слёз,
В душе я клятву произнёс:
Хотя на миг когда-нибудь
Мою пылающую грудь
Прижать с тоской к груди другой,
Хоть незнакомой, но родной.
Увы! теперь мечтанья те
Погибли в полной красоте,
И я, как жил, в земле чужой
Умру рабом и сиротой.

5

Меня могила не страшит:
Там, говорят, страданье спит
В холодной вечной тишине;
Но с жизнью жаль расстаться мне.
Я молод, молод... Знал ли ты
Разгульной юности мечты?
Или не знал, или забыл,
Как ненавидел и любил;
Как сердце билося живей
При виде солнца и полей
С высокой башни угловой,
Где воздух свеж и где порой
В глубокой скважине стены,
Дитя неведомой страны,
Прижавшись, голубь молодой
Сидит, испуганный грозой?
Пускай теперь прекрасный свет
Тебе постыл: ты слаб, ты сед,
И от желаний ты отвык.
Что за нужда? Ты жил, старик!
Тебе есть в мире что забыть,
Ты жил, — я также мог бы жить!

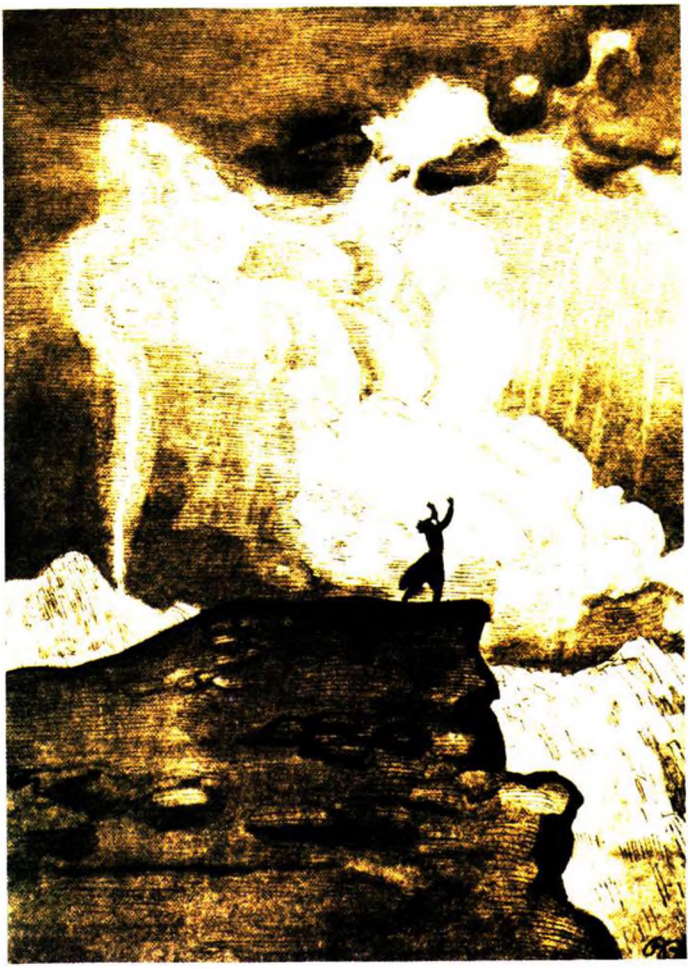
6

Ты хочешь знать, что видел я
На воле? — Пышные поля,
Холмы, покрытые венцом
Дерев, разросшихся кругом,
Шумящих свежею толпой,
Как братья в пляске круговой.
Я видел груды тёмных скал,
Когда поток их разделял,
И думы их я угадал:
Мне было свыше то дано!
Простёрты в воздухе давно
Объятья каменные их
И жаждут встречи каждый миг;
Но дни бегут, бегут года —
Им не сойтиться никогда!
Я видел горные хребты,
Причудливые, как мечты,
Когда в час утренней зари
Курилися, как алтари,
Их выси в небе голубом,
И облачко за облачком,
Покинув тайный свой ночлег,

К востоку направляло бег —
Как будто белый караван
Залётных птиц из дальних стран!
Вдали я видел сквозь туман,
В снегах, горящих, как алмаз,
Седой, незыблемый Кавказ;
И было сердцу моему
Легко, не знаю почему.
Мне тайный голос говорил,
Что некогда и я там жил,
И стало в памяти моей
Прошедшее ясней, ясней...

7

И вспомнил я отцовский дом
Ущелье наше, и кругом
В тени рассыпанный аул;
Мне слышался вечерний гул
Домой бегущих табунов
И дальний лай знакомых псов.
Я помнил смуглых стариков,
При свете лунных вечеров
Против отцовского крыльца
Сидевших с важностью лица;
И блеск оправленных ножон
Кинжалов длинных... и как сон
Всё это смутной чередой
Вдруг пробегало предо мной.
А мой отец? Он, как живой,
В своей одежде боевой
Являлся мне, и помнил я
Кольчуги звон, и блеск ружья,
И гордый непреклонный взор,
И молодых моих сестер...
Лучи их сладостных очей
И звук их песен и речей
Над колыбелию моей...
В ущелье там бежал поток.
Он шумен был, но неглубок;
К нему, на золотой песок,
Играть я в полдень уходил
И взором ласточек следил,
Когда они перед дождём
Волны касалися крылом.
И вспомнил я наш мирный дом
И пред вечерним очагом
Рассказы долгие о том,



В. Замирайло.
«Мцыри»

Опишите иллюстрацию к поэме «Мцыри». Какую строку из поэмы вы подписали бы под нею?

Как жили люди прежних дней,
Когда был мир ещё пышней.

8

Ты хочешь знать, что делал я
На воле? Жил — и жизнь моя
Без этих трёх блаженных дней
Была б печальней и мрачней
Бессильной старости твоей.
Давным-давно задумал я
Взглянуть на дальние поля,
Узнать, прекрасна ли земля,
Узнать, для воли иль тюрьмы
На этот свет родимся мы.
И в час ночной, ужасный час,

Когда гроза пугала вас,
Когда, столпясь при алтаре,
Вы ниц лежали на земле,
Я убежал. О, я, как брат,
Обняться с бурей был бы рад!
Глазами тучи я следил,
Рукою молнию ловил...
Скажи мне, что средь этих стен
Могли бы дать вы мне взамен
Той дружбы краткой, но живой,
Меж бурным сердцем и грозой?..

9

Бежал я долго — где, куда?
Не знаю! Ни одна звезда
Не озаряла трудный путь.
Мне было весело вдохнуть
В мою измученную грудь
Ночную свежесть тех лесов,
И только! Много я часов
Бежал и наконец, устав,
Прилёг между высоких трав;
Прислушался: погони нет.
Гроза утихла. Бледный свет
Тянулся длинной полосой
Меж тёмным небом и зёмлей
И различал я, как узор,
На ней зубцы далёких гор;
Недвижим, молча я лежал.
Порой в ущелии шакал
Кричал и плакал, как дитя,
И, гладкой чешуёй блестя,
Змея скользила меж камней;
Но страх не сжал души моей:
Я сам, как зверь, был чужд людей
И полз и прятался, как змей.

10

Внизу глубоко подо мной
Поток, усиленный грозой,
Шумел, и шум его глухой
Сердитых сотне голосов
Подобился. Хотя без слов,
Мне внятен был тот разговор,
Немолчный ропот, вечный спор
С упрямой грудою камней.
То вдруг стихал он, то сильней

Он раздавался в тишине;
И вот, в туманной вышине
Запели птички, и восток
Озолотился; ветерок
Сырые шевельнул листы;
Дохнули сонные цветы,
И, как они, навстречу дню,
Я поднял голову мою...
Я осмотрелся; не таю:
Мне стало страшно; на краю
Грозящей бездны я лежал,
Где выл, крутясь, сердитый вал;
Туда вели ступени скал;
Но лишь злой дух по ним шагал,
Когда, низверженный с небес,
В подземной пропасти исчез.

11

Кругом меня цвёл Божий сад;
Растений радужный наряд
Хранил следы небесных слёз,
И кудри виноградных лоз
Вились, красуясь меж дерёв
Прозрачной зеленью листов;
И грозды полные на них,
Серёг подобье дорогих,
Висели пышно, и порой
К ним птиц летал пугливый рой.
И снова я к земле припал
И снова вслушиваться стал
К волшебным, странным голосам;
Они шептались по кустам,
Как будто речь свою вели
О тайнах неба и земли;
И все природы голоса
Сливались тут; не раздался
В торжественный хваленья час
Лишь человека гордый глас.
Всё, что я чувствовал тогда,
Те думы — им уж нет следа;
Но я б желал их рассказать,
Чтоб жить, хоть мысленно, опять.
В то утро был небесный свод
Так чист, что ангела полёт
Прилежный взор следить бы мог;
Он так прозрачно был глубок.
Так полон ровной синевой!

Я в нём глазами и душой
Тонул, пока полдневный зной
Мои мечты не разогнал,
И жаждой я томиться стал.

12

Тогда к потоку с высоты,
Держась за гибкие кусты,
С плиты на плиту я, как мог,
Спускаться начал. Из-под ног
Сорвавшись, камень иногда
Катился вниз — за ним бразда
Дымилась, прах вился столбом,
Гудя и прыгая, потом
Он поглощаем был волной;
И я висел над глубиной,
Но юность вольная сильна,
И смерть казалась не страшна!
Лишь только я с крутых высот
Спустился, свежесть горных вод
Повеяла навстречу мне,
И жадно я припал к волне.
Вдруг — голос — лёгкий шум шагов.
Мгновенно скрывшись меж кустов,
Невольным трепетом объят,
Я поднял боязливый взгляд
И жадно вслушиваться стал:
И ближе, ближе всё звучал
Грузинки голос молодой,
Так безыскусственно живой,
Так сладко вольный, будто он
Лишь звуки дружеских имен
Произносить был приучён.
Простая песня то была,
Но в мысль она мне залегла,
И мне, лишь сумрак настаёт,
Незримый дух её поёт.

13

Держа кувшин над головой,
Грузинка узкою тропой
Сходила к берегу. Порой
Она скользила меж камней,
Смеясь неловкости своей.
И беден был её наряд;
И шла она легко, назад
Изгибы длинные чадры

Откинув. Летние жары
Покрыли тенью золотой
Лицо и грудь её; и зной
Дышал от уст её и щёк.
И мрак очей был так глубок,
Так полон тайнами любви,
Что думы пылкие мои
Смутились. Помню только я
Кувшина звон, — когда струя
Вливалась медленно в него,
И шорох... больше ничего.
Когда же я очнулся вновь
И отлила от сердца кровь,
Она была уж далеко,
И шла, хоть тише, — но легко,
Стройна под ношею своей,
Как тополь, царь её полей!
Недалеко, в прохладной мгле,
Казалось, приросли к скале
Две сакли дружною четой;
Над плоской кровлею одной
Дымок струился голубой.
Я вижу будто бы теперь,
Как отперлась тихонько дверь...
И затворилася опять!..
Тебе, я знаю, не понять
Мою тоску, мою печаль;
И если б мог, — мне было б жаль:
Воспоминанья тех минут
Во мне, со мной пускай умрут.

14

Трудами ночи изнурён,
Я лёг в тени. Отрадный сон
Сомкнул глаза невольно мне...
И снова видел я во сне
Грузинки образ молодой.
И странной, сладкою тоской
Опять моя заныла грудь.
Я долго силился вздохнуть —
И пробудился. Уж луна
Вверху сияла, и одна
Лишь тучка кралася за ней,
Как за добычею своей,
Объятья жадные раскрыв.
Мир тёмен был и молчалив;
Лишь серебристой бахромой

Вершины цепи снеговой
Вдали сверкали предо мной
Да в берега плескал поток.
В знакомой сакле огонёк
То трепетал, то снова гас:
На небесах в полночный час
Так гаснет яркая звезда!
Хотелось мне... но я туда
Взойти не смел. Я цель одну —
Пройти в родимую страну —
Имел в душе и превозмог
Страданье голода, как мог,
И вот дорогою прямой
Пустился, робкий и немой.
Но скоро в глубине лесной
Из виду горы потерял
И тут с пути сбиваться стал.

15

Напрасно в бешенстве порой
Я рвал отчаянной рукой
Терновник, спутанный плющом:
Всё лес был, вечный лес кругом,
Страшней и гуще каждый час;
И миллионом чёрных глаз
Смотрела ночи темнота
Сквозь ветви каждого куста...
Моя кружилась голова;
Я стал влезать на дерева;
Но даже на краю небес
Всё тот же был зубчатый лес.
Тогда на землю я упал,
И в исступлении рыдал,
И грыз сырую грудь земли,
И слёзы, слёзы потекли
В неё горючею росой...
Но, верь мне, помощи людской
Я не желал... Я был чужой
Для них навек, как зверь степной;
И если б хоть минутный крик
Мне изменил — клянусь, старик,
Я б вырвал слабый мой язык.

16

Ты помнишь детские года:
Слезы не знал я никогда;
Но тут я плакал без стыда.

Кто видеть мог? Лишь тёмный лес
Да месяц, плывший средь небес!
Озарена его лучом,
Покрыта мохом и песком,
Непроницаемой стеной
Окружена, передо мной
Была поляна. Вдруг по ней
Мелькнула тень, и двух огней
Промчались искры... и потом
Какой-то зверь одним прыжком
Из чащи выскочил и лёг,
Играя, навзничь на песок.
То был пустыни вечный гость —
Могучий барс. Сырую кость
Он грыз и весело визжал;
То взор кровавый устремлял,
Мотая ласково хвостом,
На полный месяц, — и на нём
Шерсть отливалась серебром.
Я ждал, схватив рогатый сук,
Минуту битвы; сердце вдруг
Зажглося жаждою борьбы
И крови... да, рука судьбы
Меня вела иным путём...
Но нынче я уверен в том,
Что быть бы мог в краю отцов
Не из последних удальцов.

17

Я ждал. И вот в тени ночной
Врага почуял он, и вой
Протяжный, жалобный, как стон,
Раздался вдруг... и начал он
Сердито лапой рыть песок,
Встал на дыбы, потом прилёг,
И первый бешеный скачок
Мне страшной смертию грозил...
Но я его предупредил.
Удар мой верен был и скор.
Надёжный сук мой, как топор,
Широкий лоб его рассек...
Он застонал, как человек,
И опрокинулся. Но вновь,
Хотя лила из раны кровь
Густой, широкою волной,
Бой закипел, смертельный бой!

В. Милашевский. «Бой с барсом»

Как удалось художнику в этой иллюстрации передать самый напряжённый эпизод из поэмы «Мцыри»?

18

Ко мне он кинулся на грудь;
Но в горло я успел воткнуть
И там два раза повернуть
Моё оружье... Он завыл,
Рванулся из последних сил,
И мы, сплетясь, как пара змей,
Обнявшись крепче двух друзей,
Упали разом, и во мгле
Бой продолжался на земле.
И я был страшен в этот миг;
Как барс пустынный, зол и дик,
Я пламенел, визжал, как он;
Как будто сам я был рождён

В семействе барсов и волков
Под свежим пологом лесов.
Казалось, что слова людей
Забыл я — и в груди моей
Родился тот ужасный крик,
Как будто с детства мой язык
К иному звуку не привык...
Но враг мой стал изнемогать,
Метаться, медленней дышать,
Сдавил меня в последний раз...
Зрачки его недвижных глаз
Блеснули грозно — и потом
Закрылись тихо вечным сном;
Но с торжествующим врагом
Он встретил смерть лицом к лицу,
Как в битве следует бойцу!..

19

Ты видишь на груди моей
Следы глубокие когтей;
Ещё они не заросли
И не закрылись; но земли
Сырой покров их освежит
И смерть навеки заживит.
О них тогда я позабыл,
И вновь, собрав остаток сил,
Побрёл я в глубине лесной...
Но тщетно спорил я с судьбой:
Она смеялась надо мной!

20

Я вышел из лесу. И вот
Проснулся день, и хоровод
Светил напутственных исчез
В его лучах. Туманный лес
Заговорил. Вдали аул
Куриться начал. Смутный гул
В долине с ветром пробежал...
Я сел и вслушиваться стал;
Но смолк он вместе с ветерком.
И кинул взоры я кругом:
Тот край, казалось, мне знаком.
И страшно было мне, понять
Не мог я долго, что опять
Вернулся я к тюрьме моей;
Что бесполезно столько дней
Я тайный замысел ласкал,

Терпел, томился и страдал,
И всё зачем?.. Чтоб в цвете лет,
Едва взглянув на Божий свет,
При звучном ропоте дубрав
Блаженство вольности познав,
Унесть в могилу за собой
Тоску по родине святой,
Надежд обманутых укор
И вашей жалости позор!..
Ещё в сомненье погружён,
Я думал: это страшный сон...
Вдруг дальний колокола звон
Раздался снова в тишине —
И тут всё ясно стало мне...
О! я узнал его тотчас!
Он с детских глаз уже не раз
Сгонял виденья снов живых
Про милых ближних и родных,
Про волю дикую степей,
Про лёгких, бешеных коней,
Про битвы чудные меж скал,
Где всех один я побеждал!..
И слушал я без слёз, без сил.
Казалось, звон тот выходил
Из сердца — будто кто-нибудь
Железом ударял мне в грудь.
И смутно понял я тогда,
Что мне на родину следа
Не проложить уж никогда.

21

Да, заслужил я жребий мой!
Могучий конь, в степи чужой,
Плохого сбросив седока,
На родину издалека
Найдёт прямой и краткий путь...
Что я пред ним? Напрасно грудь
Полна желаньем и тоской:
То жар бессильный и пустой,
Игра мечты, болезнь ума.
На мне печать свою тюрьма
Оставила... Таков цветок
Темничный: вырос одинок
И бледен он меж плит сырых,
И долго листьев молодых
Не распускал, всё ждал лучей
Живительных. И много дней

Прошло, и добрая рука
Печалью тронулась цветка,
И был он в сад перенесён,
В соседство роз. Со всех сторон
Дышала сладость бытия...
Но что ж? Едва взошла заря,
Палящий луч её обжёг
В тюрьме воспитанный цветок...

22

И как его, палил меня
Огонь безжалостного дня.
Напрасно прятал я в траву
Мою усталую главу:
Иссохший лист её венцом
Терновым над моим челом
Свивался, и в лицо огнём
Сама земля дышала мне.
Сверкая быстро в вышине,
Кружились искры; с белых скал
Струился пар. Мир Божий спал
В оцепенении глухом
Отчаянья тяжёлым сном.
Хотя бы крикнул коростель,
Иль стрекозы живая трель
Послышалась, или ручья
Ребячий лепет... Лишь змея,
Сухим бурьяном шелестя,
Сверкая жёлтою спиной,
Как будто надписью златой
Покрытый донизу клинок,
Браздя рассыпчатый песок,
Скользила бережно; потом,
Играя, нежася на нем,
Тройным свивалася кольцом;
То, будто вдруг обожжена,
Металась, прыгала она
И в дальних пряталась кустах...

23

И было всё на небесах
Светло и тихо. Сквозь пары
Вдали чернели две горы.
Наш монастырь из-за одной
Сверкал зубчатою стеной.
Внизу Арагва и Кура,
Обвив каймой из серебра

Подошвы свежих островов,
По корням шепчущих кустов
Бежали дружно и легко...
До них мне было далеко!
Хотел я встать — передо мной
Всё закружилось с быстротой;
Хотел кричать — язык сухой
Беззвучен и недвижим был...
Я умирал. Меня томил
Предсмертный бред. Казалось мне,
Что я лежу на влажном дне
Глубокой речки — и была
Кругом таинственная мгла.
И, жажду вечную поя,
Как лёд, холодная струя,
Журча, вливалася мне в грудь...
И я боялся лишь заснуть, —
Так было сладко, любо мне...
А надо мною в вышине
Волна теснилася к волне
И солнце сквозь хрусталь волны
Сияло сладостней луны...
И рыбок пёстрые стада
В лучах играли иногда.
И помню я одну из них:
Она приветливей других
Ко мне ласкалась. Чешуёй
Была покрыта золотой
Её спина. Она вилась
Над головой моей не раз,
И взор ее зелёных глаз
Был грустно нежен и глубок...
И надивиться я не мог:
Её серебристый голосок
Мне речи странные шептал,
И пел, и снова замолкал.
*
Он говорил: «Дитя моё,
Останься здесь со мной:
В воде привольное житьё
И холод и покой.
*
Я созову моих сестёр:
Мы пляской круговой
Развеселим туманный взор
И дух усталый твой.

*
Усни, постель твоя мягка.
Прозрачен твой покров
Пройдут года, пройдут века
Под говор чудных снов.
*
О милый мой! не утаю.
Что я тебя люблю,
Люблю, как вольную струю,
Люблю, как жизнь мою...»

И долго, долго слушал я;
И мнилось, звучная струя
Сливала тихий ропот свой
С словами рыбки золотой.
Тут я забылся. Божий свет
В глазах угас. Безумный бред
Бессилью тела уступил...

24

Так я найдён и поднят был...
Ты остальное знаешь сам.
Я кончил. Верь моим словам
Или не верь, мне всё равно.
Меня печалит лишь одно:
Мой труп холодный и немой
Не будет тлеть в земле родной,
И повесть горьких мук моих
Не призовёт меж стен глухих
Вниманье скорбное ничьё
На имя тёмное моё.

25

Прощай, отец... дай руку мне:
Ты чувствуешь, моя в огне...
Знай, этот пламень с юных дней,
Таясь, жил в груди моей;
Но ныне пищи нет ему,
И он прожёг свою тюрьму
И возвратится вновь к тому,
Кто всем законной чередой
Даёт страданье и покой...
Но что мне в том? — пускай в раю,
В святом, заоблачном краю
Мой дух найдёт себе приют...
Увы! — за несколько минут
Между крутых и тёмных скал,

Где я в ребячестве играл,
Я б рай и вечность променял...

26

Когда я стану умирать,
И, верь, тебе не долго ждать,
Ты перенесть меня вели
В наш сад, в то место, где цвели
Акаций белых два куста...
Трава меж ними так густа,
И свежий воздух так душист,
И так прозрачно-золотист
Играющий на солнце лист!
Там положить вели меня.
Сияньем голубого дня
Упьюся я в последний раз.
Оттуда виден и Кавказ!
Быть может, он с своих высот
Привет прощальный мне пришлёт,
Пришлёт с прохладным ветерком...
И близ меня перед концом
Родной опять раздастся звук!
И стану думать я, что друг
Иль брат, склонившись надо мной,
Отёр внимательной рукой
С лица кончины хладный пот
И что вполголоса поёт
Он мне про милую страну...
И с этой мыслью я засну,
И никого не прокляну!..»

ВОПРОСЫ И ЗАДАНИЯ

ПОДЕЛИМСЯ ПЕРВЫМИ ВПЕЧАТЛЕНИЯМИ

1. «...Что за огненная душа, что за могучий дух, что за исполинская натура у этого Мцыри!» — писал В. Г. Белинский о главном герое поэмы Лермонтова. А что вы увидели в образе Мцыри особенного, необыкновенного?

УГЛУБИМСЯ В ТЕКСТ ПОЭМЫ

2. Попробуйте ещё раз вникнуть в строки поэмы, чтобы глубже понять её смысл, её героя. Обратите внимание на то, как меняется тон повествования в третьей главе поэмы. С чем это связано?
3. «А душу можно ль рассказать?» — взволнованно спрашивает Мцыри в начале своей исповеди. Какие же, ни с кем не разделённые чувства и помыслы долгие годы таились в его душе? (Прочитайте выразительно третью и четвёртую главы поэмы. Отметьте роль эпитетов, сравнений, метафор в изображении внутреннего состояния героя.)

4. Какой увидел Мцыри природу на воле? Почему её описания занимают такое большое место (гл. 6)?
5. Исповедь Мцыри позволяет нам узнать и о том, какими были его воспоминания на свободе. Чем особенно трогает его рассказ (гл. 7)?
6. Мцыри убежал из монастыря во время грозы, когда все «ниц лежали на земле». Каким же мы видим Мцыри в этот «ночной, ужасный час»? Какое из определений Белинского, по-вашему, подходит здесь более всего: «огненная душа», «могучий дух», «исполинская натура»?
7. «Кругом меня цвёл Божий сад» — таким предстало перед Мцыри утро в горах после грозы. Что же он замечает вокруг себя, что слышит, какие испытывает чувства? Почему, вспоминая всё это, он хочет рассказать о пережитом (гл. 11)?

8. С какими испытаниями встречается Мцыри на пути к желанной родине? Почему, томимый жаждой, он притаился и ничем не выдал себя, встретив в горах прекрасную грузинку? Легко ли ему было так поступить (гл. 12, 13)?
9. Каких усилий стоило Мцыри не зайти в саклю? Что для него было сильнее голода и жажды (гл. 14)?
10. Каким мы видим Мцыри в минуты смертельной опасности — в схватке с барсом? Какое значение имеет этот эпизод для понимания главной мысли поэмы (то есть её идеи)?
11. Как воспринимает природу Мцыри, когда понял, что, заблудившись, он вернулся в те места, откуда бежал? Какие новые картины, образы, интонации появляются в его рассказе (гл. 22)?
12. Мцыри умирает, но сломлен ли его могучий дух? Каким настроением проникнута последняя глава поэмы? Какие мысли и чувства пробуждает она у вас, современных читателей?
13. Белинский говорил, что Мцыри — это любимый идеал[1] Лермонтова, что «это отражение в поэзии тени его собственной личности». Почему критик сравнивал Лермонтова с героем его поэмы?

Для самостоятельной работы

14. Подготовьте развёрнутый ответ на вопрос: в чём упрекает Мцыри старого монаха, о чём он спорит с ним?
15. Выучите наизусть одну из глав поэмы.

ДЛЯ ДИСКУССИИ

16. Мцыри раскрывает свою душу перед старым монахом незадолго до смерти. Но чем необычна в таком случае его исповедь?

Для будущих филологов

Прочитайте отрывок о «Мцыри» из статьи В. Г. Белинского «Стихотворения М. Лермонтова». Выделите в тексте поэмы «Мцыри» строки, подтверждающие суждения Белинского.

«...Можно сказать без преувеличения, что поэт брал цвета у радуги, лучи у солнца, блеск у молнии, гро-

[1] Идеал — здесь: герой, воплощающий мечты и стремления поэта.

хот у громов, гул у ветров, — что вся природа сама несла и подавала ему материалы, когда писал он эту поэму... Этот четырёхстопный ямб с одними мужскими окончаниями[1]... звучит и отрывисто падает, как удар меча, поражающего свою жертву. Упругость, энергия и звучное, однообразное падение его удивительно гармонируют с сосредоточенным чувством, несокрушимою силою могучей натуры и трагическим положением героя поэмы. А между тем какое разнообразие картин, образов и чувств!.. Многие положения изумляют своею верностию: таково место, где Мцыри описывает своё замирание подле монастыря, когда грудь его пылала предсмертным огнём, когда над усталою головою уже веяли успокоительные сны смерти и носились её фантастические видения. Картины природы обличают кисть великого мастера: они дышат грандиозностию и роскошным блеском фантастического Кавказа».

УЧИМСЯ БЫТЬ ЧИТАТЕЛЯМИ

О ПОЭМЕ

Поэма (от греч. *poieo* — делаю, творю) — **это крупное стихотворное произведение с эпическим или лирическим содержанием.**

Главным героем поэмы всегда выступает человек необычной судьбы. Так, в поэме Михаила Лермонтова «Мцыри» — это юноша, насильно разлучённый в детстве со своей родиной и близкими людьми. Страстное, пламенное, заполнившее всю его жизнь желание вернуться в родные края и попытка Мцыри осуществить свою заветную мечту — основа поэмы.

В отличие от повествовательной прозы, в поэме сюжет излагается более сжато, более лаконично[2]. Заметьте, как быстро в поэме сменяются яркие и напряжённые картины жизни, которую увидел и почувствовал Мцыри, убежавший из монастыря во время грозы. Вот он, изнемогший от долгого ночного бегства по лесу, «прилёг между высоких трав». Услышав «грузинки голос молодой», тайно наблюдая за юной красавицей, Мцыри потрясён («думы пылкие мои смутились»), но он ничем не выдал себя, не зашёл в увиденную саклю. Изливая свою душу перед старым монахом, Мцыри признавался, почему он отказывал себе в самом необходимом:

Хотелось мне... но я туда
Взойти не смел. Я цель одну —
Пройти в родимую страну —
Имел в душе и превозмог
Страданье голода, как мог... (Гл. 14.)

Сжатое, но яркое, динамичное[3] изображение героя и событий в поэме способствует созданию всё возрастающего напряжения действия.

Одним из определяющих отличительных признаков поэмы является сочетание в ней повествования и оценки героем действующих персонажей, событий, выражение собственного отношения к ним. Поэма Лермонтова «Мцыри» изобилует

[1] Речь идёт о мужской рифме, при которой ударение в рифмующихся словах падает на последний слог.
[2] Лаконизм — краткость и чёткость изложения.
[3] Динамичный — богатый движением, действием.

примерами того, насколько ярко в ней выражено отношение главного героя ко всему происходящему. Приведём некоторые из них:

Я мало жил, и жил в плену.
Таких две жизни за одну,
Но только полную тревог,
Я променял бы, если б мог. (Гл. 3.)

Вдали я видел сквозь туман,
В снегах, горящих, как алмаз,
Седой незыблемый Кавказ;
И было сердцу моему
Легко, не знаю почему.
Мне тайный голос говорил,
Что некогда и я там жил... (Гл. 6.)

Другие подобные примеры вы найдёте сами в тексте поэмы.

Закрепим новые знания

1. Что называется поэмой?
2. Назовите главные отличительные признаки поэмы, покажите, как они проявляются на примере поэмы Михаила Лермонтова «Мцыри».

Учимся работать самостоятельно над текстом художественного произведения

Участие в диалоге при обсуждении проблемного задания

Вы уже знаете, что обсуждение проблемного задания предполагает высказывание разных мнений, разных точек зрения, в результате чего и возникает на уроке диалог. Ваши одноклассники становятся на время вашими оппонентами[1]. Какими же правилами следует руководствоваться, чтобы быть компетентным, достойным оппонентом?

Прежде всего, нужно уметь внимательно слушать выступающего, чтобы затем правильно реагировать на его высказывание. Если вы в чём-то не согласны или ответ товарища показался вам недостаточно полным и глубоким, выскажите своё мнение, приведите при этом убедительные доводы, обязательно обратившись к тексту обсуждаемого художественного произведения.

Недопустимо во время диалога обрывать своего оппонента, не давая возможности высказаться ему до конца. Корректность[2] и уважение к мнению других непременно скажутся на ваших ответах, аргументированных и убедительных для всех участников диалога.

Обязательное соблюдение этих правил позволит вам овладеть культурой ведения диалога во время обсуждения проблемного задания, стать компетентными, достойными уважения одноклассников оппонентами.

[1] Оппонент — тот, кто оппонирует, то есть выступает с возражениями кому-нибудь в публичной беседе, дискуссии и т. п.

[2] Корректность, корректный — вежливый и тактичный.

Николай Васильевич Гоголь

[1809 – 1852]

Гоголь не пишет, а рисует; его изображения дышат живыми красками действительности. Видишь и слышишь их...

В. Белинский

В июне 1828 года Гоголь закончил Нежинскую гимназию. Впереди — свобода, Петербург, служба. Он полон честолюбивых[1] планов, хочет служить и делать карьеру. Он страстно любит театр и мечтает о славе. «Может быть, мне целый век достанется отжить в Петербурге, по крайней мере, такую цель начертал я уже издавна. Ещё с самых времён прошлых... я пламенел неугасимой ревностью сделать жизнь свою нужною для блага государства, я кипел желанием принести хотя малейшую пользу», — писал Гоголь из Нежина своему дяде И. П. Косяровскому.

И вот наконец Петербург — город, который представлялся ему величественным, необъятным, совершенно ни на что не похожим. «Петербург мне показался вовсе не таким, как я думал, —

[1] Честолюбивый — стремящийся к известности, почётному положению.

разочарованно писал Гоголь матери. — Я его воображал красивее и великолепнее. Жить здесь, т. е. иметь раз в день щи да кашу, несравненно дороже, нежели думали... Это всё заставляет меня жить, как в пустыне; я принуждён отказаться от лучшего своего удовольствия — видеть театр».

Только почти через год после приезда в Петербург Гоголю удалось определиться на службу в канцелярию одного из департаментов[1]. Теперь его день строго распределён. «В девять часов утра отправляюсь я каждый день в свою должность... В семь часов прихожу домой, иду к кому-нибудь из своих знакомых на вечер, которых у меня таки немало. Верите ли, что одних однокорытников моих из Нежина до двадцати пяти человек». Молодые люди собираются по очереди то у одного, то у другого. Кто-то поёт украинские народные песни, кто-то читает свои стихи, в уголке молодой художник набрасывает в альбоме портреты. Ничто не ускользает от внимания Гоголя, всё найдет свое место в его будущих повестях.

Вскоре Гоголь познакомился с издателем П. А. Плетнёвым, с поэтом В. А. Жуковским, а в феврале 1831 года — с А. С. Пушкиным. Никого на свете не было для него выше и дороже Пушкина, вся жизнь его осветилась, хотелось быть лучше, чище, сделать что-то большое.

«Всё, что есть у меня хорошего, всем этим я обязан ему», — говорил Гоголь о Пушкине. А Пушкин, встречавший, как праздник, всё молодое, талантливое, с первой минуты и навсегда полюбил Гоголя.

На лето Гоголь уехал в Павловск, в дачную местность недалеко от Петербурга, учителем в одном семействе. В нескольких верстах от Павловска, в Царском Селе, поселился в то лето и Пушкин, там же жил Жуковский. И Гоголь часто по вечерам ходил к ним. Это было светлое время в его жизни. В Петербурге печаталась первая часть «Вечеров на хуторе близ Диканьки», и Гоголь рассказывал Пушкину о том, как наборщики смеялись, читая рукопись. «Что-то скажут читатели?» — думал Гоголь, и на душе у него становилось беспокойно.

«Сейчас прочёл «Вечера близ Диканьки»... — записывал Пушкин. — Они изумили меня... Поздравляю публику с истинно весёлою книгою, а автору сердечно желаю дальнейших успехов...»

Как-то в самом конце 1833 года Гоголь зашёл к Пушкину. Как всегда, увидев Пушкина, Гоголь просиял. Пушкин вносил в его жизнь столько света, радости, так умел хорошо, вовремя похвалить, сказать нужные и важные слова, подбодрить! И теперь, посидев и поговорив, Гоголь вдруг вытащил из кармана свёрнутую тетрадку.

«Славная бекеша[2] у Ивана Ивановича! Отличнейшая! А какие смушки[3]! Фу-ты пропасть, какие смушки! Сизые с морозом!» — начал он читать свою «Повесть о том, как поссорился Иван Иванович с Иваном Никифоровичем». Что это — весёлый анекдот? Но Гоголь дочитывает последнюю страницу, и становится ясно, что это — грустная повесть о нелепой и смешной ссоре двух Иванов, о бесполезно прожитой ими жизни. Повесть кончается так:

[1] Департамент — в царской России и некоторых других странах отдел министерства, высшего государственного учреждения.

[2] Бекеша — мужское пальто (на меху или на вате) со сборками в талии и разрезом сзади.

[3] Смушки — здесь: воротник и манжеты из шкурок ягнят.

«Скучно на этом свете, господа!». Но разве нет и не было в Украине других людей — смелых, сильных? Разве народ, у которого так много чудесных сказаний о воле, о счастье, о любви, не боролся за другую жизнь — светлую, прекрасную? И разве он, Гоголь, не сумеет рассказать о таких людях?

И всё больше и больше погружается Гоголь в изучение истории украинского народа; настойчиво, терпеливо роется он в исторических сочинениях, читает летописи, продолжает собирать народные песни, предания. И, овеянная народной поэзией, встаёт перед ним живая, яркая история народа, а воображение рисует вольные и дикие степи, героические битвы. Борьба за национальную независимость — вот что привлекало Гоголя в истории Украины XV–XVII веков.

На украинских землях западнее Днепра хозяйничали в то трудное время польские паны. Они угнетали крестьян, беря с них непосильную дань, преследовали всё национальное, украинское. Многие крестьяне, не выдержав гнёта, бежали от кабалы на юг, в широкие степи, в низовья Днепра. На острове Хортица у днепровских порогов возник укреплённый лагерь беглых крестьян. Они стали называться запорожскими казаками, так как жили за порогами Днепра. Защищаясь от врагов, устраивали засеки, то есть преграды из наваленных деревьев. Считается, что отсюда происходит слово «сечь». Запорожское казачество боролось и с польской шляхтой, и с турками, которые часто нападали на эти земли. В упорной борьбе за родную землю формировались могучие характеры, крепкие натуры, так привлекавшие Гоголя своей удалью и героизмом.

В 1835 году появилась повесть Гоголя «Тарас Бульба» — поэтическое воспоминание о героическом прошлом украинского народа, о сильных и мужественных людях, о величии народном.

По Н. Марченко и Н. Шер

1. Что было главным в устремлениях юного Гоголя?
2. Кто из русских писателей оказал влияние на развитие писательского таланта Гоголя?
3. Как начало литературной деятельности Гоголя подтверждает высказанные им самим мысли о цели его творчества? (См. эпиграф к статье о Гоголе.)

ТАРАС БУЛЬБА

(*В сокращении*)

I

— А поворотись-ка, сын! Экий ты смешной какой! Что это на вас за поповские подрясники? И эдак все ходят в академии?

Такими словами встретил старый Бульба двух сыновей своих, учившихся в киевской бурсе[1] и приехавших уже на дом к отцу.

[1] Бу́рса — духовное училище.

Сыновья его только что слезли с коней. Это были два дюжие молодца, ещё смотревшие исподлобья, как недавно выпущенные семинаристы. Крепкие, здоровые лица их были покрыты первым пухом волос, которого ещё не касалась бритва. Они были очень смущены таким приёмом отца и стояли неподвижно, потупив глаза в землю.

— Стойте, стойте! Дайте мне разглядеть вас хорошенько, — продолжал он, поворачивая их, — какие же длинные на вас свитки! Экие свитки! Таких свиток ещё и на свете не было. А побеги который-нибудь из вас! я посмотрю, не шлёпнется ли он на землю, запутавшись в полы.

— Не смейся, не смейся, батьку! — сказал, наконец, старший из них.

— Смотри ты, какой пышный[1] ! А отчего ж бы не смеяться?

— Да так, хоть ты мне и батько, а как будешь смеяться, то, ей-богу, поколочу!

— Ах ты, сякой-такой сын! Как, батька?.. — сказал Тарас Бульба, отступивши с удивлением несколько шагов назад.

— Да хоть и батька. За обиду не посмотрю и не уважу никого.

— Как же хочешь ты со мною биться? разве на кулаки?

— Да уж на чём бы то ни было.

— Ну, давай на кулаки! — говорил Бульба, засучив рукава. — Посмотрю я, что за человек ты в кулаке!

И отец с сыном, вместо приветствия после давней отлучки, начали садить друг другу тумаки и в бока, и в поясницу, и в грудь, то отступая и оглядываясь, то вновь наступая.

— Смотрите, добрые люди: одурел старый! совсем спятил с ума! — говорила бледная, худощавая и добрая мать их, стоявшая у порога и не успевшая ещё обнять ненаглядных детей своих. — Дети приехали домой, больше года их не видели, а он задумал невесть что: на кулаки биться!

— Да он славно бьётся! — говорил Бульба, остановившись. — Ей-богу, хорошо! — продолжал он, немного оправляясь, — так, хоть бы даже и не пробовать. Добрый будет козак[2] ! Ну, здорово, сынку! почеломкаемся! — И отец с сыном стали целоваться. — Добре, сынку! Вот так колоти всякого, как меня тузил. Никому не спускай! А всё-таки на тебе смешное убранство: что это за верёвка висит? А ты, бейбас[3] , что стоишь и руки опустил? — говорил он, обращаясь к младшему, — что ж ты, собачий сын, не колотишь меня?

— Вот ещё что выдумал! — говорила мать, обнимавшая между тем младшего. — И придёт же в голову этакое, чтобы дитя родное било отца. Да будто и до того теперь: дитя молодое, проехало столько пути, утомилось... (это дитя было двадцати с лишком лет и ровно в сажень[4] ростом). Ему бы теперь нужно опочить и поесть чего-нибудь, а он заставляет его биться!

---

[1] Пышный — здесь: гордый, важный.

[2] Козак — русское «казак». Гоголь сохраняет украинское написание этого слова, как и некоторых других.

[3] Бейбас — балбес.

[4] Сажень (сажень) — старая мера длины — 2,134 м.

— Э, да ты мазунчик, как я вижу! — говорил Бульба. — Не слушай, сынку, матери: она баба, она ничего не знает. Какая вам нежба? Ваша нежба — чистое поле да добрый конь; вот ваша нежба! А видите вот эту саблю? Вот ваша матерь! Это всё дрянь, чем набивают головы ваши; и академия, и все те книжки, буквари и философия, и всё это казна-що, я плевать на всё это!.. А вот лучше я вас на той же неделе отправлю на Запорожье. Вот где наука, так наука! Там вам школа; там только наберётесь разуму.

— И всего только одну неделю быть им дома? — говорила жалостно, со слезами на глазах, худощавая старуха мать. — И погулять им, бедным, не удастся; не удастся и дому родного узнать, и мне не удастся наглядеться на них!

— Полно, полно выть, старуха! Козак не на то, чтобы возиться с бабами. Ты бы спрятала их обоих себе под юбки да и сидела бы на них, как на куриных яйцах. Ступай, ступай, да ставь нам скорее на стол всё, что есть. Не нужно пампушек, медовиков, маковников и других пундиков; тащи нам всего барана, козу давай, меды сорокалетние! Да горелки побольше, не с выдумками горелки, с изюмом и всякими вытребеньками, а чистой, пенной горелки, чтобы играла и шипела, как бешеная.

Бульба повёл сыновей своих в светлицу, откуда проворно выбежали две красивые девки-прислужницы в червонных монистах, прибиравшие комнаты... Светлица была убрана во вкусе того времени, о котором живые намёки остались только в песнях да в народных думах, уже не поющихся более на Украине бородатыми старцами-слепцами и в сопровождении тихого треньканья бандуры, в виду обступившего народа; во вкусе того бранного, трудного времени, когда начались разыгрываться схватки и битвы на Украине за унию[1]. Всё было чисто, вымазано цветной глиною. На стенах — сабли, нагайки, сетки для птиц, невода и ружья, хитро отделанный рог для пороху, золотая уздечка на коня и путы с серебряными бляхами. Окна в светлице были маленькие, с круглыми тусклыми стёклами, какие встречаются ныне только в старинных церквях, сквозь которые иначе нельзя было глядеть, как приподняв надвижное стекло. Вокруг окон и дверей были красные отводы[2]. На полках по углам стояли кувшины, бутыли и фляжки зелёного и синего стекла, резные серебряные кубки, позолоченные чарки всякой работы: венецейской[3], турецкой, черкесской, зашедшие в светлицу Бульбы всякими путями через третьи и четвёртые руки, что было весьма обыкновенно в те удалые времена. Берестовые скамьи вокруг всей комнаты; огромный стол под образами в парадном углу; широкая печь с запечьями, уступами и выступами, покрытая цветными, пёстрыми изразцами, — всё это было очень знакомо нашим двум молодцам, приходившим каждый год домой на каникулярное время, приходившим потому, что у них не было ещё коней, и потому,

[1] Уния — объединение православной церкви с католической под властью римского папы.
[2] Отводы — деревянные украшения.
[3] Венецейская — венецианская.

что не в обычае было позволять школярам ездить верхом. У них были только длинные чубы, за которые мог выдрать их всякий козак, носивший оружие. Бульба только при выпуске их послал им из табуна своего пару молодых жеребцов.

Бульба по случаю приезда сыновей велел созвать всех сотников и весь полковой чин, кто только был налицо; и когда пришли двое из них и есаул Дмитро Товкач, старый его товарищ, он им тот же час их представил, говоря:

— Вот, смотрите, какие молодцы! На Сечь их скоро пошлю.

Гости поздравили и Бульбу, и обоих юношей и сказали им, что доброе дело делают и что нет лучшей науки для молодого человека, как Запорожская Сечь.

— Ну ж, паны браты, садись всякий, где кому лучше, за стол. Ну, сынки! прежде всего выпьем горелки! — так говорил Бульба. — Боже, благослови! Будьте здоровы, сынки: и ты, Остап, и ты, Андрий! Дай же, Боже, чтоб вы на войне всегда были удачливы! Чтобы бусурманов били, и турков бы били, и татарву били бы; когда и ляхи начнут что против веры нашей чинить, то и ляхов бы били! Ну, подставляй свою чарку; что, хороша горелка? А как по-латыни горелка? То-то, сынку, дурни были латинцы: они и не знали, есть ли на свете горелка. Как, бишь, того звали, что латинские вирши писал? Я грамоте разумею не сильно, а потому и не знаю; Гораций[1], что ли?

«Вишь, какой батько! — подумал про себя старший сын, Остап, — всё, старый собака, знает, а ещё и прикидывается».

— Я думаю, архимандрит[2] не давал вам и понюхать горелки, — продолжал Тарас. — А признайтесь, сынки, крепко стегали вас берёзовыми и свежим вишняком по спине и по всему, что ни есть у козака? А может, так как вы сделались уже слишком разумные, так, может, и плетюганами пороли? Чай, не только по субботам, а доставалось и в середу, и в четверги?

— Нечего, батько, вспоминать, что было, — отвечал хладнокровно Остап, — что было, то прошло!

— Пусть теперь попробует! — сказал Андрий. — Пускай только теперь кто-нибудь зацепит. Вот пусть только подвернётся теперь какая-нибудь татарва, будет знать она, что за вещь козацкая сабля!

— Добре, сынку! ей-богу, добре! Да когда на то пошло, то и я с вами еду! ей-богу, еду! Какого дьявола мне здесь ждать! Чтоб я стал гречкосеем, домоводом, глядеть за овцами да за свиньями, да бабиться с женой? Да пропади она: я козак, не хочу! Так что же, что нет войны? Я так поеду с вами на Запорожье, погулять. Ей-богу, еду! — И старый Бульба мало-помалу горячился, горячился, наконец, рассердился совсем, встал из-за стола и, приосанившись, топнул ногою.

— Завтра же едем! Зачем откладывать! Какого врага мы можем здесь высидеть? На что нам эта хата? К чему нам всё это? На что эти

[1] Гора́ций — древнеримский поэт.

[2] Архима́ндрит — монашеский чин; здесь: настоятель, то есть начальник духовного училища.

горшки? — Сказавши это, он начал колотить и швырять горшки и фляжки.

Бедная старушка, привыкшая уже к таким поступкам своего мужа, печально глядела, сидя на лавке. Она не смела ничего говорить; но, услыша о таком страшном для неё решении, она не могла удержаться от слёз; взглянула на детей своих, с которыми угрожала ей такая скорая разлука, — и никто бы не мог описать всей безмолвной силы её горести, которая, казалось, трепетала в глазах её и в судорожно сжатых губах.

Тарас был один из числа коренных, старых полковников: весь был он создан для бранной тревоги и отличался грубой прямотой своего нрава. Тогда влияние Польши начинало уже сказываться на русском дворянстве. Многие перенимали уже польские обычаи, заводили роскошь, великолепные прислуги, соколов, ловчих, обеды, дворы. Тарасу было это не по сердцу. Он любил простую жизнь козаков и перессорился с теми из своих товарищей, которые были наклонны к варшавской стороне, называя их холопьями польских панов. Неугомонный вечно, он считал себя законным защитником православия. Самоуправно входил в сёла, где только жаловались на притеснения арендаторов и на прибавку новых пошлин с дыма[1]. Сам с своими козаками производил над ними расправу и положил себе правило, что в трёх случаях всегда следует взяться за саблю, именно: когда комиссары[2] не уважили в чём старшин и стояли перед ними в шапках; когда поглумились над православием и не почтили предковского закона и, наконец, когда враги были бусурманы и турки, против которых он считал во всяком случае позволительным поднять оружие во славу христианства.

Теперь он тешил себя заранее мыслью, как он явится с двумя сыновьями на Сечь и скажет: «Вот посмотрите, каких я молодцов привёл к вам!»; как представит их всем старым, закалённым в битвах товарищам; как поглядит на первые их подвиги в ратной науке и бражничестве, которое почитал тоже одним из главных достоинств рыцаря. Он сначала хотел было отправить их одних. Но при виде их свежести, рослости, могучей телесной красоты вспыхнул воинский дух его, и он на другой же день решился ехать с ними сам, хотя необходимостью этого была одна упрямая воля. Он уже хлопотал и отдавал приказы, выбирал коней и сбрую для молодых сыновей, наведывался и в конюшни и в амбары, отобрал слуг, которые должны были завтра с ними ехать. Есаулу Товкачу передал свою власть вместе с крепким наказом явиться сей же час со всем полком, если только он подаст из Сечи какую-нибудь весть. Хотя он был и навеселе и в голове его бродил хмель, однако ж не забыл ничего. Даже отдал приказ напоить коней и всыпать им в ясли крупной и первой пшеницы, и пришел усталый от своих забот.

— Ну, дети, теперь надобно спать, а завтра будем делать то, что Бог даст. Да не стели нам постель! Нам не нужна постель. Мы будем спать на дворе.

[1] С дыма — здесь: с каждой хаты.
[2] Комиссары — здесь: польские сборщики податей.

Е. Кибрик. Иллюстрация к повести

Чем нравится вам эта иллюстрация? Опишите её и дайте своё название.

Ночь ещё только что обняла небо, но Бульба всегда ложился рано. Он развалился на ковре, накрылся бараньим тулупом, потому что ночной воздух был довольно свеж и потому что Бульба любил укрыться потеплее, когда был дома. Он вскоре захрапел, и за ним последовал весь двор; всё, что ни лежало в разных его углах, захрапело и запело; прежде всего заснул сторож, потому что более всех напился для приезда панычей. Одна бедная мать не спала. Она приникла к изголовью дорогих сыновей своих, лежавших рядом; она расчёсывала гребнем их молодые, небрежно всклоченные кудри и смачивала их слезами; она глядела на них вся, глядела всеми чувствами, вся превратилась в одно зрение и не могла наглядеться. Она вскормила их собственной грудью, она взрастила, взлелеяла их — и только на один миг видит их перед собою. «Сыны мои, сыны мои милые! что будет с вами? что ждёт вас?» — говорила она, и слёзы остановились в морщинах, изменивших её когда-то прекрасное лицо. В самом деле, она была жалка, как всякая женщина того удалого века... Она видела мужа в год два, три дня, и потом несколько лет о нём не бывало слуха. Да и когда виделась с ним, когда они жили вместе, что за жизнь её была? Она терпела оскорбления, даже побои; она видела из милости только оказываемые ласки, она была какое-то странное существо в этом сборище безжён-

ных рыцарей, на которых разгульное Запорожье набрасывало суровый колорит свой... Вся любовь, все чувства, всё, что есть нежного и страстного в женщине, всё обратилось у ней в одно материнское чувство. Она с жаром, с страстью, с слезами, как степная чайка, вилась над детьми своими. Её сыновей, её милых сыновей берут от неё, берут для того, чтобы не увидеть их никогда! Кто знает, может быть, при первой битве татарин срубит им головы, и она не будет знать, где лежат брошенные тела их, которые расклюёт хищная подорожная птица и за каждый кусочек которых, за каждую каплю крови она отдала бы себя всю... Месяц с вышины неба давно уже озарял весь двор, наполненный спящими, густую кучу верб и высокий бурьян, в котором потонул частокол, окружавший двор. Она всё сидела в головах милых сыновей своих, ни на минуту не сводила с них глаз своих и не думала о сне. Уже кони, чуя рассвет, все полегли на траву и перестали есть; верхние листья верб начали лепетать, и мало-помалу лепечущая струя спустилась по ним до самого низу. Она просидела до самого света, вовсе не была утомлена и внутренно желала, чтобы ночь протянулась как можно дольше. Со степи понеслось звонкое ржание жеребёнка; красные полосы ясно сверкнули на небе.

Бульба вдруг проснулся и вскочил. Он очень хорошо помнил всё, что приказывал вчера.

— Ну, хлопцы, полно спать! Пора, пора! Напоите коней! А где стара? — (так он обыкновенно называл жену свою). — Живее, стара, готовь нам есть, потому что путь великий лежит!

Бедная старушка, лишённая последней надежды, уныло поплелась в хату. Между тем, как она со слезами готовила всё, что нужно к завтраку, Бульба раздавал свои приказания, возился на конюшне и сам выбирал для детей своих лучшие убранства.

Бурсаки вдруг преобразились: на них явились, вместо прежних запачканных сапогов, сафьянные[1] красные с серебряными подковами; шаровары, шириною в Чёрное море, с тысячью складок и со сборами, перетянулись золотым очкуром[2]; к очкуру прицеплены были длинные ремешки с кистями и прочими побрякушками для трубки. Казакин[3] алого цвета, сукна яркого, как огонь, опоясался узорчатым поясом; чеканные турецкие пистолеты были задвинуты за пояс; сабля брякала по ногам их. Их лица, ещё мало загоревшие, казалось, похорошели и побелели; молодые чёрные усы теперь как-то ярче оттеняли белизну их и здоровый, мощный цвет юности; они были хороши под чёрными бараньими шапками с золотым верхом. Бедная мать! Она как увидела их, и слова не могла промолвить и слёзы остановились в глазах её.

— Ну, сыны, всё готово! нечего мешкать! — произнёс, наконец, Бульба. — Теперь, по обычаю христианскому, нужно перед дорогою всем присесть.

Все сели, не выключая даже и хлопцев, стоявших почтительно у дверей.

[1] Сафья́н — кожа высокого качества.
[2] Очку́р — шнурок, которым затягивали шаровары.
[3] Казаки́н — мужское верхнее платье на крючках, со сборками сзади.

— Теперь благослови, мать, детей своих! — сказал Бульба. — Моли Бога, чтобы они воевали храбро, защищали бы всегда честь лыцарскую, чтобы стояли всегда за веру Христову, а не то — пусть лучше пропадут, чтобы и духу их не было на свете! Подойдите, дети, к матери: молитва материнская и на воде и на земле спасает.

Мать, слабая, как мать, обняла их, вынула две небольшие иконы, надела им, рыдая, на шею.

— Пусть хранит вас... Божья Матерь... Не забывайте, сынки, мать вашу... пришлите хоть весточку о себе... — Далее она не могла говорить.

— Ну, пойдём, дети! — сказал Бульба.

У крыльца стояли осёдланные кони. Бульба вскочил на своего Чёрта, который бешено отшатнулся, почувствовав на себе двадцатипудовое[1] бремя, потому что Бульба был чрезвычайно тяжёл и толст.

Когда увидела мать, что уже и сыны её сели на коней, она кинулась к меньшому, у которого в чертах лица выражалось более какой-то нежности; она схватила его за стремя; она прилипнула к седлу его и с отчаянием во всех чертах не выпускала его из рук своих. Два дюжих козака взяли её бережно и унесли в хату. Но когда выехали они за ворота, она со всею лёгкостью дикой козы, несообразной её летам, выбежала за ворота, с непостижимою силою остановила лошадь и обняла одного из сыновей с какою-то помешанною, бесчувственною горячностью; её опять увели.

Молодые козаки ехали смутно и удерживали слёзы, боясь отца своего, который, однако же, с своей стороны, тоже был несколько смущён, хотя и старался этого не показывать. День был серый; зелень сверкала ярко; птицы щебетали как-то вразлад. Они, проехавши, оглянулись назад; хутор их как будто ушёл в землю; только стояли на земле две трубы от их скромного домика да одни только вершины деревь, по сучьям которых они лазили, как белки; один только дальний луг ещё стлался перед ними, тот луг, по которому они могли припомнить всю историю жизни, от лет, когда катались по росистой траве его, до лет, когда поджидали на нём чернобровую козачку, боязливо летевшую через него с помощью своих свежих, быстрых ножек. Вот уже один только шест над колодцем с привязанным вверху колесом от телеги одиноко торчит на небе; уже равнина, которую они проехали, кажется издали горою и всё собою закрыла. Прощайте и детство, и игры, и всё, и всё!

II

Все три всадника ехали молчаливо. Старый Тарас думал о давнем: перед ним проходила его молодость, его лета, его протекшие лета, о которых всегда почти плачет козак, желавший бы, чтобы вся жизнь его была молодость. Он думал о том, кого он встретит на Сечи из своих прежних сотоварищей. Он вычислял, какие уже перемёрли, какие живут ещё. Слеза тихо круглилась на его зенице, и поседевшая голова его уныло понурилась.

[1] Пуд — старая мера веса, 16,3 кг.

Совпадает ли ваше представление об Остапе и Андрие с тем, как изобразил их художник?

Е. Кибрик. Иллюстрации к повести

Сыновья его были заняты другими мыслями. Но нужно сказать поболее о сыновьях его. Они были отданы по двенадцатому году в Киевскую академию, потому что все почётные сановники тогдашнего времени считали необходимостью дать воспитание своим детям, хотя это делалось с тем, чтобы после совершенно позабыть его. Они тогда были, как все поступившие в бурсу, дики, воспитаны на свободе, и там уже они обыкновенно несколько шлифовались и получали что-то общее, делавшее их похожими друг на друга. Старший, Остап, начал с того своё поприще, что в первый год ещё бежал. Его возвратили, высекли страшно и засадили за книгу. Четыре раза закапывал он свой букварь в землю, и четыре раза, отодравши его бесчеловечно, покупали ему новый. Но, без сомнения, он повторил бы и в пятый, если бы отец не дал ему торжественного обещания продержать его в монастырских служках целые двадцать лет и не поклялся наперёд, что он не увидит Запорожья вовеки, если не выучится в академии всем наукам. Любопытно, что это говорил тот же самый Тарас Бульба, который бранил всю учёность и советовал, как мы уже видели, детям вовсе не заниматься ею. С этого времени Остап начал с необыкновенным старанием сидеть за скучною книгою и скоро стал наряду с лучшими... Остап считался всегда одним из лучших товарищей. Он редко предводительствовал другими в дерзких предприятиях — обобрать чужой сад или огород, но зато он был всегда одним из первых, приходивших под знамёна предприимчивого бурсака, и никогда, ни в каком случае, не выдавал своих товарищей. Никакие плети и розги не могли заставить его это сделать. Он был суров к другим побуждениям, кроме войны и разгульной пирушки; по крайней мере, никогда почти о другом не думал. Он был прямодушен с равными. Он имел доброту в таком виде, в каком она могла только существовать при таком характере и в тогдашнее время. Он душевно был тронут слезами бедной матери, и это одно только его смущало и заставляло задумчиво опустить голову.

Меньшой брат его, Андрий, имел чувства несколько живее и как-то более развитые. Он учился охотнее и без напряжения... Он был более изобретателен, нежели его брат; чаще являлся предводителем довольно опасного предприятия и иногда, с помощью изобретательного ума

своего, умел увёртываться от наказания, тогда как брат его, Остап, отложивши всякое попечение, скидал с себя свитку и ложился на пол, вовсе не думая просить о помиловании. Он также кипел жаждою подвига, но вместе с нею душа его была доступна и другим чувствам... Вообще в последние годы он реже являлся предводителем какой-нибудь ватаги, но чаще бродил один где-нибудь в уединённом закоулке Киева, потопленном в вишнёвых садах, среди низеньких домиков, заманчиво глядевших на улицу. Иногда он забирался и в улицу аристократов, в нынешнем старом Киеве, где жили малороссийские и польские дворяне и домы были выстроены с некоторою прихотливостью. Один раз, когда он зазевался, наехала почти на него колымага какого-то польского пана, и сидевший на козлах возница с престрашными усами хлыстнул его довольно исправно бичом. Молодой бурсак вскипел: с безумною смелостию хватил он мощною рукою своею за заднее колесо и остановил колымагу. Но кучер, опасаясь разделки, ударил по лошадям, они рванули, — и Андрий, к счастию, успевший отхватить руку, шлёпнулся на землю, прямо лицом в грязь. Самый звонкий и гармонический смех раздался над ним. Он поднял глаза и увидел стоявшую у окна красавицу, какой ещё не видывал отроду: черноглазую и белую, как снег, озарённый утренним румянцем солнца. Она смеялась от всей души, и смех придавал сверкающую силу её ослепительной красоте. Он оторопел. Он глядел на неё, совсем потерявшись, рассеянно обтирая с лица своего грязь, которою ещё более замазывался. Кто бы была эта красавица? Он хотел было узнать от дворни, которая кучею, в богатом убранстве, стояла за воротами, окруживши игравшего молодого бандуриста. Но дворня подняла смех, увидевши его запачканную рожу, и не удостоила его ответом. Наконец он узнал, что это была дочь приехавшего на время ковенского воеводы. В следующую же ночь, с свойственною одним бурсакам дерзостию, он пролез через частокол в сад, взлез на дерево, раскинувшееся ветвями, упиравшимися в самую крышу дома; с дерева перелез на крышу и через трубу камина пробрался прямо в спальню красавицы, которая в это время сидела перед свечою и вынимала из ушей своих дорогие серьги. Прекрасная полячка так испугалась, увидевши вдруг перед собою незнакомого человека, что не могла произнесть ни одного слова; но, когда увидела, что бурсак стоял, потупив глаза и не смея от робости поворотить рукою, когда узнала в нём того же самого, который хлопнулся перед её глазами на улице, смех вновь овладел ею. Притом в чертах Андрия ничего не было страшного: он был очень хорош собою. Она от души смеялась и долго забавлялась над ним... Он представлял смешную фигуру, раскрывши рот и глядя неподвижно в её ослепительные очи. Раздавшийся у дверей стук пробудил в ней испуг. Она велела ему спрятаться под кровать, и как только беспокойство прошло, она кликнула свою горничную, пленную татарку, и дала ей приказание осторожно вывесть его в сад и оттуда отправить через забор...

Вот о чём думал Андрий, повесив голову и потупив глаза в гриву коня своего...

Солнце выглянуло давно на расчищенном небе и живительным, теплотворным светом своим облило степь. Всё, что смутно и сонно было на душе у козаков, вмиг слетело; сердца их встрепенулись, как птицы.

Степь, чем далее, тем становилась прекраснее. Тогда весь юг, всё то пространство, которое составляет нынешнюю Новороссию, до самого Чёрного моря, было зелёною, девственною пустынею. Никогда плуг не проходил по неизмеримым волнам диких растений. Одни только кони, скрывавшиеся в них, как в лесу, вытоптывали их. Ничто в природе не могло быть лучше их. Вся поверхность земли представлялась зелёно-золотым океаном, по которому брызнули миллионы разных цветов. Сквозь тонкие, высокие стебли травы сквозили голубые, синие и лиловые волошки; жёлтый дрок выскакивал вверх своею пирамидальною верхушкою; белая кашка зонтикообразными шапками пестрела на поверхности; занесённый Бог знает откуда колос пшеницы наливался в гуще. Под тонкими их корнями шныряли куропатки, вытянув свои шеи. Воздух был наполнен тысячью разных птичьих свистов. В небе неподвижно стояли ястребы, распластав свои крылья и неподвижно устремив глаза свои в траву. Крик двигавшейся в стороне тучи диких гусей отдавался Бог знает в каком дальнем озере. Из травы подымалась мерными взмахами чайка и роскошно купалась в синих волнах воздуха. Вон она пропала в вышине и только мелькает одною чёрною точкою. Вон она перевернулась крылами и блеснула перед солнцем.

Чёрт вас возьми, степи, как вы хороши! Наши путешественники несколько минут только останавливались для обеда, причём ехавший с ними отряд из десяти козаков слезал с лошадей, отвязывал деревянные баклажки с горелкою и тыквы, употребляемые вместо сосудов. Ели только хлеб с салом или коржи, пили только по одной чарке, единственно для подкрепления, потому что Тарас Бульба не позволял никогда напиваться в дороге, и продолжали путь до вечера.

Вечером вся степь совершенно переменялась. Всё пестрое пространство её охватывалось последним ярким отблеском солнца и постепенно темнело, так что видно было, как тень перебегала по нём, и она становилась тёмно-зеленою; испарения подымались гуще, каждый цветок, каждая травка испускала амбру, и вся степь курилась благовонием. По небу, изголуба-тёмному, как будто исполинскою кистью наляпаны были широкие полосы из розового золота; изредка белели клоками лёгкие и прозрачные облака, и самый свежий, обольстительный, как морские волны, ветерок едва колыхался по верхушкам травы и чуть дотрогивался до щёк. Вся музыка, наполнявшая день, утихала и сменялась другою. Пёстрые овражки[1] выползывали из нор своих, становились на задние лапки и оглашали степь свистом. Трещание кузнечиков становилось слышнее. Иногда слышался из какого-нибудь уединённого озера крик лебедя и, как серебро, отдавался в воздухе.

Путешественники, остановившись среди полей, избирали ночлег, раскладывали огонь и

[1] Овражки — здесь: суслики.

ставили на него котёл, в котором варили себе кулиш; пар отделялся и косвенно дымился на воздухе...

Через три дни после этого они были уже недалеко от места, служившего предметом их поездки.

В воздухе вдруг захолодело; они почувствовали близость Днепра. Вот он сверкает вдали и тёмною полосою отделился от горизонта. Он веял холодными волнами и расстилался ближе, ближе и, наконец, обхватил половину всей поверхности земли. Это было то место Днепра, где он, дотоле спёртый порогами, брал, наконец, своё и шумел, как море, разлившись по воле; где брошенные в середину его острова вытесняли его ещё далее из берегов и волны его стлались по самой земле, не встречая ни утёсов, ни возвышений.

Козаки сошли с коней своих, взошли на паром и чрез три часа плавания были уже у берегов острова Хортицы, где была тогда Сечь, так часто переменявшая своё жилище. Куча народа бранилась на берегу с перевозчиками. Козаки оправили коней. Тарас приосанился, стянул на себе покрепче пояс и гордо провел рукою по усам. Молодые сыны его тоже осмотрели себя с ног до головы, с каким-то страхом и неопределённым удовольствием, и все вместе въехали в предместье, находившееся за полверсты от Сечи. При въезде их оглушили пятьдесят кузнецких молотов, ударявших в двадцати пяти кузницах, покрытых дёрном и вырытых в земле. Сильные кожевники сидели под навесом крылец на улице и мяли своими дюжими руками бычачьи кожи. Крамари под ятками[1] сидели с кучами кремней, огнивами и порохом. Армянин развесил дорогие платки. Татарин ворочал на рожнах бараньи катки с тестом[2].

...Первый, кто попался им навстречу, это был запорожец, спавший на самой середине дороги, раскинув руки и ноги. Тарас Бульба не мог не остановиться и не полюбоваться на него.

— Эх, как важно развернулся! Фу ты какая пышная фигура! — говорил он, остановивши коня.

В самом деле, это была картина довольно смелая: запорожец, как лев, растянулся на дороге. Закинутый гордо чуб его захватывал на поларшина земли. Шаровары алого дорогого сукна были запачканы дёгтем для показания полного к ним презрения. Полюбовавшись, Бульба пробирался далее сквозь тесную улицу, которая была загромождена мастеровыми, тут же отправлявшими ремесло своё, и людьми всех наций, наполнявшими это предместие Сечи, которое было похоже на ярмарку и которое одевало и кормило Сечь, умевшую только гулять да палить из ружей.

Наконец они минули предместие и увидели несколько разбросанных куреней, покрытых дёрном, или, по-татарски, войлоком. Иные установлены были пушками. Нигде не видно было забора или тех низеньких домиков с навесами на низеньких деревянных столбиках, какие были в предместье. Небольшой вал и засека, не

[1] Крамари под ятками — торговцы под навесами.

[2] Ворочал на рожнах бараньи катки с тестом — жарил на вертеле куски баранины в тесте.

хранимые решительно никем, показывали страшную беспечность. Несколько дюжих запорожцев, лежавших с трубками в зубах на самой дороге, посмотрели на них довольно равнодушно и не сдвинулись с места. Тарас осторожно проехал с сыновьями между них, сказавши: «Здравствуйте, панове!» — «Здравствуйте и вы!» — отвечали запорожцы. Везде, по всему полю, живописными кучами пестрел народ. По смуглым лицам видно было, что все они были закалены в битвах, испробовали всяких невзгод. Так вот она, Сечь! Вот то гнездо, откуда вылетают все те гордые и крепкие, как львы! Вот откуда разливается воля и козачество на всю Украину!

Путники выехали на обширную площадь, где обыкновенно собиралась рада. На большой опрокинутой бочке сидел запорожец без рубашки; он держал в руках её и медленно зашивал на ней дыры. Им опять перегородила дорогу целая толпа музыкантов, в середине которых отплясывал молодой запорожец, заломивши чёртом свою шапку и вскинувши руками. Он кричал только: «Живее играйте, музыканты! Не жалей, Фома, горелки православным христианам!»

— Эх, если бы не конь! — вскрикнул Тарас, — пустился бы, право, пустился бы сам в танец!

А между тем меж народом стали попадаться и степенные, уваженные по заслугам всею Сечью, седые, старые чубы, бывавшие не раз старшинами. Тарас скоро встретил множество знакомых лиц...

III

Уже около недели Тарас Бульба жил с сыновьями своими на Сечи. Остап и Андрий мало занимались военною школою. Сечь не любила затруднять себя военными упражнениями и терять время; юношество воспитывалось и образовывалось в ней одним опытом, в самом пылу битв, которые оттого были почти непрерывны. Промежутки козаки почитали скучным занимать изучением какой-нибудь дисциплины, кроме разве стрельбы в цель да изредка конной скачки и гоньбы за зверем в степях и лугах; всё прочее время отдавалось гульбе — признаку широкого размёта душевной воли. Вся Сечь представляла необыкновенное явление. Это было какое-то беспрерывное пиршество, бал, начавшийся шумно и потерявший конец свой. Некоторые занимались ремёслами, иные держали лавочки и торговали; но большая часть гуляла с утра до вечера, если в карманах звучала возможность и добытое добро не перешло ещё в руки торгашей и шинкарей...

Остапу и Андрию показалось чрезвычайно странным, что при них же приходила на Сечь гибель народа, и хоть бы кто-нибудь спросил их, откуда они, кто они и как их зовут. Они приходили сюда, как будто бы возвращались в свой собственный дом, из которого только за час пред тем вышли. Пришедший являлся только к кошевому, который обыкновенно говорил: «Здравствуй! Что, во Христа веруешь?» — «Верую!» — отвечал приходивший... «И в церковь ходишь?» — «Хожу!» — «А ну, перекрестись!» Пришедший крестился. «Ну, хорошо, — отвечал кошевой, — ступай же, в который сам знаешь, курень». Этим

оканчивалась вся церемония... Сечь состояла из шестидесяти с лишком куреней, которые очень походили на отдельные, независимые республики, а ещё более на школу и бурсу детей, живущих на всём готовом. Никто ничем не заводился и не держал у себя. Всё было на руках у куренного атамана, который за это обыкновенно носил название батька. У него были на руках деньги, платья, весь харч, саламата[1], каша и даже топливо; ему отдавали все деньги под сохран... Остап и Андрий кинулись со всею пылкостью юношей в это разгульное море и забыли вмиг и отцовский дом, и бурсу, и всё, что волновало прежде душу, и предались новой жизни. Всё занимало их: разгульные обычаи Сечи и немногосложная управа и законы, которые казались им иногда даже слишком строгими среди такой своевольной республики. Если козак проворовался, украл какую-нибудь безделицу, это считалось уже поношением всему козачеству: его, как бесчестного, привязывали к позорному столбу и клали возле него дубину, которою всякий проходящий обязан был нанести ему удар, пока таким образом не забивали его насмерть. Не платившего должника приковывали цепью к пушке, где должен был он сидеть до тех пор, пока кто-нибудь из товарищей не решался его выкупить и заплатить за него долг. Но более всего произвела впечатление на Андрия страшная казнь, определённая за смертоубийство. Тут же, при нём, вырыли яму, опустили туда живого убийцу и сверх него поставили гроб, заключавший тело им убиенного, и потом обоих засыпали землёю. Долго потом всё чудился ему страшный обряд казни и всё представлялся этот заживо засыпанный человек вместе с ужасным гробом.

Скоро оба молодые козака стали на хорошем счету у козаков... Они стали уже заметными между другими молодыми прямою удалью и удачливостью во всём. Бойко и прямо стреляли в цель, переплывали Днепр против течения — дело, за которое новичок принимался торжественно в козацкие круги. Но старый Тарас готовил другую им деятельность. Ему не по душе была такая праздная жизнь — настоящего дела хотел он. Он всё придумывал, как бы поднять Сечь на отважное предприятие, где бы можно было разгуляться, как следует, рыцарю...

IV

Вскоре в Запорожскую Сечь пришла горестная весть: поляки жестоко расправились с гетманом, начальником казацкого войска и полковниками. Теперь уже все хотели в поход, и старые и молодые. По совету старейшин, куренных, кошевого и по воле всего запорожского войска решено было идти прямо на Польшу, отомстить за всё зло, за посрамление веры и казацкой славы.

V

Скоро весь польский юго-запад сделался добычею страха. Всюду пронеслись слухи: «Запорожцы!.. показались запорожцы!..» Всё, что

[1] Саламáта — мучная похлёбка.

могло спасаться, спасалось. Всё подымалось и разбегалось в сей нестройный, изумительно беспечный век, когда не воздвигалось ни крепостей, ни замков, а просто, как попало, становил на время соломенное жилище своё человек, думая: «Не тратить же на него работу и деньги, когда оно и без того будет снесено дотла татарским набегом!» Всё всполохнулось: кто менял волов и плуг на коня и ружьё и отправлялся в полки; кто прятался, угоняя скот и унося, что только было можно унесть. Попадались иногда по дороге такие, которые встречали (хотя бесплодно) вооружённою рукою гостей, но больше было таких, которые бежали заранее. Все знали, что трудно иметь дело с сей закалённой вечной бранью[1] толпой, известной под именем запорожского войска...

А старому Тарасу любо было видеть, как оба сына его были одни из первых. Остапу, казалось, был на роду написан битвенный путь и трудное знанье вершить ратные дела. Ни разу не растерявшись и не смутившись ни от какого случая, с хладнокровием, почти неестественным для двадцатидвухлетнего, он в один миг мог вымерить всю опасность и всё положение дела, тут же мог найти средства, как уклониться от неё, но уклониться с тем, чтобы потом верней преодолеть её. Уже испытанной уверенностью стали теперь означаться его движения, и в них не могли не быть заметны наклонности будущего вождя. Крепкое слышалось в его теле, и рыцарские его качества уже приобрели широкую силу качеств льва.

— О! да этот будет со временем добрый полковник! — говорил старый Тарас, — ей-ей, будет добрый полковник, да ещё такой, что и батька за пояс заткнет!

Андрий весь погрузился в очаровательную музыку пуль и мечей. Он не знал, что такое значит обдумывать, или рассчитывать, или измерять заранее свои и чужие силы. Бешеную негу[2] и упоение он видел в битве. Пиршественное зрелось ему в те минуты, когда разгорится у человека голова, в глазах всё мелькает и мешается, летят головы, с громом падают на землю кони, а он несётся, как пьяный, в свисте пуль, в сабельном блеске и в собственном жару, нанося всем удары и не слыша нанесённых. И не раз дивился старый Тарас, видя, как Андрий, понуждаемый одним только запальчивым увлечением, устремлялся на то, на что бы никогда не отважился хладнокровный и разумный, и одним бешеным натиском своим производил такие чудеса, которым не могли не изумиться старые в боях. Дивился старый Тарас и говорил:

— И это добрый — враг бы не взял его! — вояка! Не Остап, а добрый, добрый также вояка!

Войско решилось идти прямо на город Дубно, где, носились слухи, было много казны и богатых обывателей. В полтора дня поход был сделан, и запорожцы показались перед городом. Жители решились защищаться до последних сил и крайности и лучше хотели умереть на площадях и улицах перед своими порогами, чем пустить неприятеля в домы. Высокий

[1] Брань (*устар.*) — война, битва.
[2] Не́га (*устар.*) — блаженство.

земляной вал окружал город; где вал был ниже, там высовывалась каменная стена, или дом, служивший батареей, или, наконец, дубовый частокол. Гарнизон был силён и чувствовал важность своего дела. Запорожцы жарко было полезли на вал, но были встречены сильною картечью. Мещане и городские обыватели, как видно, тоже не хотели быть праздными и стояли кучею на городском валу. В глазах их можно было читать отчаянное сопротивление; даже женщины решились участвовать, и на головы запорожцам полетели камни, бочки, горшки, горячий вар и, наконец, мешки песку, слепившего очи. Запорожцы не любили иметь дело с крепостями; вести осады была не их часть. Кошевой повелел отступить и сказал:

— Ничего, паны браты, мы отступим. Но будь я поганый татарин, а не христианин, если мы выпустим их хоть одного из города! Пусть их все передохнут, собаки, с голоду!

Войско, отступив, облегло весь город... Запорожцы, протянув вокруг всего города в два ряда свои телеги, расположились так же, как и на Сечи, куренями, курили свои люльки, менялись добытым оружием, играли в чехарду, в чёт и нечет и посматривали с убийственным хладнокровием на город... Молодым, и особенно сынам Тараса Бульбы, не нравилась такая жизнь. Андрий заметно скучал. «Неразумная голова, — говорил ему Тарас. — Терпи, козак, атаманом будешь! Не тот ещё добрый воин, кто не потерял духа в важном деле, а тот добрый воин, кто и на безделье не соскучит, кто всё вытерпит, и хоть ты ему что хочь, а он всё-таки поставит на своем». Но не сойтись пылкому юноше с старцем. Другая натура у обоих, и другими очами глядят они на то же дело...

Остап уже занялся своим делом и давно отошёл к куреням. Андрий же, сам не зная отчего, чувствовал какую-то духоту на сердце. Уже козаки окончили свою вечерю; вечер давно потухнул; июльская чудная ночь обняла воздух; но он не отходил к куреням, не ложился спать и глядел невольно на всю бывшую перед ним картину. На небе бесчисленно мелькали тонким и острым блеском звёзды. Поле далеко было занято раскиданными по нём возами с висячими мазницами[1], облитыми дёгтем, и всяким добром и провиантом, набранным у врага. Возле телег, под телегами и подале от телег — везде были видны разметавшиеся на траве запорожцы. Все они спали...

Андрий обошёл козацкие ряды. Костры, у которых сидели сторожа, готовились ежеминутно погаснуть, и самые сторожа спали, как видно, перекусивши сильно чего-нибудь во весь козацкий аппетит. Он подивился немного такой беспечности, подумавши: «Хорошо, что нет близко никакого сильного неприятеля и некого опасаться». Наконец, и сам подошёл он к одному из возов, влез на него и лёг на спину, подложивши себе под голову сложенные назад руки; но не мог заснуть и долго глядел на небо. В это время, показалось ему, мелькнул пред ним какой-то странный образ человеческого лица. Думая, что было то простое обаяние сна и сей же час рассеется, он раскрыл

[1] Мазницы — вёдра для дёгтя.

сильнее глаза свои и увидел, что к нему, точно, наклонилось какое-то измождённое, высохшее лицо и смотрело прямо ему в очи. Длинные и черные, как уголь, волосы, неприбранные, растрёпанные, лезли из-под тёмного, наброшенного на голову покрывала. И странный блеск взгляда, и мертвенная смуглота лица, выступавшего резкими чертами, заставили бы скорее подумать, что это был призрак. Он схватился невольно рукой за пищаль[1] и произнёс почти судорожно:

— Кто ты? Коли дух нечистый, сгинь с глаз; коли живой человек, не в пору завёл шутку, — убью с одного прицела.

В ответ на это привидение приставило палец к губам и, казалось, молило о молчании. Он опустил руку и стал вглядываться в него внимательней. По длинным волосам, шее и полуобнажённой смуглой груди распознал он женщину. Но она была не здешняя уроженка. Всё лицо было смугло, изнурено недугом; широкие скулы выступали сильно над опавшими под ними щеками; узкие очи подымались дугообразным разрезом кверху, и чем более он всматривался в черты её, тем более находил в них что-то знакомое. Наконец, он не вытерпел, чтобы не спросить:

— Скажи, кто ты? Мне кажется, как будто я знал тебя или видел где-нибудь?

— Два года назад тому в Киеве.

— Два года назад... в Киеве...— повторил Андрий, стараясь перебрать всё, что уцелело в его памяти от прежней бурсацкой жизни. Он посмотрел ещё раз на неё пристально и вдруг вскрикнул во весь голос:

— Ты — татарка! служанка панночки, воеводиной дочки!..

— Чшш! — произнесла татарка, сложив с умоляющим видом руки, дрожа всем телом и оборотя в то же время голову назад, чтобы видеть, не проснулся ли кто-нибудь от такого сильного вскрика, произведённого Андрием.

— Скажи, скажи, отчего, как ты здесь? — говорил Андрий шёпотом, почти задыхающимся и прерывающимся всякую минуту от внутреннего волнения. — Где панночка? жива еще?

— Она тут, в городе.

— В городе? — произнёс он, едва опять не вскрикнувши, и почувствовал, что вся кровь вдруг прихлынула к сердцу. — Отчего ж она в городе?

— Оттого, что сам старый пан в городе. Он уже полтора года, как сидит воеводой в Дубне.

— Что ж, она замужем? Да говори же, какая ты странная! что она теперь?..

— Она другой день ничего не ела.

— Как?..

— Ни у кого из городских жителей нет уже давно куска хлеба, все давно едят одну землю.

Андрий остолбенел.

— Панночка видала тебя с городского валу вместе с запорожцами. Она сказала мне:

[1] Пищаль — старинное тяжёлое ружье, заряжаемое со ствола.

«Ступай, скажи рыцарю: если он помнит меня, чтобы пришёл ко мне; а не помнит, чтобы дал тебе кусок хлеба для старухи, моей матери, потому что я не хочу видеть, как при мне умрёт мать. Пусть лучше я прежде, а она после меня. Проси и хватай его за колени и ноги. У него также есть старая мать, чтоб ради её дал хлеба!»

Много всяких чувств пробудилось и вспыхнуло в молодой груди козака.

— Но как же ты здесь? Как ты пришла?

— Подземным ходом.

— Разве есть подземный ход?

— Есть.

— Где?

— Ты не выдашь, рыцарь?

— Клянусь крестом святым!

— Спустясь в яр и перейдя проток, там, где тростник.

— И выходит в самый город?

— Прямо к городскому монастырю.

— Идём, идём сейчас!

— Но, ради Христа и святой Марии, кусок хлеба!

— Хорошо, будет. Стой здесь возле воза или, лучше, ложись на него: тебя никто не увидит, все спят; я сейчас ворочусь.

И он отошёл к возам, где хранились запасы, принадлежавшие их куреню. Сердце его билось...

Что делать? Был однако же где-то, кажется, на возу отцовского полка, мешок с белым хлебом, который нашли, ограбивши монастырскую пекарню. Он прямо подошёл к отцовскому возу, но на возу уже его не было: Остап взял его себе под головы и, растянувшись возле на земле, храпел на всё поле. Андрий схватил мешок одной рукой и дёрнул его вдруг так, что голова Остапа упала на землю, а он сам вскочил впросонках и, сидя с закрытыми глазами, закричал, что было мочи: «Держите, держите чёртова ляха, да ловите коня, коня ловите!» — «Замолчи, я тебя убью!» — закричал в испуге Андрий, замахнувшись на него мешком. Но Остап и без того уже не продолжал речи, присмирел и пустил такой храп, что от дыхания шевелилась трава, на которой он лежал. Андрий робко оглянулся на все стороны, чтобы узнать, не пробудил ли кого-нибудь из козаков сонный бред Остапа. Одна чубатая голова, точно, приподнялась в ближайшем курене и, поведя очами, скоро опустилась опять на землю. Переждав минуты две, он, наконец, отправился со своею ношею. Татарка лежала, едва дыша. «Вставай, идём! Все спят, не бойся! Подымешь ли ты хоть один из этих хлебов, если мне будет несподручно захватить все?» Сказав это, он взвалил себе на спину мешки, стащил, проходя мимо одного воза, ещё один мешок с просом, взял даже в руки те хлебы, которые хотел было отдать нести татарке, и, несколько понагнувшись под тяжестью, шёл отважно между рядами спавших запорожцев.

«Андрий!» — сказал старый Бульба в то время, когда он проходил мимо его.

Сердце его замерло...

Андрий стоял ни жив ни мертв, не имея духа взглянуть в лицо отцу. И потом, когда поднял глаза и посмотрел на него, увидел, что уже старый Бульба спал, положив голову на ладонь. Он перекрестился. Вдруг отхлынул от сердца испуг ещё скорее, чем прихлынул. Когда же поворотился он, чтобы взглянуть на татарку, она стояла перед ним, подобно тёмной гранитной статуе, вся закутанная в покрывало, и отблеск отдалённого зарева, вспыхнув, озарил только одни её очи, одеревеневшие, как у мертвеца. Он дёрнул за рукав её, и оба пошли вместе, беспрестанно оглядываясь назад, и наконец опустились отлогостью в низменную лощину, по дну которой лениво пресмыкался проток, поросший осокой и усеянный кочками. Опустясь в сию лощину, они скрылись совершенно из виду всего поля, занятого запорожским табором...

Пробираясь меж тростников, остановились они перед наваленным хворостом и фашинником[1]. Отклонив хворост, нашли они род земляного свода — отверстие, мало чем большее отверстия, бывающего в хлебной печи. Татарка, наклонив голову, вошла первая; вслед за нею Андрий, нагнувшись сколько можно ниже, чтобы можно было пробраться с своими мешками, и скоро очутились оба в совершенной темноте.

VI

Андрий едва двигался в тёмном и узком земляном коридоре, следуя за татаркой и таща на себе мешки хлеба... Они перешли через церковь, не замеченные никем, и вышли потом на площадь, бывшую перед нею. Заря уже давно румянилась на небе: всё возвещало восхождение солнца... Они поворотили в улицы и были остановлены вдруг каким-то беснующимся, который, увидев у Андрия драгоценную ношу, кинулся на него, как тигр, вцепился в него, крича: «Хлеба!» Но сил не было у него, равных бешенству; Андрий оттолкнул его: он полетел на землю. Движимый состраданием, он швырнул ему один хлеб, на который тот бросился, подобно бешеной собаке, изгрыз, искусал его и тут же, на улице, в страшных судорогах испустил дух от долгой отвычки принимать пищу. Почти на каждом шагу поражали их страшные жертвы голода... При виде сих поражающих свидетельств Андрий не вытерпел не спросить татарку:

— Неужели они, однако ж, совсем не нашли, чем пробавить жизнь? Если человеку приходит последняя крайность, тогда, делать нечего, он должен питаться тем, чем дотоле брезгал; он может питаться теми тварями, которые запрещены законом; всё может тогда пойти в снедь.

— Всё переели, — сказала татарка, — всю скотину. Ни коня, ни собаки, ни даже мыши не найдёшь во всём городе. У нас в городе никогда не водилось никаких запасов; всё привозилось из деревень.

[1] Фашинник — прутья; фашина — связка прутьев хвороста, камыша.

...Андрий уже было хотел идти прямо в широкую дубовую дверь, украшенную гербом и множеством разных украшений, но татарка дёрнула его за рукав и указала маленькую дверь в боковой стене... Он не помнил, как взошёл и как затворилась за ним дверь. В комнате горели две свечи; лампада теплилась перед образом... Он повернулся в другую сторону и увидел женщину, казалось, застывшую и окаменевшую в каком-то быстром движении. Казалось, как будто вся фигура её хотела броситься к нему и вдруг остановилась. И он остался также изумлённым пред нею...

В это время вошла в комнату татарка. Она уже успела нарезать ломтями принесённый рыцарем хлеб, несла его на золотом блюде и поставила перед своею панною. Красавица взглянула на неё, на хлеб и возвела очи на Андрия, — и много было в очах тех...

Она взяла хлеб и поднесла его ко рту. С неизъяснимым наслаждением глядел Андрий, как она ломала его блистающими пальцами своими и ела; и вдруг вспомнил о бесновавшемся от голода, который испустил дух в глазах его, проглотивши кусок хлеба. Он побледнел и, схватив её за руку, закричал:

— Довольно! не ешь больше! Ты так долго не ела, тебе хлеб будет теперь ядовит.

И она опустила тут же свою руку, положила хлеб на блюдо и, как покорный ребенок, смотрела ему в очи... И глаза её вдруг наполнились слезами...

— Отчего же ты так печальна? Скажи мне, отчего ты так печальна?

Бросила прочь она от себя платок, отдёрнула налезавшие на очи длинные волосы косы своей и вся разлилась в жалостных речах, выговаривая их тихим-тихим голосом...

— Не обманывай, рыцарь, и себя и меня, — говорила она, качая тихо прекрасной головой своей, — знаю, и, к великому моему горю, знаю слишком хорошо, что тебе нельзя любить меня; и знаю я, какой долг и завет твой: тебя зовут твои отец, товарищи, отчизна, а мы — враги тебе.

— А что мне отец, товарищи и отчизна? — сказал Андрий, встряхнув быстро головою и выпрямив весь прямой, как надречная осокорь, стан свой. — Так если ж так, так вот что: нет у меня никого! Никого, никого! — повторил он тем голосом и сопроводив его тем движением руки, с каким упругий, несокрушимый козак выражает решимость на дело неслыханное и невозможное для другого. — Кто сказал, что моя отчизна Украина? Кто дал мне ее в отчизны? Отчизна есть то, чего ищет душа наша, что милее для неё всего. Отчизна моя — ты! Вот моя отчизна! И понесу я отчизну сию в сердце моём, понесу её, пока станет моего веку, и посмотрю, пусть кто-нибудь из козаков вырвет её оттуда! И всё, что ни есть, продам, отдам, погублю за такую отчизну!

И погиб козак! Пропал для всего козацкого рыцарства! Не видать ему больше ни Запорожья, ни отцовских хуторов своих, ни церкви Божьей! Украйне не видать тоже храбрейшего из своих детей, взявшихся защищать её. Вырвет старый Тарас седой клок волос из своей

чуприны и проклянёт и день, и час, в который породил на позор себе такого сына.

VII

Шум и движение происходили в запорожском таборе. Сначала никто не мог дать верного отчёта, как случилось, что войска прошли в город. Потом уже оказалось, что весь Переяславский курень, расположившийся перед боковыми городскими воротами, был пьян мертвецки; стало быть, дивиться нечего, что половина была перебита, а другая перевязана прежде, чем все могли узнать, в чем дело. Покамест ближние курени, разбуженные шумом, успели схватиться за оружие, войско уже уходило в ворота, и последние ряды отстреливались от устремившихся на них в беспорядке сонных и полупротрезвившихся запорожцев. Кошевой дал приказ собраться всем, и, когда все стали в круг и затихли, снявши шапки, он сказал:

— Так вот что, панове братове, случилось в эту ночь. Вот до чего довёл хмель! Вот какое поруганье оказал нам неприятель! У вас, видно, уже такое заведение: коли позволишь удвоить порцию, так вы готовы так натянуться, что враг Христова воинства не только снимет с вас шаровары, но и в самоё лицо вам начихает, так вы того не услышите.

Козаки все стояли, понурив головы, зная вину; один только Незамайновский куренной атаман Кукубенко отозвался.

— Постой, батько! — сказал он. — Хоть оно и не в законе, чтобы сказать какое возражение, когда говорит кошевой перед лицом всего войска, да дело не так было, так нужно сказать. Ты не совсем справедливо попрекнул всё христианское войско. Козаки были бы повинны и достойны смерти, если бы напились в походе, на войне, на трудной, тяжкой работе. Но мы сидели без дела, маячились попусту перед городом. Ни поста, ни другого христианского воздержания не было; как же может статься, чтобы на безделье не напился человек? Греха тут нет. А мы вот лучше покажем им, что такое нападать на безвинных людей. Прежде били добре, а уж теперь побьём так, что и пят не унесут домой.

Речь куренного атамана понравилась козакам. Они приподняли уже совсем было понурившиеся головы, и многие одобрительно кивнули головой, примолвивши:

— Добре сказал Кукубенко!

А Тарас Бульба, стоявший недалеко от кошевого, сказал:

— А что, кошевой, видно, Кукубенко правду сказал? Что ты скажешь на это?

— А что скажу? Скажу: блажен и отец, родивший такого сына! Ещё не большая мудрость сказать укорительное слово, но большая мудрость сказать такое слово, которое бы, не поругавшись над бедою человека, ободрило бы его, придало бы духу ему, как шпоры придают духу коню, освежённому водопоем. Я сам хотел вам сказать потом утешительное слово, да Кукубенко догадался прежде.

— Добре сказал и кошевой! — отозвалось в рядах запорожцев. — Доброе слово! — повторили другие. И самые седые, стоявшие, как

сизые голуби, и те кивнули головою и, моргнувши седым усом, тихо сказали:

— Добре сказанное слово!

— Слушайте же, панове! — продолжал кошевой. — Брать крепость, карабкаться и подкапываться, как делают чужеземные, немецкие мастера — пусть ей враг прикинется! — и неприлично, и не козацкое дело. А судя по тому, что есть, неприятель вошёл в город не с большим запасом: телег что-то было с ним немного. Народ в городе голодный; стало быть, всё съест духом, да и коням тоже сена... уж я не знаю, разве с неба кинет им на вилы какой-нибудь их святой... только про это ещё Бог знает; а ксёндзы-то их горазды на одни слова. За тем или за другим, а уж они выйдут из города. Разделяйся же на три кучи и становись на три дороги перед тремя воротами. Перед главными воротами пять куреней, перед другими по три куреня. Дядькивский и Корсунский курень на засаду! Полковник Тарас с полком на засаду! Тытаревский и Тымошевский курень на запас, с правого бока обоза! Щербиновский и Стебликивский верхний — с левого боку! Да выбирайтесь из ряду, молодцы, которые позубастее на слово, задирать неприятеля! У ляха пустоголовая натура: брани не вытерпит; и, может быть, сегодня же все они выйдут из ворот. Куренные атаманы, перегляди всякий курень свой: у кого недочёт, пополни его остатками Переяславского...

Так распоряжался кошевой, и все поклонились ему в пояс, и, не надевая шапок, отправились по своим возам и таборам, и, когда уже совсем далеко отошли, тогда только надели шапки. Все начали снаряжаться: пробовали сабли и палаши, насыпали порох из мешков в пороховницы, откатывали и становили возы и выбирали коней.

Уходя к своему полку, Тарас думал и не мог придумать, куда девался Андрий. Полонили ли его вместе с другими и связали сонного? Только нет, не таков Андрий, чтобы отдаться живым в плен. Между убитыми козаками тоже не было его видно. Задумался крепко Тарас и шёл перед полком...

Два козака выехало вперёд из запорожских рядов. Один ещё совсем молодой, другой постарее, оба зубастые на слово, на деле тоже не плохие козаки: Охрим Наш и Мыкыта Голокопытенко. Следом за ними выехал и Демид Попович, коренастый козак, уже давно маячивший на Сечи, бывший под Адрианополем и много натерпевшийся на веку своем: горел в огне и прибежал на Сечь с обсмаленною, почерневшею головою и выгоревшими усами. Но раздобрел вновь Попович, пустил за ухо оселедец, вырастил усы густые и чёрные, как смоль. И крепок был на едкое слово Попович.

— А, красные жупаны на всём войске, да хотел бы я знать, красная ли сила у войска?

— Вот я вас! — кричал сверху дюжий полковник, — всех перевяжу! Отдавайте, хлопцы, ружья и коней. Видели, как перевязал я ваших? Выведите им на вал запорожцев! — И вывели на вал скрученных верёвками запорожцев. Впереди их был куренной атаман Хлиб, без

шаровар и верхнего убранства, — так, как схватили его хмельного. Потупил в землю голову атаман, стыдясь наготы своей перед своими же козаками и что попал в плен, как собака, сонный. И в одну ночь поседела крепкая голова его.

— Не печалься, Хлиб! Выручим! — кричали ему снизу козаки.

— Не печалься, друзьяка! — отозвался куренной атаман Бородатый. — В том нет вины твоей, что схватили тебя нагого. Беда может быть со всяким человеком; но стыдно им, что выставили тебя на позор, не прикрывши прилично наготы твоей.

— Вы, видно, на сонных людей храброе войско! — говорил, поглядывая на вал, Голокопытенко.

— Вот, погодите, обрежем мы вам чубы! — кричали им сверху.

— А хотел бы я поглядеть, как они нам обрежут чубы! — говорил Попович, поворотившись перед ними на коне. И потом, поглядевши на своих, сказал: — А что ж? Может быть, ляхи и правду говорят. Коли выведет их вот тот, пузатый, им всем будет добрая защита.

— Отчего ж, ты думаешь, будет им добрая защита? — сказали козаки, зная, что Попович, верно, уже готовился что-нибудь сказать.

— А оттого, что позади его упрячется всё войско, и уж, чёрта с два, из-за его пуза достанешь которого-нибудь копьём!

Все засмеялись козаки. И долго многие из них ещё покачивали головою, говоря: «Ну, уж Попович! Уж коли кому закрутит слово, так только ну...» Да уж и не сказали козаки, что такое «ну».

— Отступайте, отступайте скорей от стен! — закричал кошевой. Ибо ляхи, казалось, не выдержали едкого слова, и полковник махнул рукой.

Едва только посторонились козаки, как грянули с валу картечью. На валу засуетились, показался сам седой воевода на коне. Ворота отворились, и выступило войско. Впереди выехали ровным конным строем шитые гусары. За ними кольчужники, потом латники с копьями, потом все в медных шапках, потом ехали особняком лучшие шляхтичи, каждый одетый по-своему. Потом опять ряды, и за ними выехал хорунжий; за ним опять ряды, и выехал дюжий полковник; а позади всего уже войска выехал последним низенький полковник.

— Не давать им, не давать им строиться и становиться в ряды! — кричал кошевой. — Разом напирайте на них все курени! Оставляйте прочие ворота! Тытаревский курень, нападай сбоку! Дядькивский курень, нападай с другого! Напирайте на тыл, Кукубенко и Палывода! Мешайте, мешайте и розните их!

И ударили со всех сторон козаки, сбили и смешали их, и сами смешались. Не дали даже и стрельбы произвести; пошло дело на мечи да на копья... И не услышал Бородатый, как налетел на него сзади красноносый хорунжий... и ударил его саблей по нагнувшейся шее... Понеслась к вышинам суровая козацкая душа, хмурясь и негодуя, и вместе с тем дивуясь, что так рано вылетела из такого крепкого тела. ... А уж был тут суровый мститель...

Как плавающий в небе ястреб, давши много кругов сильными крылами, вдруг останавливается распластанный на одном месте и

бьёт оттуда стрелой на раскричавшегося у самой дороги самца-перепела, — так Тарасов сын, Остап, налетел вдруг на хорунжего и сразу накинул ему на шею верёвку. Побагровело ещё сильнее красное лицо хорунжего, когда затянула ему горло жёсткая петля: схватился он было за пистолет, но судорожно сведённая рука не могла направить выстрела, и даром полетела в поле пуля. Остап тут же у его же седла отвязал шёлковый шнур, который возил с собою хорунжий для вязания пленных, и его же шнуром связал его по рукам и ногам, прицепил конец верёвки к седлу и поволок его через поле, сзывая громко всех козаков Уманского куреня, чтобы шли отдать последнюю честь атаману. Как услышали уманцы, что куренного их атамана Бородатого нет уже в живых, бросили поле битвы и прибежали прибрать его тело; и тут же стали совещаться, кого выбрать в куренные. Наконец, сказали:

— Да на что совещаться? Лучше не можно поставить в куренные никого, кроме Бульбенка Остапа. Он, правда, младший всех нас, но разум у него, как у старого человека.

Остап, сняв шапку, всех поблагодарил козаков-товарищей за честь, не стал отговариваться ни молодостью, ни молодым разумом, зная, что время военное и не до того теперь, а тут же повёл их прямо на кучу и уж показал им всем, что недаром выбрали его в атаманы. Почувствовали ляхи, что уже становилось дело слишком жарко, отступили и перебежали поле, чтоб собраться на другом конце его. А низенький полковник махнул на стоявшие отдельно, у самых ворот, четыре свежие сотни, и грянули оттуда картечью в козацкие кучи. Но мало кого достали: пули хватили по быкам козацким, дико глядевшим на битву. Взревели испуганные быки, поворотили на козацкий табор, переломали возы и многих перетоптали. Но Тарас в это время, вырвавшись из засады с своим полком, с криком бросился навпереймы. Поворотилось назад всё бешеное стадо, испуганное криком, и метнулось на ляшские полки, опрокинуло конницу, всех смяло и рассыпало.

— О, спасибо вам, волы! — кричали запорожцы. — Служили всё походную службу, а теперь и военную сослужили! — И ударили с новыми силами на неприятеля.

Много тогда перебили врагов. Многие показали себя...

Козаки вновь отступили, готовясь идти к таборам, а на городском валу вновь показались ляхи, уже с изорванными епанчами[1]. Запеклася кровь на многих дорогих кафтанах, и пылью покрылися красивые медные шапки.

— Что, перевязали? — кричали им снизу запорожцы.

— Вот я вас! — кричал всё так же сверху толстый полковник, показывая верёвку; и всё ещё не переставали грозить запылённые, изнурённые воины, и все, бывшие позадорнее, перекинулись с обеих сторон бойкими словами.

Наконец, разошлись все. Кто расположился отдыхать, истомившись от боя; кто присыпал землей свои раны и драл на перевязки платки и дорогие одежды, снятые с убитого неприятеля.

[1] Епанча́ — длинный и широкий плащ.

Другие же, которые были посвежее, стали прибирать тела и отдавать им последнюю почесть...

VIII

Ещё солнце не дошло до половины неба, как все запорожцы собрались в круги. Из Сечи пришла весть, что татары, во время отлучки козаков, ограбили в ней всё, вырыли скарб, который втайне держали козаки под землёю, избили и забрали в плен всех, которые оставались, и со всеми забранными стадами и табунами направили путь прямо к Перекопу...

В подобных случаях водилось у запорожцев гнаться в ту же минуту за похитителями, стараясь настигнуть их на дороге, потому что пленные как раз могли очутиться на базарах Малой Азии, в Смирне, на Критском острову, и Бог знает, в каких местах не показались бы чубатые запорожские головы. Вот отчего собрались запорожцы. Все до единого стояли они в шапках, потому что пришли не с тем, чтобы слушать по начальству атаманский приказ, но совещаться, как равные между собою.

— Давай совет прежде, старшие! — закричали в толпе.

— Давай совет, кошевой! — говорили другие.

И кошевой снял шапку, уж не так, как начальник, а как товарищ, благодарил всех козаков за честь и сказал:

— Много между нами есть старших и советом умнейших, но коли меня почтили, то мой совет: не терять, товарищи, времени и гнаться за татарином. Ибо вы сами знаете, что за человек татарин. Он не станет с награбленным добром ожидать нашего прихода, а мигом размытарит его, так что и следов не найдёшь. Так мой совет: идти. Мы здесь уже погуляли. Ляхи знают, что такое козаки; за веру, сколько было по силам, отмстили; корысти же с голодного города немного. Итак, мой совет — идти!

— Идти! — раздалось голосно в запорожских куренях.

Но Тарасу Бульбе не пришлись по душе такие слова, и навесил он еще ниже на очи свои хмурые, исчёрна-белые брови, подобные кустам, повыраставшим по высокому темени горы, которых верхушки вплоть занёс иглистый северный иней.

— Нет, не прав совет твой, кошевой! — сказал он. — Ты не так говоришь. Ты позабыл, видно, что в плену остаются наши, захваченные ляхами? Ты хочешь, видно, чтоб мы не уважили первого, святого закона товарищества, оставили бы собратьев своих на то, чтобы с них с живых содрали кожу или, исчетвертовав на части козацкое их тело, развозили бы их по городам и сёлам, как сделали они доселе с гетьманом и лучшими русскими витязями на Украйне. Разве мало они поругались и без того над святынею? Что ж мы такое? — спрашиваю я всех вас. Что ж за козак тот, который кинул в беде товарища, кинул его, как собаку, пропасть на чужбине? Коли уж на то пошло, что всякий ни во что ставит козацкую честь, позволив себе плюнуть в седые усы свои и попрекнуть себя обидным словом, так не укорит же никто меня. Один остаюсь!

Поколебались все стоявшие запорожцы.

— А разве ты позабыл, бравый полковник, — сказал тогда кошевой, — что у татар в руках тоже наши товарищи, что если мы теперь их не выручим, то жизнь их будет продана на вечное невольничество язычникам, что хуже всякой лютой смерти? Позабыл разве, что у них теперь вся казна наша, добытая христианской кровью?

Задумались все козаки и не знали, что сказать. Никому не хотелось из них заслужить обидную славу. Тогда вышел вперёд всех старейший годами во всём запорожском войске Касьян Бовдюг. В чести был он от всех козаков; два раза уже был избираем кошевым и на войнах тоже был сильно добрый козак, но уже давно состарелся и не бывал ни в каких походах; не любил тоже и советов давать никому, а любил старый вояка лежать на боку у козацких кругов, слушая рассказы про всякие бывалые случаи и козацкие походы. Никогда не вмешивался он в их речи, а всё только слушал да прижимал пальцем золу из своей коротенькой трубки, которой не выпускал изо рта, и долго сидел он потом, прижмурив слегка очи, и не знали козаки, спал ли он или всё ещё слушал. Все походы оставался он дома, но сей раз разобрало старого. Махнул рукою по-козацки и сказал: «А не куды пошло! пойду и я: может, в чём-нибудь буду пригоден козачеству!» Все козаки притихли, когда выступил он теперь перед собранием, ибо давно не слышали от него никакого слова. Всякий хотел знать, что скажет Бовдюг.

— Пришла очередь и мне сказать слово, паны братья! — так он начал. — Послушайте, дети, старого. Мудро сказал кошевой; и, как голова козацкого войска, обязанный приберегать его и печись о войсковом скарбе, мудрее ничего он не мог сказать. Вот что! Это пусть будет первая моя речь. А теперь послушайте, что скажет моя другая речь. А вот что скажет моя другая речь: большую правду сказал Тарас-полковник, — дай Боже ему побольше веку, и чтоб таких полковников было побольше на Украйне! Первый долг и первая честь козака есть соблюсти товарищество. Сколько ни живу я на веку, не слышал я, паны братья, чтобы козак покинул где или продал как-нибудь своего товарища. И те и другие нам товарищи; меньше их или больше — всё равно, все товарищи, все нам дороги. Так вот какая моя речь: те, которым милы захваченные татарами, пусть отправляются за татарами, а которым милы полонённые ляхами и не хочется оставлять правого дела, пусть остаются. Кошевой по долгу пойдёт с одною половиною за татарами, а другая половина выберет себе наказного атамана. А наказным атаманом, коли хотите послушать белой головы, не пригоже быть никому другому, как только одному Тарасу Бульбе. Нет из нас никого равного ему в доблести.

Так сказал Бовдюг и затих; и обрадовались все козаки, что навёл их таким образом на ум старый. Все вскинули вверх шапки и закричали:

— Спасибо тебе, батько! Молчал, молчал, долго молчал, да вот, наконец, и сказал. Недаром говорил, когда собирался в поход, что будешь пригоден козачеству: так и сделалось.

— Что, согласны вы на то? — спросил кошевой.
— Все согласны! — закричали козаки.
— Стало быть, раде конец?
— Конец раде! — кричали козаки.
— Слушайте же теперь войскового приказа, дети! — сказал кошевой, выступил вперёд и надел шапку, а все запорожцы, сколько их ни было, сняли свои шапки и остались с непокрытыми головами, утупив очи в землю, как бывало всегда между козаками, когда собирался что говорить старший.
— Теперь отделяйтесь, паны братья! Кто хочет идти, ступай на правую сторону; кто остаётся, отходи на левую! Куды бо́льшая часть куреня переходит, туды и отаман; коли меньшая часть переходит, приставай к другим куреням.

И все стали переходить, кто на правую, кто на левую сторону. Которого куреня бо́льшая часть переходила, туда и куренной атаман переходил; которого малая часть, та приставала к другим куреням; и вышло без малого не поровну на всякой стороне. Захотели остаться: весь почти Незамайновский курень, большая половина Поповичевского куреня, весь Уманский курень, весь Каневский курень, большая половина Стебликивского куреня, большая половина Тымошивского куреня. Все остальные вызвались идти в догон за татарами. Много было на обеих сторонах дюжих и храбрых козаков. Между теми, которые решились идти вслед за татарами, был Череватый, добрый старый козак, Покотыполе, Лемиш, Прокопович Хома; Демид Попович тоже перешёл туда, потому что был сильно завзятого нрава козак — не мог долго высидеть на месте, с ляхами попробовал уже он дела, хотелось попробовать еще с татарами. Куренные были: Ностюган, Покрышка, Невылычкий; и много ещё других славных и храбрых козаков захотело попробовать меча и могучего плеча в схватке с татарином. Не мало было также сильно и сильно добрых козаков между теми, которые захотели остаться: куренные Демытрович, Кукубенко, Вертыхвист, Балабан, Бульбенко Остап. Потом много было ещё других именитых и дюжих козаков: Вовтузенко, Черевыченко, Степан Гуска, Охрим Гуска, Мыкола Густый, Задорожный, Метелыця, Иван Закрутыгуба, Мосий Шило, Дегтяренко, Сыдоренко, Пысаренко, потом другой Пысаренко, потом еще Пысаренко, и много было других добрых козаков. Все были хожалые, езжалые: ходили по анатольским берегам, по крымским солончакам и степям, по всем речкам, большим и малым, которые впадали в Днепр, по всем заходам и днепровским островам; бывали в молдавской, волошской, в турецкой земле; изъездили всё Чёрное море двухрульными козацкими челнами; нападали в пятьдесят челнов в ряд на богатейшие и превысокие корабли, перетопили немало турецких галер и много-много выстреляли пороху на своем веку... Такие-то были козаки, захотевшие остаться и отмстить ляхам за верных товарищей и Христову веру! Старый козак Бовдюг захотел также остаться с ними, сказавши: «Теперь не такие мои лета, чтобы гоняться за татарами, а тут есть место, где опочить доброю козацкою смертью. Давно уже просил я у Бога, чтобы, если

придётся кончать жизнь, то чтобы кончить её на войне за святое и христианское дело. Так оно и случилось. Славнейшей кончины уже не будет в другом месте для старого козака».

Когда отделились все и стали на две стороны в два ряда куренями, кошевой прошел промеж рядов и сказал:

— А что, панове братове, довольны одна сторона другою?

— Все довольны, батько! — отвечали козаки.

— Ну, так поцелуйтесь же и дайте друг другу прощанье, ибо, Бог знает, приведётся ли в жизни увидеться. Слушайте своего атамана, а исполняйте то, что сами знаете: сами знаете, что велит козацкая честь.

И все козаки, сколько их ни было, перецеловались между собою. Начали первые атаманы и, поведши рукою седые усы свои, поцеловались навкрест и потом взялись за руки и крепко держали руки. Хотел один другого спросить: «Что, пане брате, увидимся или не увидимся?» — да и не спросили, замолчали, и загадались обе седые головы. А козаки все до одного прощались, зная, что много будет работы тем и другим; но не повершили, однако ж, тотчас разлучиться, а повершили дождаться тёмной ночной поры, чтобы не дать неприятелю увидеть убыль в козацком войске. Потом все отправились по куреням обедать. После обеда все, которым предстояла дорога, легли отдыхать и спали крепко и долгим сном, как будто чуя, что, может, последний сон доведётся им вкусить на такой свободе. Спали до самого заходу солнечного; а как зашло солнце и немного стемнело, стали мазать телеги. Снарядясь, пустили вперёд возы, а сами, пошапковавшись[1] ещё раз с товарищами, тихо пошли вслед за возами. Конница чинно, без покрика и посвиста на лошадей, слегка затопотела вслед за пешими, и скоро стало их не видно в темноте. Глухо отдавалась только конская топь да скрып иного колеса, которое ещё не расходилось или не было хорошо подмазано за ночною темнотою.

Долго ещё остававшиеся товарищи махали им издали руками, хотя не было ничего видно. А когда сошли и воротились по своим местам, когда увидели при высветивших ясно звёздах, что половины телег уже не было на месте, что многих, многих нет, невесело стало у всякого на сердце, и все задумались против воли, утупивши в землю гульливые свои головы.

Тарас видел, как смутны стали козацкие ряды и как уныние, неприличное храброму, стало тихо обнимать козацкие головы, но молчал: он хотел дать время всему, чтобы пообвыклись они и к унынию, наведённому прощаньем с товарищами...

IX

В городе не узнал никто, что половина запорожцев выступила в погоню за татарами. С магистратской[2] башни приметили только часовые, что потянулась часть возов за лес; но подумали, что козаки готовились сделать засаду; то же думал и французский инженер. А между тем слова кошевого не прошли даром, и в городе оказался недоста-

[1] Пошапкова́вшись — попрощавшись, сняв шапки.

[2] Магистра́т — городское управление.

ток в съестных припасах. По обычаю прошедших веков, войска не разочли, сколько им было нужно. Попробовали сделать вылазку, но половина смельчаков была тут же перебита козаками, а половина прогнана в город ни с чем... Полковники... готовились дать сражение. Тарас уже видел то по движенью и шуму в городе и расторопно хлопотал, строил, раздавал приказы и наказы, уставил в три табора курени, обнёсши их возами в виде крепостей, — род битвы, в которой бывали непобедимы запорожцы; двум куреням повелел забраться в засаду; убил часть поля острыми кольями, изломанным оружием, обломками копьев, чтобы при случае нагнать туда неприятельскую конницу. И когда всё было сделано, как нужно, сказал речь козакам, не для того, чтобы ободрить и освежить их, — знал, что без того крепки они духом, — а просто самому хотелось высказать всё, что было на сердце.

— Хочется мне вам сказать, панове, что такое есть наше товарищество. Вы слышали от отцов и дедов, в какой чести у всех была земля наша: и грекам дала знать себя, и с Царьграда брала червонцы, и города были пышные, и храмы, и князья, князья русского рода, свои князья... Всё взяли бусурманы, всё пропало. Только остались мы, сирые, да, как вдовица после крепкого мужа, сирая так же, как и мы, земля наша! Вот в какое время подали мы, товарищи, руку на братство! Вот на чём стоит наше товарищество! Нет уз святее товарищества! Отец любит своё дитя, мать любит своё дитя, дитя любит отца и мать. Но это не то, братцы: любит и зверь своё дитя. Но породниться родством по душе, а не по крови может один только человек. Бывали и в других землях товарищи, но таких, как в Русской земле, не было таких товарищей. Вам случалось не одному помногу пропадать на чужбине; видишь, и там люди! Также божий человек, и разговоришься с ним, как с своим; а как дойдёт до того, чтобы поведать сердечное слово, — видишь: нет, умные люди, да не те; такие же люди, да не те! Нет, братцы, так любить, как русская душа, любить не то, чтобы умом или чем другим, а всем, чем дал Бог, что ни есть в тебе, а... — сказал Тарас и махнул рукой, и потряс седою головою, и усом моргнул, и сказал: — Нет, так любить никто не может! Знаю, подло завелось теперь на земле нашей; думают только, чтобы при них были хлебные стоги, скирды да конные табуны их, да были бы целы в погребах запечатанные меды их. Перенимают чёрт знает какие бусурманские обычаи: гнушаются языком своим; свой с своим не хочет говорить; свой своего продаёт, как продают бездушную тварь на торговом рынке. Милость чужого короля, да и не короля, а паскудная милость польского магната, который жёлтым чоботом своим бьёт их в морду, дороже для них всякого братства. Но у последнего подлюки, каков он ни есть, хоть весь извалялся он в саже и в поклонничестве, есть и у того, братцы, крупица русского чувства. И проснётся оно когда-нибудь, и ударится он, горемычный, об полы руками, схватит себя за голову, проклявши громко подлую жизнь свою, готовый муками искупить позорное дело. Пусть же знают они все, что такое значит в Русской земле товарищество! Уж если на то пошло, чтобы умирать, — так никому ж из них не

доведётся так умирать!.. Никому, никому!.. Не хватит у них на то мышиной натуры их!

Так говорил атаман и, когда кончил речь, всё ещё потрясал посеребрившеюся в козацких делах головою. Всех, кто ни стоял, разобрала сильно такая речь, дошед далеко, до самого сердца. Самые старейшие в рядах стали неподвижны, потупив седые головы в землю; слеза тихо накатывалася в старых очах; медленно отирали они её рукавом. И потом все, как будто сговорившись, махнули в одно время рукою и потрясли бывалыми головами. Знать, видно, много напомнил им старый Тарас знакомого и лучшего, что бывает на сердце у человека, умудрённого горем, трудом, удалью и всяким невзгодьем жизни, или хотя и не познавшего их, но много почуявшего молодою жемчужною душою на вечную радость старцам-родителям, родившим его.

А из города уже выступало неприятельское войско, гремя в литавры и трубы, и, подбоченившись, выезжали паны, окружённые несметными слугами. Толстый полковник отдавал приказы. И стали наступать они тесно на козацкие таборы, грозя, нацеливаясь пищалями, сверкая очами и блеща медными доспехами. Как только увидели козаки, что подошли они на ружейный выстрел, все разом грянули в семипядные пищали и, не прерывая, всё палили они из пищалей. Далеко понеслось громкое хлопанье по всем окрестным полям и нивам, сливаясь в беспрерывный гул; дымом затянуло всё поле, а запорожцы всё палили, не переводя духу; задние только заряжали да передавали передним, наводя изумление на неприятеля, не могшего понять, как стреляли козаки, не заряжая ружей. Уже не видно было за великим дымом, обнявшим то и другое воинство, но видно было, как то одного, то другого не ставало в рядах; но чувствовали ляхи, что густо летели пули и жарко становилось дело; и когда попятились назад, чтобы посторониться от дыма и оглядеться, то многих не досчитались в рядах своих. А у козаков, может быть, другой-третий был убит на всю сотню. И всё продолжали палить козаки из пищалей, ни на минуту не давая промежутка. Сам иноземный инженер подивился такой, никогда им не виданной тактике, сказавши тут же, при всех: «Вот бравые молодцы-запорожцы! Вот как нужно биться и другим в других землях!» И дал совет поворотить тут же на табор пушки. Тяжело ревнули широкими горлами чугунные пушки; дрогнула, далеко загудевши, земля, и вдвое больше затянуло дымом всё поле. Почуяли запах пороха среди площадей и улиц в дальних и крайних городах. Но нацелившие взяли слишком высоко: раскалённые ядра выгнули слишком высокую дугу. Страшно завизжав по воздуху, перелетели они через головы всего табора и углубились далеко в землю, взорвав и взметнув высоко на воздух чёрную землю. Ухватил себя за волосы французский инженер при виде такого неискусства и сам принялся наводить пушки, не глядя на то, что жарили и сыпали пулями беспрерывно козаки.

Тарас видел ещё издали, что беда будет всему Незамайновскому и Стебликивскому куреню, и вскрикнул зычно: «Выбирайтесь скорей из-за возов и садись всякий на коня!» Но не поспели бы сделать то и

другое козаки, если бы Остап не ударил в самую середину; выбил фитили у шести пушкарей, у четырёх только не мог выбить. Отогнали его назад ляхи. А тем временем иноземный капитан сам взял в руку фитиль, чтобы выпалить из величайшей пушки, какой никто из козаков не видывал дотоле. Страшно глядела она широкою пастью, и тысячи смертей глядело оттуда. И как грянула она, а за нею следом три другие, четырёхкратно потрясши глухоответную землю, — много нанесли они горя! Не по одному козаку взрыдает старая мать, ударяя себя костистыми руками в дряхлые перси. Не одна останется вдова в Глухове, Немирове, Чернигове и других городах. Будет, сердечная, выбегать всякий день на базар, хватаясь за всех проходящих, распознавая каждого из них в очи, нет ли между их одного, милейшего всех. Но много пройдёт через город всякого войска, и вечно не будет между ними одного, милейшего всех.

Так, как будто и не бывало половины Незамайновского куреня! Как градом выбивает вдруг всю ниву, где, что полновесный червонец, красовался всякий колос, так их выбило и положило.

Как же вскинулись козаки! Как схватились все! Как закипел куренной атаман Кукубенко, увидевши, что лучшей половины куреня его нет! Разом вбился он с остальными своими незамайновцами в самую середину. В гневе иссёк в капусту первого попавшегося, многих конников сбил с коней, доставши копьём и конника, и коня, пробрался к пушкарям, и уже отбил одну пушку. А уж там, видит, хлопочет уманский куренной атаман, и Степан Гуска уже отбивает главную пушку. Оставил он тех козаков и поворотил с своими в другую неприятельскую гущу. Там, где прошли незамайновцы — так там и улица, где поворотились — так уж там и переулок! Так и видно, как редели ряды и снопами валились ляхи! А у самых возов Вовтузенко, а спереди Черевыченко, а у дальних возов Дегтяренко, а за ним куренной атаман Вертыхвист. Двух уже шляхтичей поднял на копьё Дегтяренко, да напал, наконец, на неподатливого третьего. Увёртлив и крепок был лях, пышной сбруей украшен и пятьдесят одних слуг привёл с собою. Погнул он крепко Дегтяренко, сбил его на землю и уже, замахнувшись на него саблей, кричал:

— Нет из вас, собак-козаков, ни одного, кто бы посмел противустать мне!

— А вот есть же! — сказал и выступил вперёд Мосий Шило. Сильный был он козак, не раз атаманствовал на море и много натерпелся всяких бед...

— Так есть же такие, которые бьют вас, собак! — сказал он, кинувшись на него.

И уж так-то рубились они! И наплечники, и зерцала[1] погнулись у обоих от ударов. Разрубил на нём вражий лях железную рубашку, достав лезвием самого тела: зачервонела козацкая рубашка. Но не поглядел на то Шило, а замахнулся всей жилистой рукою (тяжела была

[1] Зерцало — здесь: доспехи воина — блестящий металлический нагрудник вместе с наспинником.

коренастая рука) и оглушил его внезапно по голове. Разлетелась медная шапка, зашатался и грянулся лях, а Шило принялся рубить и крестить оглушённого. Не добивай, козак, врага, а лучше поворотись назад! Не поворотился козак назад, и тут же один из слуг убитого хватил его ножом в шею. Поворотился Шило и уж достал было смельчака, но он пропал в пороховом дыме. Со всех сторон поднялось хлопанье из самопалов. Пошатнулся Шило и почуял, что рана была смертельна. Упал он, наложил руку на свою рану и сказал, обратившись к товарищам:

— Прощайте, паны братья, товарищи! Пусть же стоит на вечные времена православная Русская земля и будет ей вечная честь!

И зажмурил ослабевшие свои очи, и вынеслась козацкая душа из сурового тела. А там уже выезжал Задорожный с своими, ломил ряды куренной Вертыхвист и выступал Балабан.

— А что, паны? — сказал Тарас, перекликнувшись с куренными. — Есть ещё порох в пороховницах? Не ослабела ли козацкая сила? Не гнутся ли козаки?

— Есть ещё, батько, порох в пороховницах. Не ослабела ещё козацкая сила, ещё не гнутся козаки!

И напёрли сильно козаки: совсем смешали все ряды. Низкорослый полковник ударил сбор и велел выкинуть восемь малёванных знамён, чтобы собрать своих, рассыпавшихся далеко по всему полю. Все бежали ляхи к знамёнам; но не успели они ещё выстроиться, как уже куренной атаман Кукубенко ударил вновь с своими незамайновцами в середину и напал прямо на толстопузого полковника. Не выдержал полковник и, поворотив коня, пустился вскачь; а Кукубенко далеко гнал его через всё поле, не дав ему соединиться с полком. Завидев то с бокового куреня, Степан Гуска пустился ему навпереймы, с арканом в руке, всю пригнувши голову к лошадиной шее, и, улучивши время, с одного раза накинул аркан ему на шею. Весь побагровел полковник, ухватясь за верёвку обеими руками и силясь разорвать её, но уже дюжий размах вогнал ему в самый живот гибельную пику. Так и остался он, пригвождённый к земле. Но не сдобровать и Гуске! Не успели оглянуться козаки, как уже увидели Степана Гуску, поднятого на четыре копья. Только и успел сказать бедняк: «Пусть же пропадут все враги и ликует вечные веки Русская земля!» И там же испустил дух свой. Оглянулись козаки, а уж там, сбоку, козак Метелыця угощает ляхов, шеломя[1] того и другого; а уж там, с другого, напирает с своими атаман Невылычкий; а у возов ворочает врага и бьётся Закрутыгуба; а у дальних возов третий Пысаренко отогнал уже целую ватагу. А уж там, у других возов, схватились и бьются на самых возах.

— Что, паны? — перекликнулся атаман Тарас, проехавши впереди всех. — Есть ли ещё порох в пороховницах? Крепка ли козацкая сила? Не гнутся ли ещё козаки?

— Есть ещё, батько, порох в пороховницах; ещё крепка козацкая сила; ещё не гнутся козаки!

А уж упал с воза Бовдюг. Прямо под самое сердце пришлась ему пуля, но собрал старый

[1] Шело́мя — ударяя в бою по шлему.

весь дух свой и сказал: «Не жаль расставаться с светом! Дай Бог и всякому такой кончины! Пусть же славится до конца века Русская земля!» И понеслась к вышинам Бовдюгова душа рассказать давно отошедшим старцам, как умеют биться на Русской земле и, ещё лучше того, как умеют умирать в ней за святую веру.

Балабан, куренной атаман, скоро после него грянулся также на землю. Три смертельные раны достались ему: от копья, от пули и от тяжелого палаша. А был один из доблестнейших козаков... Поникнул он теперь головою, почуяв предсмертные муки, и тихо сказал: «Сдаётся мне, паны браты, умираю хорошею смертью: семерых изрубил, девятерых копьём исколол. Истоптал конём вдоволь, а уж не припомню, скольких достал пулею. Пусть же цветёт вечно Русская земля!..» И отлетела его душа.

Козаки, козаки! не выдавайте лучшего цвета вашего войска! Уже обступили Кукубенка, уже семь человек только осталось из всего Незамайновского куреня; уже и те отбиваются через силу; уже окровавилась на нём одежда. Сам Тарас, увидя беду его, поспешил на выручку. Но поздно подоспели козаки: уже успело ему углубиться под сердце копьё прежде, чем были отогнаны обступившие его враги. Тихо склонился он на руки подхватившим его козакам, и хлынула ручьём молодая кровь, подобно дорогому вину, которое несли в стеклянном сосуде из погреба неосторожные слуги, поскользнулись тут же у входа и разбили дорогую сулею: всё разлилось на землю вино, и схватил себя за голову прибежавший хозяин, сберегавший его про лучший случай в жизни, чтобы, если приведёт Бог на старости лет встретиться с товарищем юности, то чтобы помянуть бы вместе с ним прежнее, иное время, когда иначе и лучше веселился человек... Повёл Кукубенко вокруг себя очами и проговорил: «Благодарю Бога, что довелось мне умереть при глазах ваших, товарищи! Пусть же после нас живут ещё лучше, чем мы, и красуется вечно любимая Христом Русская земля!» И вылетела молодая душа...

— А что, паны? — перекликнулся Тарас с оставшимися куренями. — Есть ли ещё порох в пороховницах? Не иступились ли сабли? Не утомилась ли козацкая сила? Не погнулись ли козаки?

— Достанет ещё, батько, пороху! Годятся ещё сабли; не утомилась козацкая сила; не погнулись ещё козаки!

Е. Кибрик. Иллюстрация к повести

Какое из описаний боя в повести в наибольшей степени соответствует этой иллюстрации?

И рванулись снова козаки так, как бы и потерь никаких не потерпели. Уже три только куренных атамана осталось в живых. Червонели уже всюду красные реки; высоко гатились мосты из козацких и вражьих тел. Взглянул Тарас на небо, а уж по небу потянулась вереница кречетов[1]. Ну, будет кому-то пожива! А уж там подняли на копьё Метельицю. Уже голова другого Пысаренка, завертевшись, захлопала очами. Уже подломился и бухнулся о землю начетверо изрубленный Охрим Гуска.

«Ну!» — сказал Тарас и махнул платком. Понял тот знак Остап и ударил сильно, вырвавшись из засады, в конницу. Не выдержали сильного напора ляхи, а он их гнал и нагнал прямо на место, где были вбиты в землю копья и обломки копьев. Пошли спотыкаться и падать кони и лететь через их головы ляхи. А в это время корсунцы, стоявшие последние за возами, увидевши, что уже достанет ружейная пуля, грянули вдруг из самопалов. Все сбились и растерялись ляхи, и приободрились козаки. «Вот и наша победа!» — раздались со всех сторон запорожские голоса, затрубили в трубы и выкинули победную хоругвь. Везде бежали и крылись разбитые ляхи. «Ну, нет, ещё не совсем победа!» — сказал Тарас, глядя на городские стены, и сказал он правду.

Отворились ворота и вылетел оттуда гусарский полк, краса всех конных полков. Под всеми всадниками были все, как один, бурые аргамаки[2]. Впереди перед другими понёсся витязь всех бойчее, всех красивее. Так и летели чёрные волосы из-под медной его шапки; вился завязанный на руке дорогой шарф, шитый руками первой красавицы. Так и оторопел Тарас, когда увидел, что это был Андрий. А он между тем, объятый пылом и жаром битвы, жадный заслужить навязанный на руку подарок, понёсся, как молодой борзой пёс, красивейший, быстрейший и молодший всех в стае. Атукнул на него опытный охотник, — и он понёсся, пустив прямой чертой по воздуху свои ноги, весь покосившись на бок всем телом, взрывая снег и десять раз выпереживая самого зайца в жару своего бега. Остановился старый Тарас и глядел на то, как он чистил перед собою дорогу, разгонял, рубил и сыпал удары направо и налево. Не вытерпел Тарас и закричал: «Как?.. Своих?.. Своих, чёртов сын, своих бьёшь?..» Но Андрий не различал, кто перед ним был, свои или другие какие; ничего не видел он. Кудри, кудри он видел, длинные, длинные кудри, и подобную речному лебедю грудь, и снежную шею, и плечи, и всё, что создано для безумных поцелуев.

— Эй, хлопьята! заманите мне только его к лесу, заманите мне только его! — кричал Тарас. И вызвалось тот же час тридцать быстрейших козаков заманить его. И, поправив на себе высокие шапки, тут же пустились на конях, прямо наперерез гусарам. Ударили сбоку на передних, сбили их, отделили от задних, дали по гостинцу тому и другому, а Голокопытенко хватил плашмя по спине Андрия, и в тот же час пустились бежать от них, сколько достало козацкой мочи. Как

[1] Кре́чет — хищная птица.

[2] Аргама́к — восточная породистая верховая лошадь.

вскинулся Андрий! Как забунтовала по всем жилкам молодая кровь! Ударив острыми шпорами коня, во весь дух полетел он за козаками, не глядя назад, не видя, что позади всего только двадцать человек успело поспевать за ним. А козаки летели во всю прыть на конях и прямо поворотили к лесу. Разогнался на коне Андрий и чуть было уже не настигнул Голокопытенка, как вдруг чья-то сильная рука ухватила за повод его коня. Оглянулся Андрий: перед ним Тарас! Затрясся он всем телом и вдруг стал бледен...

Так школьник, неосторожно задравши своего товарища и получивши за то от него удар линейкою по лбу, вспыхивает, как огонь, бешеный выскакивает из лавки и гонится за испуганным товарищем своим, готовый разорвать его на части, и вдруг наталкивается на входящего в класс учителя: вмиг притихает бешеный порыв и упадает бессильная ярость. Подобно ему, в один миг пропал, как бы не бывал вовсе, гнев Андрия. И видел он перед собою одного только страшного отца.

— Ну, что же теперь мы будем делать? — сказал Тарас, смотря прямо ему в очи. Но ничего не умел на то сказать Андрий и стоял, утупивши в землю очи.

— Что, сынку, помогли тебе твои ляхи?

Андрий был безответен.

— Так продать? продать веру? продать своих? Стой же, слезай с коня!

Покорно, как ребёнок, слез он с коня и остановился ни жив ни мёртв перед Тарасом.

— Стой и не шевелись! Я тебя породил, я тебя и убью! — сказал Тарас и, отступивши шаг назад, снял с плеча ружьё. Бледен, как полотно, был Андрий; видно было, как тихо шевелились уста его и как он произносил чьё-то имя; но это не было имя отчизны, или матери, или братьев — это было имя прекрасной полячки. Тарас выстрелил.

Как хлебный колос, подрезанный серпом, как молодой барашек, почуявший под сердцем смертельное железо, повис он головой и повалился на траву, не сказавши ни одного слова.

Остановился сыноубийца и глядел долго на бездыханный труп. Он был и мёртвый прекрасен: мужественное лицо его, недавно исполненное силы и непобедимого для жён очарованья, всё ещё выражало чудную красоту; чёрные брови, как траурный бархат, оттеняли его побледневшие черты. «Чем бы не козак был? — сказал Тарас. — И станом высокий, и чернобровый, и лицо как у дворянина, и рука была крепка в бою! Пропал, пропал бесславно, как подлая собака!»

— Батько, что ты сделал? Это ты убил его? — сказал подъехавший в это время Остап.

Тарас кивнул головою.

Пристально поглядел мёртвому в очи Остап. Жалко ему стало брата, и проговорил он тут же:

— Предадим же, батько, его честно земле, чтобы не поругались бы над ним враги и не растаскали бы его тела хищные птицы.

— Погребут его и без нас! — сказал Тарас. — Будут у него плакальщики и утешницы!

Е. Кибрик. Иллюстрация к повести

Каким настроением художника проникнута эта иллюстрация?

И минуты две думал он, кинуть ли его на расхищенье волкам-сиромахам или пощадить в нем рыцарскую доблесть, которую храбрый должен уважать в ком бы то ни было. Как видит, скачет к нему на коне Голокопытенко: «Беда, атаман, окрепли ляхи, прибыла на подмогу свежая сила!..»

Не успел сказать Голокопытенко, скачет Вовтузенко: «Беда, атаман, новая валит еще сила!..»

Не успел сказать Вовтузенко, Пысаренко бежит уже без коня: «Где ты, батьку? Ищут тебя козаки. Уж убит куренной атаман Невылычкий, Задорожный убит, Черевиченко убит. Но стоят козаки, не хотят умирать, не увидев тебя в очи: хотят, чтобы взглянул ты на них перед смертным часом».

«На коня, Остап!» — сказал Тарас и спешил, чтобы застать ещё козаков, чтобы поглядеть ещё на них и чтобы они взглянули перед смертью на своего атамана. Но не выехали они ещё из лесу, а уж неприятельская сила окружила со всех сторон лес, и меж деревьями везде показались всадники с саблями и копьями.

«Остап!.. Остап, не поддавайся!..» — кричал Тарас, а сам, схвативши саблю наголо, начал честить первых попавшихся на все боки. А на Остапа уже наскочило вдруг шестеро; но не в добрый час, видно, наскочило: с одного полетела голова, другой перевернулся, отступивши; угодило копьём в ребро третьего; четвёртый был поотважней, уклонился головой от пули, и попала в конскую грудь горячая пуля, — вздыбился бешеный конь, грянулся о землю и задавил под собою всадника. «Добре, сынку!.. Добре, Остап!.. — кричал Тарас. — Вот я следом за тобою!..» А сам всё отбивался от наступавших. Рубится и бьётся Тарас, сыплет гостинцы тому и другому на голову, а сам глядит всё вперед на Остапа, и видит, что уже вновь схватилось с Остапом мало не восьмеро разом. «Остап!.. Остап, не поддавайся!..» Но уж одолевают Остапа; уже один накинул ему на шею аркан, уже вяжут, уже берут Остапа. «Эх, Остап, Остап!.. — кричал Тарас, пробиваясь к нему, рубя в капусту встречных и поперечных. — Эх, Остап, Остап!..» Но, как тяжёлым камнем, хватило его самого в ту же минуту. Всё закружилось и перевернулось в глазах его. На миг смешанно сверкнули перед ним головы, копья, дым, блески огня, сучья с древесными листьями, мелькнувшие ему в самые очи. И грохнулся он, как подрубленный дуб, на землю. И туман покрыл его очи.

X

— Долго же я спал! — сказал Тарас, очнувшись, как после трудного хмельного сна, и стараясь распознать окружавшие его предметы. Страшная слабость одолевала его члены. Едва метались пред ним стены и углы незнакомой светлицы. Наконец заметил он, что перед ним сидел Товкач и, казалось, прислушивался ко всякому его дыханию.

«Да, — подумал про себя Товкач, — заснул бы ты, может быть, и навеки!» Но ничего не сказал, погрозил пальцем и дал знак молчать.

— Да скажи же мне, где я теперь? — спросил опять Тарас, напрягая ум и стараясь припомнить бывшее.

— Молчи ж! — прикрикнул сурово на него товарищ. — Чего тебе ещё хочется знать? Разве ты не видишь, что весь изрублен! Уж две недели, как мы с тобою скачем, не переводя духу, и как ты в горячке и жару несёшь и городишь чепуху. Вот в первый раз заснул покойно. Молчи ж, если не хочешь нанести сам себе беду.

Но Тарас всё старался и силился собрать свои мысли и припомнить бывшее:

— Да ведь меня же схватили и окружили было совсем ляхи? Мне ж не было никакой возможности выбиться из толпы?

— Молчи ж, говорят тебе, чёртова детина! — закричал Товкач сердито, как нянька, выведенная из терпения, кричит неугомонному повесе-ребенку. — Что пользы знать тебе, как выбрался? Довольно того, что выбрался. Нашлись люди, которые тебя не выдали, ну, и будет с тебя! Нам ещё немало ночей скакать вместе! Ты думаешь, что пошёл за простого козака? Нет, твою голову оценили в две тысячи червонных.

— А Остап? — вскрикнул вдруг Тарас, понатужился приподняться и вдруг вспомнил, как Остапа схватили и связали в глазах его и что он теперь уже в ляшских руках. И обняло горе старую голову. Сорвал и сдёрнул он все перевязки ран своих, бросил их далеко прочь, хотел громко что-то сказать и вместо того понёс чепуху; жар и бред вновь овладели им, и понеслись без толку и связи безумные речи. А между тем верный товарищ стоял перед ним, бранясь и рассыпая без счёту жестокие укорительные слова и упрёки. Наконец схватил он его за ноги и руки, спеленал, как ребёнка, поправил все перевязки, увернул его в воловью кожу, увязал в лубки и, прикрепивши верёвками к седлу, помчался вновь с ним в дорогу. — Хоть неживого, да довезу тебя! Не попущу, чтобы ляхи поглумились над твоею козацкою породою, на куски рвали бы твоё тело да бросали его в воду. Пусть же, хоть и будет орёл высмыкать из твоего лоба очи, да пусть же степовой наш орёл, а не ляшский, не тот, что прилетает из польской земли. Хоть неживого, а довезу тебя до Украйны!

Так говорил верный товарищ. Скакал без отдыху дни и ночи и привёз его, бесчувственного, в самую Запорожскую Сечь. Там принялся он лечить его неутомимо травами и смачиваниями. Лекарства ли или своя железная сила взяла верх, только он через полтора месяца стал на ноги; раны зажили, и только одни сабельные рубцы давали знать, как глубоко когда-то был ранен старый козак. Однако же заметно стал он пасмурен и печален. Три тяжёлые морщины насунулись на лоб его и уже больше никогда не сходили с него. Оглянулся он теперь вокруг себя: всё новое на Сечи, все перемёрли старые товарищи. Ни одного из тех, которые стояли за правое дело, за веру и братство. И те, которые отправились с кошевым в угон за татарами, и тех уже не было давно: все положили головы, все изгибли, кто, положив на самом бою честную голову, кто от безводья и бесхлебья среди крымских солончаков, кто в плену пропал, не вынесши позора; и самого прежнего кошевого уже давно не было на свете, и никого из старых товарищей; и уже давно поросла травою когда-то кипевшая козацкая сила. Слышал он только, что был пир сильный, шумный пир: вся перебита вдребезги посуда; нигде не осталось вина ни капли, расхитили гости и слуги все дорогие кубки и сосуды, и смутный стоит хозяин дома, думая: «Лучше б и не было того пира». Напрасно старались занять и развеселить Тараса; напрасно бородатые, седые бандуристы, проходя по два и по три, расславляли его козацкие подвиги. Сурово и равнодушно глядел он на всё, и на неподвижном лице его выступала неугасимая горесть, и, тихо, понурив голову, говорил он: «Сын мой! Остап мой!»...

И не выдержал, наконец, Тарас. «Что бы ни было, пойду разведать, что он: жив ли он? в могиле? или уже и в самой могиле нет его? Разведаю во что бы ни стало!»...

XI

...Площадь, на которой долженствовала производиться казнь, нетрудно было отыскать: народ валил туда со всех сторон. ...Толпа вдруг зашумела, и со всех сторон раздались голоса: «Ведут... ведут!.. козаки!..»

Они шли с открытыми головами, с длинными чубами; бороды у них были отпущены. Они шли не боязливо, не угрюмо, но с какою-то тихою горделивостию; их платья из дорогого сукна износились и болтались на них ветхими лоскутьями; они не глядели и не кланялись народу. Впереди всех шёл Остап.

Что почувствовал старый Тарас, когда увидел своего Остапа? Что было тогда в его сердце? Он глядел на него из толпы и не проронил ни одного движения его. Они приблизились уже к лобному месту. Остап остановился. Ему первому приходилось выпить эту тяжёлую чашу. Он глянул на своих, поднял руку вверх и произнёс громко: «Дай же, Боже, чтобы все, какие тут ни стоят еретики, не услышали, нечестивые, как мучится христианин! чтобы ни один из нас не промолвил ни одного слова!»

После этого он приблизился к эшафоту.

«Добре, сынку, добре!» — сказал тихо Бульба и уставил в землю свою седую голову.

Палач сдёрнул с него ветхие лохмотья; ему увязали руки и ноги в нарочно сделанные станки, и... Не будем смущать читателей картиною адских мук, от которых дыбом поднялись бы их волоса. Они были порождение тогдашнего грубого, свирепого века, когда человек вёл ещё кровавую жизнь одних воинских подвигов и закалился в ней душою, не чуя человечества... Остап выносил терзания и пытки, как исполин. Ни крика, ни стону не было слышно даже тогда, когда стали перебивать ему на руках и ногах кости, когда ужасный хряск их послышался среди мёртвой толпы отдалёнными зрителями, когда панянки отворотили глаза свои, — ничто, похожее на стон, не вырвалось из уст его, не дрогнулось лицо его. Тарас стоял в толпе, потупив голову и в то же время гордо приподняв очи, и одобрительно только говорил: «Добре, сынку, добре!»

Но когда подвели его к последним смертным мукам, казалось, как будто стала подаваться его сила. И повёл он очами вокруг себя: Боже, всё неведомые, всё чужие лица! Хоть бы кто-нибудь из близких присутствовал при его смерти! Он не хотел бы слышать рыданий и сокрушений слабой матери или безумных воплей супруги, исторгающей волосы и бьющей себя в белые груди; хотел бы он теперь увидеть твёрдого мужа, который бы разумным словом освежил его и утешил при кончине. И упал он силою и воскликнул в душевной немощи:

— Батько! где ты? Слышишь ли ты?

— Слышу! — раздалось среди всеобщей тишины, и весь миллион народа в одно время вздрогнул. Часть военных всадников бросилась заботливо рассматривать толпы народа... Но Тараса уже... не было: его и след простыл.

XII

...А что же Тарас? А Тарас гулял по всей Польше с своим полком, выжег восемнадцать местечек, близ сорока костёлов и уже доходил до Кракова. Много избил он всякой шляхты, разграбил богатейшие и лучшие замки; распечатали и поразливали по земле козаки вековые меды и вина, сохранно сберегавшиеся в панских погребах; изрубили и пережгли дорогие сукна, одежды и утвари, находимые в кладовых. «Ничего не жалейте!» — повторял только Тарас... И такие поминки по Остапе отправлял он в каждом селении, пока польское правительство не увидело, что поступки Тараса были побольше, чем обыкновенное разбойничество, и Потоцкому поручено было с пятью полками поймать непременно Тараса.

Шесть дней уходили козаки просёлочными дорогами от всех преследований; едва выносили кони необыкновенное бегство и спасали козаков. Но Потоцкий на сей раз был достоин возложенного поручения; неутомимо преследовал он их и настиг на берегу Днестра, где Бульба занял для роздыха оставленную развалившуюся крепость.

Над самой кручей у Днестра-реки виднелась она своим оборванным валом и своими развалившимися останками стен. Щебнем и разбитым кирпичом усеяна была верхушка утёса, готовая всякую минуту сорваться и слететь вниз. Тут-то, с двух сторон, прилеглых к полю, обступил его коронный гетьман Потоцкий. Четыре дня бились и боролись козаки, отбиваясь кирпичами и каменьями. Но истощились запасы и силы, и решился Тарас пробиться сквозь ряды. И пробились было уже козаки, и, может быть, еще раз послужили бы им верно быстрые кони, как вдруг среди самого бегу остановился Тарас и вскрикнул: «Стой! выпала люлька с табаком; не хочу, чтобы и люлька досталась вражьим ляхам!» И нагнулся старый атаман и стал отыскивать в траве свою люльку с табаком, неотлучную сопутницу на морях, и на суше, и в походах, и дома. А тем временем набежала вдруг ватага и схватила его под могучие плечи. Двинулся было он всеми членами, но уже не посыпались на землю, как бывало прежде, схватившие его гайдуки[1]. «Эх, старость, старость!» — сказал он, и заплакал дебелый старый козак. Но не старость была виною: сила одолела силу. Мало не тридцать человек повисло у него по рукам и по ногам. «Попалась ворона! — кричали ляхи. — Теперь нужно только придумать, какую бы ему, собаке, лучшую честь воздать». И присудили, с гетьманского разрешения, сжечь его живого в виду всех. Тут же стояло нагое дерево, вершину которого разбило громом. Притянули его железными цепями к древесному стволу, гвоздём прибили ему руки и, приподняв его повыше, чтобы отовсюду был виден козак, принялись тут же раскладывать под деревом костёр. Но не на костёр глядел Тарас, не об огне он думал, которым собирались жечь его; глядел он, сердечный, в ту сторону, где отстреливались козаки: ему с высоты всё было видно, как на ладони. «Занимайте, хлопцы, занимайте скорее, — кричал он, — горку, что за лесом: туда

[1] Гайдуки — легковооружённые пехотинцы.

Е. Кибрик. Иллюстрация к повести

Как изображает художник героическое поведение Тараса Бульбы во время казни?

не подступят они!» Но ветер не донёс его слов. «Вот, пропадут, пропадут ни за что!» — говорил он отчаянно и взглянул вниз, где сверкал Днестр. Радость блеснула в очах его. Он увидел выдвинувшиеся из-за кустарника четыре кормы, собрал всю силу голоса и зычно закричал: «К берегу! к берегу, хлопцы! Спускайтесь подгорной дорожкой, что налево. У берега стоят челны, все забирайте, чтобы не было погони!»

На этот раз ветер дунул с другой стороны, и все слова были услышаны козаками. Но за такой совет достался ему тут же удар обухом по голове, который переворотил всё в глазах его...

Когда очнулся Тарас Бульба от удара и глянул на Днестр, уже козаки были на челнах и гребли вёслами; пули сыпались на них сверху, но не доставали. И вспыхнули радостные очи у старого атамана.

— Прощайте, товарищи! — кричал он им сверху. — Вспоминайте меня и будущей же весной прибывайте сюда вновь, да хорошенько погуляйте!..

А уже огонь подымался над костром, захватывал его ноги и разостлался пламенем по дереву... Да разве найдутся на свете такие огни, муки и такая сила, которая бы пересилила русскую силу!

Немалая река Днестр, и много на ней заводьев, речных густых камышей, отмелей и глубокодонных мест; блестит речное зеркало, оглашённое звонким ячаньем[1] лебедей, и гордый гоголь[2] быстро несётся по нём, и много куликов, краснозобых курухтанов[3] и всяких иных птиц в тростниках и на побережьях. Козаки живо плыли на узких двухрульных челнах, дружно гребли вёслами, осторожно минали отмели, всполашивая подымавшихся птиц, и говорили про своего атамана.

[1] Ячáнье — стон, жалобный крик лебедей (ячать — стонать, жалобно кликать).
[2] Гóголь — птица из семейства утиных.
[3] Курухтáн — болотная птица.

ЭТО ИНТЕРЕСНО

Сохранились свидетельства о том, как сам Гоголь читал свою повесть «Тарас Бульба» и какое впечатление произвело его чтение на слушателей.

Однажды собрались у писателя И. И. Панаева несколько человек слушать «Тараса Бульбу». Был среди них и немолодой уже учитель Первой Петербургской гимназии Василий Иванович Кречетов. Его так поразила повесть Гоголя, что во время чтения он все время вскакивал, восклицая:

— Да это шедевр... это сила... это мощь... это... это...

— Ах, да не перебивайте, Василий Иванович! — кричали другие.

Но Кречетов не мог удержаться, вскакивал и перебивал чтение восторженными восклицаниями. А когда оно кончилось, сказал Панаеву:

— Это, батюшка, такое явление... сам старик Вальтер Скотт подписал бы охотно под этим «Бульбою» своё имя... Это уж талант из ряда вон... Какая полновесность, сочность в каждом слове...

По Н. Марченко

ВОПРОСЫ И ЗАДАНИЯ

ПОДЕЛИМСЯ ПЕРВЫМИ ВПЕЧАТЛЕНИЯМИ

1. «...Какая кисть, широкая, размашистая, резкая, быстрая! Какие краски, яркие и ослепительные!.. И какая поэзия, энергическая, могучая, как эта Запорожская Сечь», — воскликнул Виссарион Белинский, прочитав «Тараса Бульбу» Гоголя. А чем захватило вас, юных граждан независимой Украины, чтение этой повести?
2. Какими предстали перед вами герои Запорожской Сечи? Какие страницы славной истории казачества, описанные Гоголем, оставили самое сильное впечатление?

УГЛУБИМСЯ В ТЕКСТ ПОВЕСТИ

3. Чем интересно начало повести? Какими вы видите Тараса Бульбу, его сыновей и их мать на первых её страницах?
4. Какие характеристики даёт автор Тарасу Бульбе, Остапу и Андрию, на что обращает внимание читателей, как выражает своё отношение к героям?
5. Интерьер (от франц. *interieur* — внутренний) — в литературе: описание внутренней обстановки жилища. Прочитайте выразительно описание светлицы в доме Тараса Бульбы. Какие мысли об укладе жизни казачьего атамана вызывает у читателя её интерьер?
6. Перечитайте описание степи (глава II). Отчего при виде степи сердца казаков «встрепенулись, как птицы»?
7. Как характеризует самого Гоголя созданный им поэтический образ украинской степи? Каковы художественные достоинства её описания?
8. Какими были нравы и неписаные законы Запорожской Сечи? Почему автор с радостью и восторгом восклицает: «Так вот она Сечь! Вот то гнездо, откуда вылетают все те гордые и крепкие, как львы!»?
9. Как создает Гоголь образы запорожцев? Какие художественные детали, изобразительные средства языка использует при этом? Прочитайте выразительно соответствующие описания в тексте.
10. Почему казаки выбрали Тараса Бульбу своим наказным атаманом? Как подтверждали они свою верность узам товарищества?
11. Как показывает Гоголь воинскую доблесть и героизм казаков в первом и во втором боях под городом Дубно? Чем похожи казаки в его изображении на былинных богатырей? Включите в свои ответы выразительное чтение отрывков из текста повести.
12. Каким образом усиливает автор впечатление читателя, описывая второй бой под городом Дубно?
13. Чем закончилась битва под городом Дубно для Тараса, Остапа и Андрия? Почему в последние минуты своей жизни Остап вспоминает отца и обращается к нему?
14. В какие моменты проявилось величие духа Тараса Бульбы?
15. Назовите выражения из текста повести, которые стали крылатыми.
16. Писатель Викентий Вересаев писал: «Для повести «Тарас Бульба» Гоголь пользовался сочинениями по истории, быту и нравам казачества... Но еще больше пользовался Гоголь для этой повести украинскими песнями. Вся повесть пропитана духом этих песен, стиль её совершенно песенный, и текст прямо просится на переложение в былинный стих».
В чём перекликаются украинские народные думы, с которыми вы познакомились на уроках украинской литературы, и повесть Гоголя «Тарас Бульба»? (Подготовьте развёрнутый ответ на вопрос.)

Для самостоятельной работы

17. Подготовьте выразительное чтение отрывков из повести: описание степи (гл. II), битва под городом Дубно (гл. VII, IX).
18. Выучите наизусть один из текстов: речь о товариществе (гл. IX), смерть Тараса Бульбы (гл. XII).

19. Подготовьте устную сравнительную характеристику Остапа и Андрия.
20. Напишите сочинение на тему «Тарас Бульба — главный герой одноимённой повести Н. В. Гоголя».

ДЛЯ ДИСКУССИИ

21. Почему Андрий не смог сблизиться с товарищами по борьбе и стал изменником?

Для будущих филологов

Установите, кто из известных русских и украинских художников иллюстрировал повесть Гоголя «Тарас Бульба», и подготовьте об этом сообщение.

УЧИМСЯ БЫТЬ ЧИТАТЕЛЯМИ

О ХАРАКТЕРЕ ЛИТЕРАТУРНОГО ГЕРОЯ

Литературный герой (персонаж) интересен читателю как человек с присущими только ему одному внешностью, внутренним миром, манерой поведения, умением действовать, вступать во взаимоотношения с другими людьми. Все эти качества (свойства) человека составляют характер.

Характер литературного героя (от греч. *charakter* — отпечаток, признак, отличительная черта) — **это образ человека в литературном произведении, созданный с определённой полнотой и наделённый индивидуальными особенностями.**

Каков, например, гоголевский Тарас Бульба? Что отличает его от других персонажей повести? С первых же её страниц мы видим бывалого, старого козака, большая часть жизни которого прошла в Запорожской Сечи и военных походах. «Тарас был один из числа коренных, старых полковников: весь был он создан для бранной тревоги и отличался грубой прямотой своего нрава». Эти скупые, но выразительные детали авторской характеристики героя помогают нам представить старого атамана. Дополнением к портрету служит описание светлицы, убранной «во вкусе того бранного, трудного времени, когда начались разыгрываться схватки и битвы на Украине».

А каковы же поступки Тараса Бульбы? Как ведёт он себя в мирное и военное время?

Всё в жизни Тараса и его семьи подчинено выполнению воинского долга. Только что встретив сыновей, приехавших из бурсы, он говорит им: «Ваша нежба — чистое поле да добрый конь; вот ваша нежба! А видите вот эту саблю? Вот ваша матерь!» И затем мы узнаём, как Тарас везёт сыновей в Сечь, как заботится о том, чтобы из них вышли добрые казаки.

В наибольшей мере характер героя в художественном произведении проявляется тогда, когда автор изображает его в сложных жизненных ситуациях. Нас глубоко волнует речь Тараса Бульбы о силе товарищества, обращённая к казакам перед трудным боем под городом Дубно: «Нет

уз святее товарищества!»; «...Породниться родством по душе, а не по крови может один только человек». Мы восхищаемся героическим поведением Тараса во время боя, когда он, забывая о смертельной опасности, подбадривает казаков и всякий раз оказывается там, где труднее всего. Особенно ярко раскрывается характер Тараса Бульбы, проявляются его необыкновенная стойкость и сила духа в страшных испытаниях, выпавших на его долю: когда он сам убивает сына-изменника, когда присутствует при казни Остапа, когда погибает на костре мученической смертью.

Характер литературного героя — это и его мысли, чувства, переживания. Вспомним, с каким настроением ехал Тарас Бульба в Запорожскую Сечь: «Старый Тарас думал о давнем: перед ним проходила его молодость, его лета, его протекшие лета, о которых всегда почти плачет козак, желавший бы, чтобы вся жизнь его была молодость. Он думал о том, кого он встретит на Сечи из своих прежних сотоварищей. Он вычислял, какие уже перемёрли, какие живут ещё. Слеза тихо круглилась на его зенице, и поседевшая голова его уныло понурилась».

Одним из важных средств характеристики литературного героя является его речь. Речь Тараса Бульбы углубляет наше представление о нём как о сильном, решительном атамане, преданном товарище, любящем отце. Так, мы понимаем, как глубоко страдает Тарас, когда, понурив седую голову, говорит о самом наболевшем: «Остап мой, Остап мой!»; «Что бы ни было, пойду разведать, что он: жив ли он? в могиле? или уже и в самой могиле нет его? Разведаю во что бы ни стало!»

Созданию характера в литературном произведении служат и авторские оценки, которые чаще всего выражаются в скрытой форме, но при внимательном чтении их присутствие обнаруживается и в описании портрета, и в изображении поступков, и в раскрытии внутреннего состояния героя. Например, мы чувствуем, как сам автор восхищается могучей, несгибаемой натурой Тараса, описывая его героическую смерть:

«И вспыхнули радостные очи у старого атамана.

— Прощайте, товарищи! — кричал он им сверху. — Вспоминайте меня и будущей же весной прибывайте сюда вновь, да хорошенько погуляйте!..»

Таким образом, **характер литературного героя в художественном произведении раскрывается посредством изображения внешних и внутренних его качеств (портрета, поступков, мыслей и переживаний), а также его речи и авторской оценки.**

Закрепим новые знания

1. Расскажите о приёмах раскрытия характера героя в художественном произведении. Прокомментируйте приведённые в статье отрывки из текста повести.
2. Выделите в повести «Тарас Бульба» эпизоды, отрывки, характеризующие её героев. Назовите, какие приёмы изображения характера в них использованы.

УЧИМСЯ БЫТЬ ЧИТАТЕЛЯМИ

О ПАФОСЕ В ХУДОЖЕСТВЕННОМ ПРОИЗВЕДЕНИИ

Пафос (от греч. *pathos* — страсть, чувство) в художественной литературе — это возвышенное чувство, страстное воодушевление, приподнятый, торжественный тон повествования. Пафос проявляется только тогда, когда писателя самого глубоко волнует то, что он хочет донести до читателя. Обратимся к отрывку, в котором описывается приезд Тараса Бульбы с сыновьями в Сечь: «Так вот она, Сечь! Вот то гнездо, откуда вылетают все те гордые и крепкие, как львы! Вот откуда разливается воля и казачество на всю Украину!»

Тарас восхищается Сечью, взволнованно говорит о том, что именно Сечь взращивает свободных и сильных духом защитников Украины. Заметьте: все предложения в этом отрывке — восклицательные. Автор использует здесь также метафоры, сравнение, которые помогают ему передать восторженное состояние героя.

Пафос в художественном произведении может передаваться также через прямую характеристику героя: «И это добрый — враг бы не взял его! — вояка! Не Остап, а добрый, добрый также вояка!»

Взволнованный тон повествования передаётся читателю и при описании степи в повести. «Чёрт вас возьми, степи, как вы хороши!» — восклицает автор, восхищённый красотой украинской степи. Но особенно возвышенным чувством проникнуты речь Тараса Бульбы о товариществе и сцена его казни.

Неравнодушный, обеспокоенный голос автора слышим мы на страницах всей повести. И это глубоко волнует нас, вызывая чувство гордости за героическое прошлое нашего народа, уважение к его славной истории.

Закрепим новые знания

1. Что такое пафос?
2. Как он проявляется в художественном произведении?
3. Приведите примеры пафосного изображения событий и героев из повести Гоголя «Тарас Бульба».

Учимся работать самостоятельно над текстом художественного произведения

Подготовка сравнительной характеристики героев художественного произведения

Сравнить героев литературного произведения — значит найти у них общее и различное. Для этого необходимо сопоставить: их общественное и семейное положение; внешность; поступки, поведение, взаимоотношения с окружающими людьми; внутренний мир (мысли, чувства, переживания); речь; авторское отношение к героям.

Примерный план **«Сравнительной характеристики Остапа и Андрия по повести Н. В. Гоголя “Тарас Бульба”»** может быть таким:

1. Остап и Андрий — сыновья Тараса Бульбы.
2. Внешний облик Остапа и Андрия.
3. Обучение братьев в бурсе.
4. Жизнь Остапа и Андрия в Запорожской Сечи.
5. Поведение братьев в бою и в момент смерти.
6. Авторская оценка героев и средства её выражения.
7. Моё отношение к Остапу и Андрию.

Создавая сравнительную характеристику героев, опирайтесь на художественный текст. Используйте в своей речи важные для подтверждения ваших суждений отдельные выражения, предложения или небольшие отрывки (цитаты) из текста повести «Тарас Бульба».

ПРОВЕРИМ СВОЮ КОМПЕТЕНТНОСТЬ

1. Что означает понятие «литературный жанр»? Назовите известные вам литературные жанры. Произведения каких жанров вы чаще всего выбираете для чтения?
2. Прочитайте наизусть стихотворения Роберта Бёрнса «Честная бедность». Почему это стихотворение стало в Шотландии народной песней?
3. Передайте кратко содержание баллады Роберта Льюиса Стивенсона «Вересковый мёд». Почему это произведение относится к жанру баллады?
4. Почему легенда о подвиге отца и сына живёт в веках? Почему она легла в основу баллады Стивенсона «Вересковый мёд»?
5. В чём противопоставляются рыцарь и красавица в балладе Василия Жуковского «Перчатка»?
6. Перескажите кратко содержание баллады Жуковского «Светлана». Какие силы побеждают в ней?
7. Прочитайте наизусть стихотворение Александра Пушкина «Узник». В чём заключается главная мысль этого стихотворения?
8. О чём заставляют вас задуматься стихотворения Александра Пушкина «Цветок» и «Если жизнь тебя обманет»? Прочитайте одно из них наизусть.
9. В чём заключается особенность жанра лирического стихотворения? Раскройте её на примерах изученных стихотворений.
10. Передайте содержание наиболее волнующего, на ваш взгляд, эпизода из повести Александра Пушкина «Станционный смотритель». Объясните свой выбор.
11. Расскажите о жизни станционного смотрителя из одноимённой повести А. Пушкина. Кто виноват в его трагической судьбе?
12. Чем интересен для вас сюжет повести Александра Пушкина «Метель»?
13. Какова композиционная роль описания метели в повести Александра Пушкина «Метель»?
14. Почему произведения «Станционный смотритель» и «Метель» Пушкина относятся к жанру повести?

15. В чём необычность судьбы Мцыри — главного героя одноимённой поэмы Михаила Лермонтова? Раскройте это на примерах из поэмы.
16. Как ведёт себя Мцыри в самые трудные и опасные моменты своей жизни? Чем нравится вам Мцыри?
17. Назовите главные отличительные признаки жанра поэмы.
18. Изображению каких событий посвящена повесть Николая Гоголя «Тарас Бульба»? Какие мысли и чувства вызвала она у вас?
19. Как изображает Гоголь Запорожскую Сечь в повести «Тарас Бульба»?
20. Прочитайте наизусть речь Тараса Бульбы о товариществе.
21. Как изображает Гоголь героизм казаков в боях под городом Дубно?
22. Дайте характеристику Тарасу Бульбе — главному герою повести.
23. Передайте близко к тексту (или наизусть) описание степи из повести Гоголя «Тарас Бульба».
24. Дайте сравнительную характеристику Остапу и Андрию.
25. Какие художественные приёмы использует Гоголь для раскрытия характеров героев повести «Тарас Бульба»? (Покажите это на примерах из повести.)
26. На примере повести Гоголя «Тарас Бульба» расскажите о пафосе в художественном произведении.

РАССКАЗ И НОВЕЛЛА

С одним из любимых литературных жанров читателей всех возрастов — рассказами — вы знакомились в пятом и шестом классах. Вспомните, как глубоко затронули вас тяжёлые судьбы крепостного Герасима из рассказа Ивана Тургенева «Муму», детей подземелья из рассказа «В дурном обществе» Владимира Короленко, как восхищались вы силой духа героя Джека Лондона из рассказа «Любовь к жизни».

Рассказы всегда заставляют читателя с напряжённым интересом следить за героями и развитием сюжета.

Разве не захватила ваше внимание, не вызвала сочувствия история подростка, стремившегося во что бы то ни стало продолжать учиться в голодные послевоенные годы, — история, описанная Валентином Распутиным в автобиографическом рассказе «Уроки французского»? Нас поражает и необычный воображаемый мир в фантастических рассказах Рэя Брэдбери «Улыбка», «Каникулы», «Зелёное утро», которые заставляют с обострённым чувством тревоги думать о будущем человечества, о сохранении природы, культуры, искренних и сердечных отношений между людьми.

В этом году вы расширите свои знания о жанре рассказа, познакомитесь с юмористическими рассказами замечательного русского писателя Антона Чехова, творчество которого знают и любят во всём мире.

Неизменный интерес к жанру рассказа всё новых и новых поколений читателей объясняется **яркостью и неповторимостью изображённых в них человеческих характеров**. Именно таким, ни на кого не похожим литературным персонажем является известный Шерлок Холмс — герой детективных[1] рассказов английского писателя Артура Конана Дойла. Сыщиков — героев детективных произведений — английский писатель Г. К. Честертон (1874—1936) назвал «удачливыми странствующими рыцарями». В этом вы сможете убедиться сами, читая и обсуждая рассказ А. К. Дойла «Голубой карбункул».

Вас, несомненно, увлекут **острым сюжетом новеллы** американского писателя О. Генри. Новеллы, как и рассказы, относятся к малому (то есть короткому) прозаическому жанру. Одна из главных особенностей произведений О. Генри — юмор. Им пропитаны все его новеллы, которые, как правило, имеют счастливый конец: развязки их неожиданны, а героев очень часто ждут нечаянные удачи. Писатель поистине неистощим в своей изобретательности и всегда полон сочувствия к своим героям.

Но в чём же ещё, кроме острого, увлекательного сюжета, отличие новеллы от рассказа? На этот вопрос вам предстоит ответить, познакомившись ближе с одной из новелл О. Генри — «Дары волхвов».

[1] Детективная литература (от англ. *detective* — сыщик) — произведения, в которых описывается раскрытие загадочных преступлений.

Давайте побеседуем

1. Расскажите о самом интересном и запомнившемся вам рассказе, который вы прочитали самостоятельно.
2. Чем привлекательны для вас фантастические рассказы и их герои?
3. Многие люди в наши дни с удовольствием читают детективную литературу. Как вы думаете, чем объясняется их интерес к этим произведениям?
4. Кого из современных русских писателей — авторов детективных произведений — вы знаете? Какие их произведения вы читали?
5. Основоположником детективной литературы считается американский писатель Эдгар По, который в новелле «Убийство на улице Морг» (1841 г.) впервые вывел образ детектива-любителя, наделённого необыкновенными способностями. Если вы читали его новеллы («Лягушонок», «Золотой жук» или др.), расскажите о них в классе.

Антон Павлович ЧЕХОВ

1860 – 1904

Никто не понимал так ясно и тонко, как Антон Чехов, трагизм мелочей жизни, никто до него не умел так беспощадно правдиво нарисовать людям позорную и тоскливую картину их жизни.

М. Горький

«Боже мой, как богата Россия хорошими людьми!» — восклицает Чехов в письме к своей сестре Марии Павловне Чеховой. К хорошим людям России относится прежде всего сам великий русский писатель Антон Павлович Чехов, поразительно сочетавший в себе душевную мягкость, отзывчивость, деликатность с необыкновенным трудолюбием и силой воли.

Антон Павлович Чехов родился в Таганроге, в семье бывшего приказчика, ставшего хозяином мелочной лавки[1]. Разносторонней была одарённость отца Чехова, Павла Егоровича. Он самоучкой выучился играть на скрипке, увлекался живописью и церковным пением. Чехов говорил о себе, о своих братьях и сестре: «Талант у нас со сто-

[1] Мелочная лавка – магазин, в котором продавали мелкий товар.

роны отца, а душа со стороны матери». Павел Егорович хотел, чтобы его дети были счастливее и удачливее его. Он желал их видеть образованными людьми, поэтому отдал всех в гимназию, нанял для них учителей музыки и языков; старшие сыновья уже в отроческие годы свободно говорили по-французски. Однако положительные качества натуры Павла Егоровича были искажены его самодурством и тяжестью жизни.

Старший брат писателя Александр Чехов вспоминал: «Антон Павлович только издали видел счастливых детей, но сам никогда не переживал счастливого, беззаботного и жизнерадостного детства, о котором было бы приятно вспомнить, пересматривая прошлое. Семейный уклад сложился для писателя так неудачно, что он не имел возможности ни побегать, ни порезвиться, ни пошалить. На это не хватало времени, потому что всё своё свободное время он должен был проводить в лавке. Кроме того, на всём лежал отцовский запрет: бегать нельзя было потому, что "сапоги побьёшь"; шалить запрещалось оттого, что "балуются только уличные мальчишки"; играть с товарищами — пустая и вредная забава, "товарищи Бог знает чему научат"».

Но чем грубее был натиск окружающей жизни, тем упорнее, сознательнее и мужественнее становился будущий писатель.

Рано началось у Чехова увлечение театром и литературой. Уже в гимназии он сотрудничал в рукописном журнале, который выходил под редакцией ученика старшего класса. Первое известное нам юношеское произведение Чехова написано для театра. Это пьеса «Безотцовщина».

В доме одного из товарищей Чехова был устроен театр, со сценой и занавесом. Здесь Антон Чехов играл в пьесах Гоголя и Островского и впервые выступил как драматург — автор сценок из жизни Таганрога. Гимназистам посещение местного театра разрешалось очень редко, поэтому Антон Чехов пробирался иногда на галёрку переодетым, с приклеенной бородой и в очках.

Вскоре жизнь семьи Чеховых круто переменилась: отец Павел Егорович разорился и вынужден был тайком уехать от кредиторов в Москву, где в то время учились в университете его старшие сыновья. Антон остался в Таганроге один, чтобы окончить гимназию. Шестнадцатилетний юноша из разорившейся семьи держался с достоинством и не унывал, хотя очень нуждался. Он зарабатывал себе на жизнь уроками. И так продолжалось три года.

В 1879 году Чехов закончил гимназию и поступил на медицинский факультет Московского университета. В московских юмористических журналах («Осколки», «Будильник», «Стрекоза» и др.) стали появляться небольшие рассказы с непривычными, смешными подписями: «Вспыльчивый человек», «Балдастов», «Врач без пациентов», «Человек без селезёнки», «Крапива» и, наконец, «Антоша Чехонте». За всеми этими псевдонимами скрывался один и тот же человек — студент и начинающий писатель Чехов. Никому не известный автор радовал читателей своим сверкающим, добрым юмором. Такие его рассказы, как «Хирургия», «Лошадиная фамилия», «Налим», «Пересолил», были очень смешны и кратки. В маленьких рассказах Чехов умел сказать многое о

человеке и жизни вообще. Именно в этот период в его записях появились высказывания, ставшие впоследствии афоризмами: «Краткость — сестра таланта», «Писать талантливо, то есть коротко», «Искусство писать — это искусство сокращать». Рассказы Чехова этого периода не только смешны; многие из них сатиричны, например «Толстый и тонкий», «Смерть чиновника», «Хамелеон». Беззаконие, высокомерие и бездушие сильных, заискивание слабых, трусость и подхалимство обывателя[1] — вот что обличает и высмеивает молодой Чехов в своих рассказах. Наряду с юмором, в них уже чувствуется гоголевский «смех сквозь незримые миру слезы». На это свойство рассказов Чехова первым указал А. М. Горький: «В каждом из юмористических рассказов Антона Павловича я слышу тихий, глубокий вздох чистого, истинно человеческого сердца».

1. Как происходило становление характера будущего писателя? Что вам ещё известно о жизни Чехова?
2. Какие из рассказов Чехова, упомянутых в статье, вы знаете?

ТОЛСТЫЙ И ТОНКИЙ

На вокзале Николаевской железной дороги встретились два приятеля: один толстый, другой тонкий. Толстый только что пообедал на вокзале, и губы его, подёрнутые маслом, лоснились, как спелые вишни. Пахло от него хересом[2] и флёр-д'оранжем[3]. Тонкий же только что вышел из вагона и был навьючен чемоданами, узлами и картонками. Пахло от него ветчиной и кофейной гущей. Из-за его спины выглядывали худенькая женщина с длинным подбородком — его жена и высокий с прищуренным глазом — его сын.

— Порфирий! — воскликнул толстый, увидев тонкого. — Ты ли это? Голубчик мой! Сколько зим, сколько лет!

— Батюшки! — изумился тонкий. — Миша! Друг детства! Откуда ты взялся?

Приятели троекратно облобызались и устремили друг на друга глаза, полные слёз. Оба были приятно ошеломлены.

— Милый мой! — начал тонкий после лобызания. — Вот не ожидал! Вот сюрприз! Ну, да погляди же на меня хорошенько! Такой же красавец, как и был! Такой же душонок и щёголь! Ах ты, Господи! Ну, что же ты? Богат? Женат? Я уже женат, как видишь... Это вот моя жена, Луиза, урождённая Ванценбах... лютеранка... А это мой сын, Нафанаил, ученик третьего класса. Это, Нафаня, друг моего детства! В гимназии вместе учились!

[1] Обыватель — здесь: человек, живущий мелкими, личными интересами.
[2] Херес — сорт виноградного вина.
[3] Флёр-д'оранж — французский одеколон.

Нафанаил немного подумал и снял шапку.

— В гимназии вместе учились! — продолжал тонкий. — Помнишь, как тебя дразнили? Тебя дразнили Геростратом за то, что ты казённую книжку папироской прожёг, а меня Эфиальтом за то, что я ябедничать любил. Хо-хо... Детьми были! Не бойся, Нафаня! Подойди к нему поближе... А это моя жена, урождённая Ванценбах... лютеранка.

Нафанаил немного подумал и спрятался за спину отца.

— Ну, как живёшь, друг? — спросил толстый, восторженно глядя на друга. — Служишь где? Дослужился?

— Служу, милый мой! Коллежским асессором[1] уже второй год и Станислава имею. Жалованье плохое... ну, да Бог с ним! Жена уроки музыки даёт, я портсигары приватно из дерева делаю. Отличные портсигары! По рублю за штуку продаю. Если кто берёт десять штук и более, тому, понимаешь, уступка. Пробавляемся кое-как. Служил, знаешь, в департаменте, а теперь сюда переведён столоначальником по тому же ведомству... Здесь буду служить. Ну, а ты как? Небось, уж статский? А?

В. Лопарев. Иллюстрация к рассказу

Как передаёт художник элементы комического в иллюстрации к рассказу «Толстый и тонкий»?

[1] Колле́жский асе́ссор — в царской России гражданский чин восьмого класса.

— Нет, милый мой, поднимай выше, — сказал толстый. — Я уже до тайного[1] дослужился... Две звезды имею.

Тонкий вдруг побледнел, окаменел, но скоро лицо его искривилось во все стороны широчайшей улыбкой; казалось, что от лица и глаз его посыпались искры. Сам он съёжился, сгорбился, сузился... Его чемоданы, узлы и картонки съёжились, поморщились... Длинный подбородок жены стал ещё длиннее; Нафанаил вытянулся во фрунт и застегнул все пуговки своего мундира...

— Я, ваше превосходительство... Очень приятно-с! Друг, можно сказать, детства и вдруг вышли в такие вельможи-с. Хи-хи-с!

— Ну, полно! — поморщился толстый. — Для чего этот тон? Мы с тобой друзья детства — и к чему тут это чинопочитание!

— Помилуйте... Что вы-с... — захихикал тонкий, ещё более съёживаясь. — Милостивое внимание вашего превосходительства... вроде как бы живительной влаги. Это вот, ваше превосходительство, сын мой Нафанаил... жена Луиза, лютеранка, некоим образом...

Толстый хотел было возразить что-то, но на лице у тонкого было написано столько благоговения, сладости и почтительной кислоты, что тайного советника стошнило. Он отвернулся от тонкого и подал на прощанье руку. Тонкий пожал три пальца, поклонился всем туловищем, как китаец: «Хи-хи-хи». Жена улыбнулась, Нафанаил шаркнул ногой и уронил фуражку. Все трое были приятно ошеломлены.

[1] Тайный советник — высший гражданский чин в царской России. Лица, имевшие его, занимали высшие государственные должности.

ВОПРОСЫ И ЗАДАНИЯ

ПОДЕЛИМСЯ ПЕРВЫМИ ВПЕЧАТЛЕНИЯМИ

1. Если бы вам предложили проиллюстрировать рассказ Чехова «Толстый и тонкий», какой момент встречи этих героев вы изобразили бы?
2. Какие чувства в большей мере вызывает у вас этот рассказ: смеха, удивления, сожаления?
3. Что заставляет читателя улыбаться уже в самом начале рассказа при описании неожиданной встречи на вокзале двух друзей детства?

УГЛУБИМСЯ В ТЕКСТ РАССКАЗА

4. Почему тонкий, узнав вдруг, что его школьный товарищ дослужился до чина тайного советника, не обрадовался, а «съёжился, сгорбился, сузился»? Сочувствуете вы тонкому в этот момент или смеётесь над ним?
5. Как называет тонкий толстого в начале их встречи и в конце? Почему так резко меняются настроение и речь тонкого?
6. В своём рассказе Чехов два раза употребляет выражение «приятно ошеломлены» — в начале и в самом конце рассказа. Одинаковый ли смысл происходящего передаёт автор всякий раз, используя это выражение? Аргументируйте свой ответ.

7. Над чем смеётся Чехов в рассказе «Толстый и тонкий»? Объясните смысл названия рассказа.
8. Прочитайте рассказ в лицах. Передайте в чтении собственное отношение к героям.

Для самостоятельной работы

9. Подготовьте развёрнутые ответы на вопросы: Как высмеивает Чехов чинопочитание в своём рассказе «Толстый и тонкий»? Какое значение в рассказе имеет кульминационный момент для раскрытия образов героев? Почему такое большое место занимает в рассказе диалог?

ДЛЯ ДИСКУССИИ

Только ли смех вызывает Антон Павлович Чехов своим рассказом «Толстый и тонкий»?

УЧИМСЯ БЫТЬ ЧИТАТЕЛЯМИ

О ХУДОЖЕСТВЕННОЙ ДЕТАЛИ В ПРОИЗВЕДЕНИИ

«На вокзале Николаевской железной дороги встретились два приятеля: один толстый, другой тонкий. Толстый только что пообедал на вокзале, и губы его, подёрнутые маслом, лоснились, как спелые вишни. Пахло от него хересом и флёр-д'оранжем. Тонкий только что вышел из вагона и был навьючен чемоданами, узлами и картонками. Пахло от него ветчиной и кофейной гущей».

Так начинается чеховский рассказ «Толстый и тонкий». Что в этом описании главное? Два приятеля. Они охарактеризованы двумя словами — толстый и тонкий. Как они выглядели, как одеты — об этом автор не сообщает. Но как много мы узнали из четырёх-пяти предложений об этих людях! Узнали, благодаря выразительным подробностям: толстый пообедал, а тонкий только что вышел из вагона; от толстого пахло дорогим вином (хересом) и одеколоном (флёр-д'оранжем), а от тонкого — ветчиной и кофейной гущей, к тому же был он навьючен чемоданами, узлами, картонками.

Названные подробности дают нам представление о месте каждого из героев в жизни: один — преуспевающий, второй — мелкий чиновник.

Эти подробности называются в литературе ***художественными деталями***. Художественная деталь — одно из средств создания художественного образа; детали помогают представить описываемых героев со всеми их неповторимыми особенностями, во всей их непохожести. Деталями в художественном произведении могут служить предметы, окружающие героя, жильё, мебель, одежда, еда. Особенности внешнего облика, жесты героев — и это детали. Их роль в произведении — дать представление об индивидуальности героя, о неповторимости явления, создать яркий образ.

Кроме указанных деталей, в чеховском рассказе можно назвать и такие: жена-лютеранка, урождённая Ванценбах; детали поведения мальчика Нафанаила (подумал и снял шапку, подумал и спрятался, вытянулся во фрунт и застегнул все пуговки своего мундира; имя Нафанаил — тоже деталь).

Эти детали направлены не только на характеристику героев, но и на то, чтобы создать наиболее полную картину жизни, со всеми его причинно-следственными и случайными связями. В этом значении Чехов первым начал вводить в художественную ткань произведения детали «ненужные», «лишние» на первый взгляд. Разговор двух людей не освобождён от окружающих предметов, они существуют помимо их воли и желания. Детали обстановки и жесты героев не усиливают и даже не уточняют разговор, они его сопровождают, но они помогают создать наиболее яркую и впечатляющую картину для читателя.

Итак, **художественная деталь — это выразительная подробность**, указывающая на предметы, окружающие людей, способы поведения литературных героев, их жесты; деталь помогает создать художественный образ, нарисовать картину жизни, существующую помимо воли и желания героев.

Закрепим новые знания

1. Что такое художественная деталь?
2. Какую роль играют художественные детали в рассказе Чехова «Толстый и тонкий»?

ХАМЕЛЕОН

Через базарную площадь идёт полицейский надзиратель Очумелов в новой шинели и с узелком в руке. За ним шагает рыжий городовой[1] с решетом, доверху наполненным конфискованным[2] крыжовником. Кругом тишина... На площади ни души... Открытые двери лавок и кабаков глядят на свет Божий уныло, как голодные пасти; около них нет даже нищих.

— Так ты кусаться, окаянная? — слышит вдруг Очумелов. — Ребята, не пущай её! Нынче не велено кусаться! Держи! А... а!

Слышен собачий визг. Очумелов глядит в сторону и видит: из дровяного склада купца Пичугина, прыгая на трёх ногах и оглядываясь, бежит собака. За ней гонится человек в ситцевой крахмальной рубахе и расстёгнутой жилетке. Он бежит за ней и, подавшись туловищем вперед, падает на землю и хватает собаку за задние лапы. Слышен вторично собачий визг и крик: «Не пущай!» Из лавок высовываются сонные физиономии, и скоро около дровяного склада, словно из земли выросши, собирается толпа.

— Никак беспорядок, ваше благородие!.. — говорит городовой.

Очумелов делает полуоборот налево и шагает к сборищу. Около самых ворот склада, видит

[1] Городовой — низший чин полицейской охраны в городе.

[2] Конфискованный — от слова *конфисковать*; здесь: отобрать, отнять.

он, стоит вышеописанный человек в расстёгнутой жилетке и, подняв вверх правую руку, показывает толпе окровавленный палец. На полупьяном лице его как бы написано: «Ужо я сорву с тебя, шельма!», да и самый палец имеет вид знамения победы. В этом человеке Очумелов узнает золотых дел мастера Хрюкина. В центре толпы, растопырив передние ноги и дрожа всем телом, сидит на земле сам виновник скандала — белый борзой щенок с острой мордой и жёлтым пятном на спине. В слезящихся глазах его выражение тоски и ужаса.

— По какому это случаю тут? — спрашивает Очумелов, врезываясь в толпу. — Почему тут? Это ты зачем палец?.. Кто кричал?

— Иду я, ваше благородие, никого не трогаю... — начинает Хрюкин, кашляя в кулак. — Насчет дров с Митрий Митричем, и вдруг эта подлая ни с того ни с сего за палец... Вы меня извините, я человек, который работающий... Работа у меня мелкая. Пущай мне заплатят, потому — я этим пальцем, может, неделю не пошевельну... Этого, ваше благородие, и в законе нет, чтоб от твари терпеть... Ежели каждый будет кусаться, то лучше и не жить на свете...

— Гм!.. Хорошо... — говорит Очумелов строго, кашляя и шевеля бровями. — Хорошо... Чья собака? Я этого так не оставлю. Я покажу вам, как собак распускать! Пора обратить внимание на подобных господ, не желающих подчиняться постановлениям! Как оштрафуют его, мерзавца, так он узнает у меня, что значит собака и прочий бродячий скот! Я ему покажу кузькину мать!.. Елдырин, — обращается надзиратель к городовому, — узнай, чья это собака, и составляй

Н. Компанец. Иллюстрация к рассказу

Как изобразил художник персонажей рассказа «Хамелеон»?

— Да разве братец ихний приехали? Владимир Иваныч? — спрашивает Очумелов, и всё лицо его заливается улыбкой умиления. — Ишь ты, Господи! А я и не знал! Погостить приехали?

— В гости...

— Ишь ты, Господи... Соскучились по братце... А я ведь и не знал! Так это ихняя собачка? Очень рад... Возьми её... Собачонка ничего себе... Шустрая такая... Цап этого за палец! Ха-ха-ха... Ну, чего дрожишь? Ррр... Рр... сердится, шельма... цуцык этакий...

Прохор зовёт собаку и идёт с ней от дровяного склада... Толпа хохочет над Хрюкиным.

— Я ещё доберусь до тебя! — грозит ему Очумелов и, запахиваясь в шинель, продолжает свой путь по базарной площади.

ВОПРОСЫ И ЗАДАНИЯ

ПОДЕЛИМСЯ ПЕРВЫМИ ВПЕЧАТЛЕНИЯМИ

1. Над кем и над чем вы смеялись, читая рассказ Чехова «Хамелеон»?
2. Чем запомнился вам каждый из его персонажей?

УГЛУБИМСЯ В ТЕКСТ РАССКАЗА

3. Вспомним, что хамелеонами называют семейство ящериц, окраска тела которых может сильно изменяться в зависимости от освещения, температуры, влажности и т. п. Почему рассказ Чехова имеет название «Хамелеон»?
4. Как раскрываются характеры персонажей в их поведении, речи, в отношениях друг к другу? Какова при этом роль диалога в рассказе?
5. В рассказе «Хамелеон» есть выразительные подробности (шинель Очумелова, которую он просит то снять, то надеть; узелок в его руке, решето с «конфискованным» крыжовником и др.). Какое значение имеют эти художественные детали для понимания характеров действующих лиц?
6. Как заостряет Чехов сюжет своего рассказа? Проследите, каким образом он создаёт напряжение, описывая всего лишь одно событие. Какой эпизод рассказа является кульминационным?
7. Прочитайте отдельные эпизоды рассказа выразительно в лицах, передавая настроение каждого из персонажей.
8. Для юмористических рассказов Чехова характерно наличие в них «говорящих» фамилий, то есть таких, которые подчёркивают самое характерное в персонаже. Как этот приём использует Чехов в рассказе «Хамелеон»?

Для самостоятельной работы

9. Ответьте на вопросы в развёрнутой форме: С какой целью использует автор синонимы, называя по-разному виновницу беспорядка — собаку в рассказе «Хамелеон»? Какие человеческие пороки и недостатки высмеивает Чехов в рассказе «Хамелеон»?

Для будущих филологов

В какие моменты полицейский надзиратель Очумелов называет свою шинель «пальто»? С какой целью автор использует этот художественный приём?

Тех, кто уже успел узнать и полюбить О. Генри, и тех, кто впервые откроет его для себя, ждут волнующие и радостные минуты соприкосновения с настоящим, большим искусством.

Ф. Золотаревская

О. ГЕНРИ

[1862–1910]

Судьба американского писателя О. Генри была настолько необычайной, что сама могла бы стать предметом увлекательного повествования.

Уильям Сидни Портер, известный всему миру под псевдонимом О. Генри, родился в семье врача, в нескольких десятках миль от небольшого городка Гринзборо на юге Америки. Детские годы были омрачены ранним сиротством: в трёхлетнем возрасте он лишился матери, умершей от туберкулёза, и попал под опеку своей тётки по отцу Эвелины Портер. Она содержала небольшую частную школу, и здесь Уильям проучился девять лет, получив достаточно хорошее по тем временам образование. Эвелина Портер прививала своим ученикам любовь к чтению, и Уильям в школьные годы

читал много и охотно. Именно в этот период он познакомился с романами Чарльза Диккенса, Уилки Коллинза, Вальтера Скотта, Александра Дюма.

Портеру рано пришлось думать о собственном заработке, поскольку его отец после смерти жены забросил врачебную практику, пристрастился к спиртному и стал ненадёжным кормильцем. В пятнадцать лет Уильям становится дипломированным фармацевтом, затем по причине нездоровья (проявляются грозные признаки наследственного недуга) отправляется в далёкий Техас. Очень скоро он стал среди скотоводов своим и даже удостоился почётного обряда «посвящения в ковбои», который был впоследствии не раз описан им в новеллах техасского цикла.

Два года, проведённые в прериях Техаса, не только исцелили и закалили Уильяма Портера. За это время ему удалось основательно пополнить своё образование. Он самостоятельно изучил языки (испанский, французский, немецкий), перечитал все книги из богатой библиотеки, имевшейся на ранчо. Переселившись в Остин (штат Техас), он перепробовал много профессий — аптекаря, агента по продаже недвижимости, чертёжника, а затем занял должность счетовода и кассира в Остинском национальном банке, и событие это сыграло роковую роль в его судьбе. Портера обвинили в растрате денег и приговорили к тюремному заключению.

В тюрьме Портер в свободные часы начал писать новеллы, которые под псевдонимом рассылал в разные журналы. Несколько новелл было опубликовано, и этот успех окрылил его и вселил надежду на будущее.

Тюремный опыт не прошёл для Уильяма Портера бесследно. Он встретился здесь с людьми, выброшенными за борт жизни, и понял, что они достойны интереса и сострадания. Он убедился, что на дне самой потерянной души брезжит свет человечности, и стоит только коснуться в ней каких-то скрытых струн, как она раскроется навстречу добру.

Из тюрьмы О. Генри вышел писателем, чьё имя было уже хорошо известно и популярно. Произведения его привлекали занимательным сюжетом и большой любовью автора к простым людям Америки — фермерам, ковбоям, клеркам[1], продавцам, к тем, кого называют «маленькими людьми» в мире, где правит «большой бизнес».

Творчество О. Генри — мощный источник добра и человечности. Его новеллы пленяют, восхищают, радуют, веселят и увлекают читателя. Они пробуждают в его душе целый мир добрых чувств, вселяют в неё оптимизм и надежду.

По Ф. Золотаревской и Н. Эйшискиной

1. Какие необычные события происходили в жизни американского писателя О. Генри?
2. Что вас привлекает в характере О. Генри?
3. Если вы читали новеллу О. Генри «Вождь красноко́жих» (или видели одноимённый фильм), то расскажите, чем вам запомнились её сюжет и герои.

[1] Клерк — конторский служащий.

ДАРЫ ВОЛХВОВ

Один доллар восемьдесят семь центов. Это было всё. Из них шестьдесят центов монетками по одному центу. За каждую из этих монеток пришлось торговаться с бакалейщиком, зеленщиком, мясником так, что даже уши горели от безмолвного неодобрения, которое вызывала подобная бережливость. Делла пересчитала три раза. Один доллар восемьдесят семь центов. А завтра Рождество.

Единственное, что тут можно было сделать, это хлопнуться на старенькую кушетку и зареветь. Именно так Делла и поступила. Откуда напрашивается философский вывод, что жизнь состоит из слёз, вздохов и улыбок, причём вздохи преобладают.

Пока хозяйка дома проходит все эти стадии, оглядим самый дом. Меблированная квартирка за восемь долларов в неделю. В обстановке не то чтобы вопиющая нищета, но скорее красноречиво молчащая бедность. Внизу, на парадной двери, ящик для писем, в щель которого не протиснулось бы ни одно письмо, и кнопка электрического звонка, из которой ни одному смертному не удалось бы выдавить ни звука. К сему присовокуплялась карточка с надписью «*М-р Джеймс Диллингхем Юнг*». «Диллингхем» развернулось на всю длину в недавний период благосостояния, когда обладатель указанного имени получал тридцать долларов в неделю. Теперь, после того как этот доход понизился до двадцати долларов, буквы в слове «Диллингхем» потускнели, словно не на шутку задумавшись, а не сократиться ли им в скромное и непритязательное «Д»? Но когда мистер Джеймс Диллингхем Юнг приходил домой и поднимался к себе на верхний этаж, его неизменно встречал возглас: «Джим!» — и нежные объятия миссис Джеймс Диллингхем Юнг, уже представленной вам под именем Деллы. А это, право же, очень мило.

Делла кончила плакать и прошлась пуховкой по щекам. Она теперь стояла у окна и уныло глядела на серую кошку, прогуливавшуюся по серому забору вдоль серого двора. Завтра Рождество, а у неё только один доллар восемьдесят семь центов на подарок Джиму! Долгие месяцы она выгадывала буквально каждый цент, и вот всё, чего она достигла. На двадцать долларов в неделю далеко не уедешь. Расходы оказались больше, чем она рассчитывала. С расходами всегда так бывает. Только доллар восемьдесят семь центов на подарок Джиму! Её Джиму! Сколько радостных часов она провела, придумывая, что бы такое ему подарить к Рождеству. Что-нибудь совсем особенное, редкостное, драгоценное, что-нибудь, хоть чуть-чуть достойное высокой чести принадлежать Джиму.

В простенке между окнами стояло трюмо. Вам никогда не приходилось смотреться в трюмо восьмидолларовой меблированной квартиры? Очень худой и очень подвижный человек может, наблюдая последовательную смену отражений в его узких створках, составить себе довольно точное представление о собственной внешности. Делле, которая была хрупкого сложения, удалось овладеть этим искусством.

Она вдруг отскочила от окна и бросилась к зеркалу. Глаза её сверкали, но с лица за двадцать секунд сбежали краски. Быстрым движением она вытащила шпильки и распустила волосы.

Надо вам сказать, что у четы Джеймс Диллингхем Юнг было два сокровища, составлявших предмет их гордости. Одно — золотые часы Джима, принадлежавшие его отцу и деду, другое — волосы Деллы. Если бы царица Савская проживала в доме напротив, Делла, помыв голову, непременно просушивала бы у окна распущенные волосы — специально для того, чтобы заставить померкнуть все наряды и украшения её величества. Если бы царь Соломон служил в том же доме швейцаром и хранил в подвале все свои богатства, Джим, проходя мимо, всякий раз доставал бы часы из кармана — специально для того, чтобы увидеть, как он рвёт на себе бороду от зависти.

И вот прекрасные волосы Деллы рассыпались, блестя и переливаясь, точно струи каштанового водопада. Они спускались ниже колен и плащом окутывали почти всю её фигуру. Но она тотчас же, нервничая и торопясь, принялась снова подбирать их. Потом, словно заколебавшись, с минуту стояла неподвижно, и две или три слезинки упали на ветхий красный ковер.

Старенький коричневый жакет на плечи, старенькую коричневую шляпку на голову — и, взметнув юбками, сверкнув невысохшими блёстками в глазах, она уже мчалась вниз, на улицу.

Вывеска, у которой она остановилась, гласила: «*M me Sophronie. Всевозможные изделия из волос*».

Делла взбежала на второй этаж и остановилась, с трудом переводя дух.

— Не купите ли вы мои волосы? — спросила она у мадам.

— Я покупаю волосы, — ответила мадам. — Снимите шляпку, надо посмотреть товар.

Снова заструился каштановый водопад.

— Двадцать долларов, — сказала мадам, привычно взвешивая на руке густую массу.

— Давайте скорее, — сказала Делла.

Следующие два часа пролетели на розовых крыльях — прошу прощенья за избитую метафору. Делла рыскала по магазинам в поисках подарка для Джима.

Наконец она нашла. Без сомнения, это было создано для Джима, и только для него. Ничего подобного не нашлось в других магазинах, а уж она всё в них перевернула вверх дном. Это была платиновая цепочка для карманных часов, простого и строгого рисунка, пленявшая истинными своими качествами, а не показным блеском, — такими и должны быть все хорошие вещи. Её, пожалуй, даже можно было признать достойной часов. Как только Делла увидела её, она поняла, что цепочка должна принадлежать Джиму. Она была такая же, как сам Джим. Скромность и достоинство — эти качества отличали обоих. Двадцать один доллар пришлось уплатить в кассу, и Делла поспешила домой с восемьюдесятью семью центами в кармане. При такой цепочке

Джиму в любом обществе не зазорно будет поинтересоваться, который час. Как ни великолепны были его часы, а смотрел он на них часто украдкой, потому что они висели на дрянном кожаном ремешке.

Дома оживление Деллы поулеглось и уступило место предусмотрительности и расчёту. Она достала щипцы для завивки, зажгла газ и принялась исправлять разрушения, причинённые великодушием в сочетании с любовью. А это всегда тягчайший труд, друзья мои, исполинский труд.

Не прошло и сорока минут, как её голова покрылась крутыми мелкими локончиками, которые сделали её удивительно похожей на мальчишку, удравшего с уроков. Она посмотрела на себя в зеркало долгим, внимательным и критическим взглядом.

«Ну, — сказала она себе, — если Джим не убьёт меня сразу, как только взглянет, он решит, что я похожа на хористку с Кони-Айленда. Но что же мне было делать, ах, что же мне было делать, раз у меня был только доллар и восемьдесят семь центов!»

В семь часов кофе был сварен, и раскаленная сковорода стояла на газовой плите, дожидаясь бараньих котлеток.

Джим никогда не запаздывал. Делла зажала платиновую цепочку в руке и уселась на краешек стула поближе к входной двери. Вскоре она услышала его шаги внизу на лестнице и на мгновение побледнела. У неё была привычка обращаться к Богу с коротенькими молитвами по поводу всяких житейских мелочей, и она торопливо зашептала:

— Господи, сделай так, чтобы я ему не разонравилась!

Дверь створилась, Джим вошёл и закрыл её за собой. У него было худое, озабоченное лицо. Нелёгкое дело в двадцать два года быть обременённым семьей! Ему уже давно нужно было новое пальто, и руки мёрзли без перчаток.

Джим неподвижно замер у дверей, точно сеттер, учуявший перепела. Его глаза остановились на Делле с выражением, которого она не могла понять, и ей стало страшно. Это не был ни гнев, ни удивление, ни упрек, ни ужас — ни одного из тех чувств, которых можно было бы ожидать. Он просто смотрел на неё, не отрывая взгляда, и лицо его не меняло своего странного выражения.

Делла соскочила со стола и бросилась к нему.

— Джим, милый, — закричала она, — не смотри на меня так! Я остригла волосы и продала их, потому что я не пережила бы, если б мне нечего было подарить тебе к Рождеству. Они опять отрастут. Ты ведь не сердишься, правда? Я не могла иначе. У меня очень быстро растут волосы. Ну, поздравь меня с Рождеством, Джим, и давай радоваться празднику. Если б ты знал, какой я тебе подарок приготовила, какой замечательный, чудесный подарок!

— Ты остригла волосы? — спросил Джим с напряжением, как будто, несмотря на усиленную работу мозга, он всё ещё не мог осознать этот факт.

— Да, остригла и продала, — сказала Делла. — Но ведь ты меня всё равно будешь любить? Я ведь всё та же, хоть и с короткими волосами.

Джим недоуменно оглядел комнату.

— Так, значит, твоих кос уже нет? — спросил он с бессмысленной настойчивостью.

— Не ищи, ты их не найдёшь, — сказала Делла. — Я же тебе говорю: я их продала — остригла и продала. Сегодня сочельник, Джим. Будь со мной поласковее, потому что я это сделала для тебя. Может быть, волосы на моей голове и можно пересчитать, — продолжала она, и её нежный голос вдруг зазвучал серьёзно, — но никто, никто не мог бы измерить мою любовь к тебе! Жарить котлеты, Джим?

И Джим вышел из оцепенения. Он заключил свою Деллу в объятия. Будем скромны и на несколько секунд займёмся рассмотрением какого-нибудь стороннего предмета. Что больше — восемь долларов в неделю или миллион в год? Математик или мудрец дадут вам неправильный ответ. Волхвы принесли драгоценные дары, но среди них не было одного. Впрочем, эти туманные намёки будут разъяснены далее.

Джим достал из кармана пальто свёрток и бросил его на стол.

— Не пойми меня ложно, Делла, — сказал он. — Никакая причёска и стрижка не могут заставить меня разлюбить мою девочку. Но разверни этот свёрток, и тогда ты поймешь, почему я в первую минуту немножко оторопел.

Белые проворные пальчики рванули бечёвку и бумагу. Последовал крик восторга, тотчас же — увы! — чисто по-женски сменившийся потоком слёз и стонов, так что потребовалось немедленно применить все успокоительные средства, имевшиеся в распоряжении хозяина дома.

Ибо на столе лежали гребни, тот самый набор гребней — один задний и два боковых, — которым Делла давно уже благоговейно любовалась в одной витрине Бродвея. Чудесные гребни, настоящие черепаховые, с вделанными в края блестящими камешками, и как раз под цвет её каштановых волос. Они стоили дорого — Делла знала это, — и сердце её долго изнывало и томилось от несбыточного желания обладать ими. И вот теперь они принадлежали ей, но нет уже прекрасных кос, которые украсил бы их вожделенный блеск.

Всё же она прижала гребни к груди и, когда, наконец, нашла в себе силы поднять голову и улыбнуться сквозь слёзы, сказала:

— У меня очень быстро растут волосы, Джим!

Тут она вдруг подскочила, как ошпаренный котенок, и воскликнула:

— Ах, Боже мой!

Ведь Джим ещё не видел её замечательного подарка. Она поспешно протянула ему цепочку на раскрытой ладони. Матовый драгоценный металл, казалось, заиграл в лучах её бурной и искренней радости.

— Разве не прелесть, Джим? Я весь город обегала, покуда нашла это. Теперь можешь хоть сто раз в день смотреть, который час. Дай-ка мне часы. Я хочу посмотреть, как это будет выглядеть всё вместе.

Но Джим, вместо того чтобы послушаться, лёг на кушетку, подложил обе руки под голову и улыбнулся.

— Делла, — сказал он, — придётся нам пока спрятать наши подарки, пусть полежат немножко. Они для нас сейчас слишком хороши.

Часы я продал, чтобы купить тебе гребни. А теперь, пожалуй, самое время жарить котлеты.

Волхвы, те, что принесли дары младенцу в яслях, были, как известно, мудрые, удивительно мудрые люди. Они-то и завели моду делать рождественские подарки. И так как они были мудры, то и дары их были мудры, может быть, даже с оговоренным правом обмена в случае непригодности. А я тут рассказал вам ничем не примечательную историю про двух глупых детей из восьмидолларовой квартирки, которые самым немудрым образом пожертвовали друг для друга своими величайшими сокровищами. Но да будет сказано в назидание мудрецам наших дней, что из всех дарителей эти двое были мудрейшими. Из всех, кто подносит и принимает дары, истинно мудры лишь подобные им. Везде и всюду. Они и есть волхвы.

Перевод Е. Калашниковой

ВОПРОСЫ И ЗАДАНИЯ

ПОДЕЛИМСЯ ПЕРВЫМИ ВПЕЧАТЛЕНИЯМИ

1. Какие мысли и чувства вызывает история, описанная О. Генри в новелле «Дары волхвов»?
2. Если бы вам представилась возможность экранизировать это произведение, то актёров с каким исполнительским дарованием вы пригласили бы на роли Деллы и Джима?

УГЛУБИМСЯ В ТЕКСТ НОВЕЛЛЫ

3. Определите, в чём проявляется авторское отношение к героям новеллы. (Обратите внимание на то, как писатель рисует их портреты, описывает поступки и переживания, какой речью их наделяет.)
4. Чем открыто восхищается автор в конце новеллы? Почему он называет Деллу и Джима мудрейшими дарителями?
5. Прочитайте выразительно в лицах диалог Деллы и Джима. Инсценируйте его.
6. О каких вечных человеческих ценностях напоминает нам новелла О. Генри «Дары волхвов»?

Для самостоятельной работы

7. Подготовьте аргументированный ответ на вопрос: почему произведение «Дары волхвов» О. Генри мы относим к жанру новеллы?
8. Подготовьте устное выборочное изложение (см. с. 202) на одну из тем: «Подарок к Рождеству для любимой Деллы» или «Подарок к Рождеству для любимого Джима».

Для будущих филологов

Расскажите об отличительных особенностях новелл О. Генри (на примере двух новелл).

УЧИМСЯ БЫТЬ ЧИТАТЕЛЯМИ

О НОВЕЛЛЕ

Новелла (от итал. *novella* — новость) — небольшое прозаическое произведение, близкое по объёму к рассказу. От рассказа новелла отличается остротой и необычностью сюжета.

Удивительное событие, описанное О. Генри в новелле «Дары волхвов», происходит накануне Рождества. Юные молодожёны Делла и Джим имеют такие скромные доходы, которые не позволяют им порадовать друг друга подарками к празднику. И вдруг сюжет приобретает неожиданный поворот: Делле пришла в голову мысль отрезать свои роскошные длинные волосы и продать их. Она решительно осуществляет задуманное и покупает на вырученные деньги великолепный, как ей кажется, подарок для Джима — изящную платиновую цепочку к его золотым часам. Эффект, произведённый на Джима новой причёской Деллы, — это ещё далеко не всё, что пришлось пережить героям в этот вечер.

Для новеллы характерны также резкие противопоставления и внезапные превращения одной ситуации в другую. Всё это ярко проявляется в новелле «Дары волхвов». Джим понимает, наконец, что Делла лишилась своих прекрасных волос, чтобы сделать ему подарок к Рождеству. В то же время поражена и Делла, увидев подарок Джима — набор дорогих черепаховых гребней, о которых она так мечтала. Но зачем они ей теперь, когда волосы отрезаны! Как видим, здесь налицо явное противопоставление, заостряющее интерес читателей к описываемому событию. Однако этим история не кончается. Далее выясняется, что подарок Деллы (платиновая цепочка) оказывается неуместным, так как Джим продал свои золотые часы, чтобы купить гребни для Деллы. Желая порадовать друг друга, каждый из них расстался со своим единственным сокровищем.

Новелле свойственны выразительность деталей и краткость изложения. Как много говорят читателю в новелле «Дары волхвов», например, такие подробности: «ящик для писем, в щель которого не протиснулось бы ни одно письмо, и кнопка электрического звонка, из которой ни одному смертному не удалось бы выдавить ни звука». Нам сразу становится понятно, каковы условия жизни молодых людей, снимающих комнату за восемь долларов в неделю.

Все эти особенности новеллы обостряют внимание и интерес читателей к произведению, вызывают яркие, незабываемые впечатления.

Закрепим новые знания

1. Каковы отличительные особенности жанра новеллы?
2. Какие новеллы О. Генри, Эдгара По вы прочитали самостоятельно? Какие из них вам особенно понравились и запомнились?

Учимся работать самостоятельно над текстом художественного произведения

Подготовка выборочного изложения с выражением собственного отношения к герою

Создать выборочное изложение по изученному художественному произведению — значит кратко передать только то содержание, которое соответствует предложенной теме. Например, тема выборочного изложения «Подарок к Рождеству для любимого Джима» предполагает краткое изложение той части сюжета новеллы «Дары волхвов», где описывается, как Делла готовит подарок Джиму.

Выделить наиболее важные моменты для раскрытия темы изложения поможет составленный план к нему. В предложенной теме план удобно составить, используя выражения из самого текста новеллы, например:

1. «Завтра Рождество...»
2. «Прекрасные волосы Деллы...»
3. «— Не купите ли вы мои волосы?»
4. «Это была платиновая цепочка для карманных часов».
5. «— Я не могла иначе. У меня очень быстро растут волосы».
6. «Она поспешно протянула ему цепочку на раскрытой ладони».

Выборочное изложение требует связного пересказывания содержания своими словами с опорой на художественный текст. В свою речь необходимо вводить словосочетания или целые предложения из текста.

В заключении важно не только высказать, но и объяснить своё отношение к герою (героине).

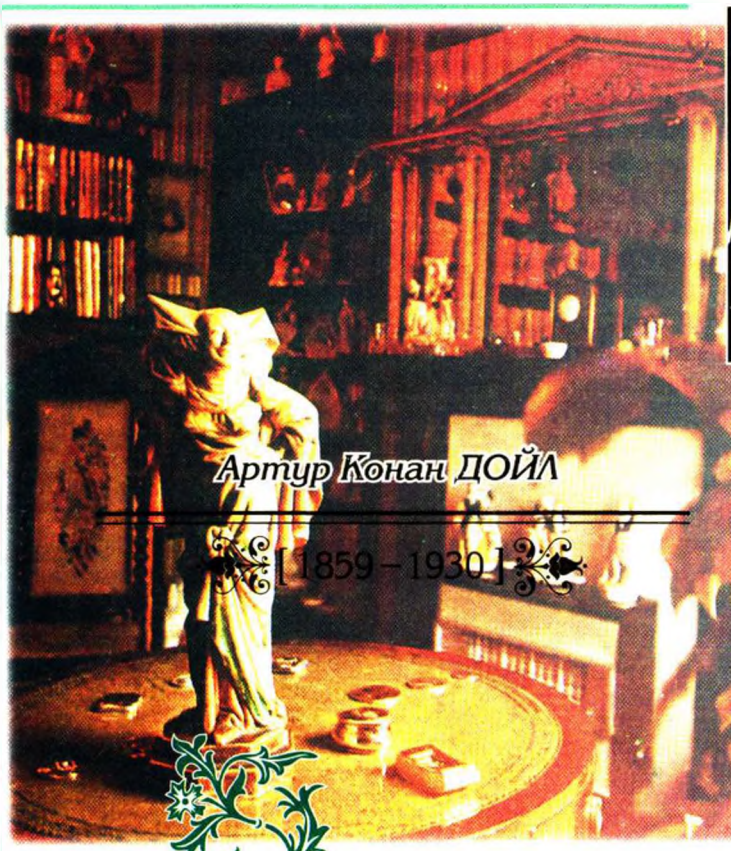
Итак, для успешной подготовки выборочного изложения нужно помнить следующее:

1. Продумать тему изложения и отобрать соответствующий ей художественный текст произведения.

2. Составить план, отметив самое важное и существенное для раскрытия темы выборочного изложения.

3. Кратко и связно излагать содержание, опираясь на художественный текст.

4. Выразить своё аргументированное отношение к герою.



Артур Конан ДОЙЛ

[1859 – 1930]

Ценили и ценят Конана Дойла за талант увлекательного рассказчика, за его жизнелюбие и веру в человека и его разум... за серьёзное отношение к писательскому труду и уважение к читателю, который любит занимательное чтение.

М. Урнов

Артур Конан Дойл... У абсолютного большинства читателей это имя вызывает в памяти героя многих его произведений — Шерлока Холмса. На доме, где родился писатель, имеется надпись: «Создатель Шерлока Холмса».

А. К. Дойл родился 22 мая 1859 года в Эдинбурге. Его отец Чарльз Элтимонт Дойл, архитектор и художник, служил клерком в конторе; натура одарённая, творческая, он был совершенно непрактичным в жизни.

Большую роль в жизни писателя играла его мать Мери Фоли. Об этом свидетельствует их переписка, очень сердечная и обширная: сохранилось до полутора тысяч писем А. К. Дойла к матери.

«Настоящая любовь к литературе, склонность к сочинительству, — писал Артур Конан Дойл, — идёт у меня, я считаю, от матери. Если я что-нибудь и помню со времён моего раннего детства, так это её увлекательные рассказы, которые сохраняются у меня в памяти столь живо, что заслоняют даже действительные события моего существования тех лет. Она не только была и есть удивительный рассказчик, но владела, я помню, так искусно умением понижать голос до устрашающего шёпота, что у меня и теперь пробегают мурашки по коже, когда я вспоминаю об этом. Я убеждаюсь, оглядываясь на прошлое, что именно стремление воспроизвести эти рассказы детства дало толчок к развитию моей собственной фантазии».

Услышанное от матери, прочитанное, игра пробудившегося воображения — всё это просилось наружу, и юный Дойл занимал устными повествованиями своих товарищей. Он выдумывал захватывающие истории, в которых происходили битвы, схватки, лилась кровь и свершались подвиги.

А. К. Дойл решил стать врачом и поступил на медицинский факультет Эдинбургского университета. Занимался успешно, но не забывал о литературе. Будучи студентом, опубликовал рассказ «Тайна Сэсасской долины» и «Американскую повесть».

В университете Конан Дойл встретил людей, многие из которых станут персонажами его произведений. Один из них — Джордж Бадд, студент Эдинбургского университета, впоследствии доктор. Когда из-под пера Дойла явиться прославленный сыщик Шерлок Холмс, он получит свою неукротимую энергию от Джорджа Бадда. Другой — Вильям Резерфорд, профессор анатомии Эдинбургского университета. От него для Шерлока Холмса взяты некоторые чудачества. Лекции Резерфорд начинал уже в коридоре, не дойдя ещё в аудиторию. Это было одно из безобидных чудачеств, которые числились за профессором.

Особенно важное лицо — доктор Джозеф Белл. С него, по мнению многих, «списан» Шерлок Холмс. Исключительная наблюдательность Белла, также преподававшего в Эдинбургском университете, его умение «прочитать» биографию человека, разгадать его прежнюю жизнь по внешности, одежде, речи, жестам и подсказали будто бы писателю удивительную проницательность Шерлока Холмса.

Каникулы предпоследнего года обучения в университете Артур Конан Дойл провёл в плавании. Ему повезло, и он попал корабельным врачом на судно, шедшее в арктические воды. Через два года Дойл снова отправился в плавание, на этот раз он повидал Западную Африку.

С 1891 года А. К. Дойл оставил поприще врача. Литература стала для него профессией. Он продолжал путешествовать. Ездил по Европе, пересёк океан и посетил Соединённые Штаты Америки, где выступал с публичными лекциями и чтением своих произведений, был в Египте.

А. К. Дойла влекли и история, и моря, и страны, а главное — желание неожиданно открыть средь бела дня тайну, проникнуть в необычайный мир.

Произведения о Шерлоке Холмсе составляют четыре романа (так называл их автор, но, точнее сказать, это повести: «Этюд в багровых

тонах», «Знак четырёх», «Собака Баскервилей», «Долина страха») и пять сборников рассказов. Артур Конан Дойл — автор семидесяти книг, среди которых: рассказы, повести, романы (приключенческие, фантастические, исторические), путевые очерки, стихотворения, воспоминания.

По М. Урнову

1. Кто способствовал появлению знаменитого героя произведений А. К. Дойла — сыщика Шерлока Холмса?
2. Что вы читали о Шерлоке Холмсе? Какие вы видели фильмы об этом знаменитом детективе?

ЭТО ИНТЕРЕСНО

Особенно интересны для будущего «создателя Шерлока Холмса» были занятия с доктором Беллом. Белл пользовался в Эдинбурге всеобщей популярностью. Сохранилось немало рассказов о том, как умел он сам и как учил студентов «разгадывать» людей.

— Что с этим человеком, сэр? — вопрошал он дрожащего студента. — Посмотрите-ка на него получше! Нет! Не прикасайтесь к нему. Пользуйтесь глазами, сэр! Да, пользуйтесь глазами, действуйте мозгом!..

Оригинальная одарённость Белла подкреплялась его большим медицинским опытом. Главный хирург Королевской лечебницы в Эдинбурге, он начинал некогда санитаром. Из своего огромного профессионального багажа он искусно подбирал «ключ» к характеру и недугу пациента.

Вот его рассуждение: «Перед вами рыбак, господа! Это можно сразу заметить, если учесть, что даже в столь жаркий день наш пациент носит высокие сапоги. Кроме моряка, никто не станет в такое время года носить высокие сапоги. Загар на его лице говорит о том, что это сухопутный, прибрежный моряк, а не моряк дальнего плавания, открывающий новые земли. Загар этот явно возник в одном климате, местный загар, так сказать. За щекой у него жевательный табак, и он управляется с ним весьма уверенно. Свод всех этих умозаключений позволяет считать, что этот человек — рыбак. Далее, об этом свидетельствуют рыбьи чешуйки, уцепившиеся за его одежду и налипшие ему на руки. И, наконец, специфический запах позволяет судить о занятии с особенной определенностью». И доктор Белл редко ошибался.

По М. Урнову

ГОЛУБОЙ КАРБУНКУЛ

На третий день Рождества зашёл я к Шерлоку Холмсу, чтобы поздравить его с праздником. Он лежал на кушетке в красном халате; по правую руку от него была подставка для трубок, а по левую — груда помятых утренних газет, которые он, видимо, только что просматривал. Рядом с кушеткой стоял стул, на его спинке висела сильно поношенная, потерявшая вид фетровая шляпа. Холмс, должно быть, очень внимательно изучал эту шляпу, так как тут же, на сиденье стула, лежали пинцет и лупа.

— Вы заняты? — сказал я. — Я вам не помешал?

— Нисколько, — ответил он. — Я рад, что у меня есть друг, с которым я могу обсудить результаты некоторых моих изысканий. Дельце весьма заурядное, но с этой вещью, — он ткнул большим пальцем в сторону шляпы, — связаны кое-какие любопытные и даже поучительные события.

Я уселся в кресло и стал греть руки у камина, где потрескивал огонь. Был сильный мороз; окна покрылись плотными ледяными узорами.

— Хотя эта шляпа кажется очень невзрачной, она, должно быть, связана с какой-нибудь кровавой историей, — заметил я. — Очевидно, она послужит ключом к разгадке страшной тайны, и благодаря ей вам удастся изобличить и наказать преступника.

— Нет, — засмеялся Шерлок Холмс, — тут не преступление, а мелкий, смешной эпизод, который всегда может произойти там, где четыре миллиона человек толкутся на площади в несколько квадратных миль. В таком колоссальном человеческом улье возможны любые комбинации событий и фактов, возникает масса незначительных, но загадочных и странных происшествий, хотя ничего преступного в них нет. Нам уже приходилось сталкиваться с подобными случаями.

— Ещё бы! — воскликнул я. — Из последних шести эпизодов, которыми я пополнил свои записки, три не содержат ничего беззаконного.

— Совершенно верно. Вы имеете в виду мои попытки обнаружить бумаги Ирен Адлер, интересный случай с мисс Мэри Сазерлэнд и приключения человека с рассечённой губой. Не сомневаюсь, что и это дело окажется столь же невинным. Вы знаете Питерсона, посыльного?

— Да.

— Этот трофей принадлежит ему.

— Это его шляпа?

— Нет, он нашёл её. Владелец её неизвестен. Я прошу вас рассматривать эту шляпу не как старую рухлядь, а как предмет, таящий в себе серьёзную задачу... Однако прежде всего, как эта шляпа попала сюда. Она появилась в первый день Рождества вместе с отличным жирным гусем, который в данный момент наверняка жарится у Питерсона на кухне. Произошло это так. На Рождество, в четыре часа утра, Питерсон, человек, как вы знаете, благородный и честный, возвращался с пирушки домой по улице Тоттенхем-Кортроуд. При свете

газового фонаря он заметил, что перед ним, слегка пошатываясь, идет какой-то высокий субъект и несёт на плече белоснежного гуся. На углу Гуджстрит к незнакомцу пристали хулиганы. Один из них сбил с него шляпу, а незнакомец, отбиваясь, размахнулся палкой и попал в витрину магазина, оказавшуюся у него за спиной. Питерсон кинулся вперёд, чтобы защитить его, но тот, испуганный тем, что разбил стекло, увидев бегущего к нему человека, бросил гуся, помчался со всех ног и исчез в лабиринте небольших переулков, лежащих позади Тоттенхем-Кортроуд. Питерсон был в форме, и это, должно быть, больше всего и напугало беглеца. Хулиганы тоже разбежались, и посыльный остался один на поле битвы, оказавшись обладателем этой помятой шляпы и превосходного рождественского гуся...

— Которого Питерсон, конечно, возвратил незнакомцу?

— В том-то загвоздка, дорогой друг. Правда, на карточке, привязанной к левой лапке гуся, было написано: «Для миссис Генри Бейкер», а на подкладке шляпы можно разобрать инициалы «Г. Б.». Но в Лондоне живет несколько тысяч Бейкеров и несколько сот Генри Бейкеров, так что нелегко вернуть потерянную собственность одному из них.

— Что же сделал Питерсон?

— Зная, что меня занимает решение даже самых ничтожных загадок, он попросту принёс мне и гуся, и шляпу. Гуся мы продержали вплоть до сегодняшнего утра, когда стало ясно, что, несмотря на мороз, его все же лучше незамедлительно съесть. Питерсон унёс гуся, и с гусем произошло то, к чему он уготован судьбой, а у меня осталась шляпа незнакомца, потерявшего свой рождественский ужин.

— Он не помещал объявления в газете?

— Нет.

— Как же вы узнаете, кто он?

— Только путём размышлений.

— Размышлений над этой шляпой?

— Конечно.

— Вы шутите! Что можно извлечь из этого старого, рваного фетра?

— Вот лупа. Попробуйте применить мой метод. Что вы можете сказать о челсвеке, которому принадлежала эта шляпа?

Я взял рваную шляпу и уныло повертел её в руках. Самая обыкновенная чёрная круглая шляпа, жёсткая, сильно поношенная. Шёлковая подкладка, некогда красная, теперь выцвела. Фабричную марку мне обнаружить не удалось, но, как и сказал Холмс, внутри сбоку виднелись инициалы «Г. Б.». На полях я заметил петельку для придерживавшей шляпу резинки, но самой резинки не оказалось. Вообще шляпа была мятая, грязная, покрытая пятнами. Впрочем, заметны были попытки замазать эти пятна чернилами.

— Я ничего в ней не вижу, — сказал я, возвращая шляпу Шерлоку Холмсу.

— Нет, Уотсон, видите, но не даёте себе труда поразмыслить над тем, что видите. Вы слишком робки в своих логических выводах.

— Тогда, пожалуйста, скажите, какие же выводы делаете вы?

Холмс взял шляпу в руки и стал пристально разглядывать её проницательным взглядом, свойственным ему одному.

— Конечно, не всё достаточно ясно, — заметил он, — но кое-что можно установить наверняка, а кое-что предположить с разумной долей вероятия. Совершенно очевидно, например, что владелец её — человек большого ума и что три года назад у него были изрядные деньги, а теперь настали чёрные дни. Он всегда был предусмотрителен и заботился о завтрашнем дне, но мало-помалу опустился, благосостояние его упало, и мы вправе предположить, что он пристрастился к какому-нибудь пороку, — быть может, к пьянству. По-видимому, из-за этого и жена его разлюбила...

— Дорогой Холмс...

— Но в какой-то степени он ещё сохранял своё достоинство, — продолжал Холмс, не обращая внимания на моё восклицание. — Он ведёт сидячий образ жизни, редко выходит из дому, совершенно не занимается спортом. Это человек средних лет, у него седые волосы, он мажет их помадой и недавно постригся. Вдобавок я почти уверен, что в доме у него нет газового освещения.

— Вы, конечно, шутите, Холмс.

— Ничуть. Неужели даже теперь, когда я всё рассказал, вы не понимаете, как я узнал об этом?

— Считайте меня идиотом, но я должен признаться, что я не в состоянии уследить за ходом ваших мыслей. Например, откуда вы взяли, что он умён?

Вместо ответа Холмс нахлобучил шапку себе на голову. Шляпа закрыла его лоб и упёрлась в переносицу.

— Видите, какой размер! — сказал он. — Не может же быть совершенно пустым такой большой череп.

— Ну, а откуда вы взяли, что он обеднел?

— Этой шляпе три года. Тогда были модными плоские поля, загнутые по краям. Шляпа лучшего качества. Взгляните-ка на эту шёлковую ленту, на превосходную подкладку. Если три года назад человек был в состоянии купить столь дорогую шляпу и с тех пор не покупал ни одной, значит, дела у него пошатнулись.

— Ну ладно, в этом, пожалуй, вы правы. Но откуда вы могли узнать, что он человек предусмотрительный, а в настоящее время переживает душевный упадок?

— Предусмотрительность — вот она, — сказал он, показывая на петельку от шляпной резинки.— Резинки не продают вместе со шляпой, их нужно покупать отдельно. Раз этот человек купил резинку и велел крепить к шляпе, значит, он заботился о том, чтобы уберечь её от ветра. Но когда резинка оторвалась, а он не стал прилаживать новую, это значит, что он перестал следить за своей наружностью, опустился. Однако, с другой стороны, он пытался замазать чернилами пятна на шляпе, то есть не окончательно потерял чувство собственного достоинства.

— Всё это очень похоже на правду.

— Что он человек средних лет, что у него седина, что он недавно стригся, что он помадит волосы — всё станет ясным, если внимательно посмотреть на нижнюю часть подкладки в шляпе. В лупу видны приставшие к подкладке волосы, аккуратно срезанные ножницами парикмахера и пахнущие помадой. Заметьте, что пыль на шляпе не уличная — серая и жесткая, а домашняя — бурая, душистая. Значит, шляпа большей частью висела дома. А следы влажности на внутренней её стороне говорят о том, как быстро потеет её владелец, потому что он не привык много двигаться.

— А как вы узнали, что его разлюбила жена?

— Шляпа не чищена несколько недель. Мой дорогой Уотсон, если бы я увидел, что ваша шляпа не чищена хотя бы неделю и вам позволяют выходить в таком виде, у меня появилось бы опасение, что вы имели несчастье утратить расположение вашей супруги.

— А может быть, он холостяк?

— Нет, он нёс гуся домой именно для того, чтобы задобрить жену. Вспомните карточку, привязанную к лапке птицы.

— У вас на всё готов ответ. Но откуда вы знаете, что в его доме нет газа?

— Одно-два сальных пятна на шляпе — случайность. Но когда я вижу их не меньше пяти, я не сомневаюсь, что человеку часто приходится пользоваться сальной свечой, — может быть, он поднимается ночью по лестнице, держа в одной руке шляпу, а в другой оплывшую свечу. Во всяком случае, от газа не бывает сальных пятен... Вы согласны со мной?

— Да, всё это очень остроумно, — смеясь, сказал я. — Но, как вы сами сказали, тут ещё нет преступления. Никто не пострадал — разве что человек, потерявший гуся, — значит, вы ломали себе голову зря.

Шерлок Холмс раскрыл было рот для ответа, но в это мгновение дверь распахнулась и в комнату влетел Питерсон; щёки у него буквально пылали от волнения.

— Гусь-то, гусь, мистер Холмс! — задыхаясь, прокричал он.

— Ну? Что с ним такое? Ожил он, что ли, и вылетел в кухонное окно? — Холмс повернулся на кушетке, чтобы лучше всмотреться в возбуждённое лицо Питерсона.

— Посмотрите, сэр! Посмотрите, что жена нашла у него в зобу!

Питерсон протянул руку, и на ладони его мы увидели ярко сверкающий голубой камень чуть поменьше горошины. Камень был такой чистой воды, что светился на темной ладони, точно электрическая искра.

Холмс присвистнул.

— Честное слово, Питерсон, вы нашли сокровище! Надеюсь, вы понимаете, что это такое?

— Алмаз, сэр! Драгоценный камень! Он режет стекло, словно масло!

— Не просто драгоценный камень — это тот самый камень, который...

— Неужели голубой карбункул графини Моркар? — воскликнул я.

— Конечно! Узнаю камень по описаниям, последнее время я каждый день вижу объявления о его пропаже в «Таймс». Камень этот единственный в своём роде, и можно только догадываться о его настоящей цене. Награда в тысячу фунтов, которую предлагают нашедшему, едва ли составляет двадцатую долю его стоимости.

— Тысяча фунтов! О Боже!

Посыльный бухнулся в кресло, изумлённо тараща на нас глаза.

— Награда наградой, но у меня есть основания думать, — сказал Холмс, — что по некоторым соображениям графиня отдаст половину всех своих богатств, только бы вернуть этот камень.

— Если память мне не изменяет, он пропал в гостинице «Космополитен», — заметил я.

— Совершенно верно, двадцать второго декабря, ровно пять дней назад. В краже этого камня обвинён Джон Хорнер, паяльщик. Улики против него так серьёзны, что дело направлено в суд. Кажется, у меня есть об этом деле газетный отчёт.

Шерлок Холмс долго рылся в газетах, наконец вытащил одну, разгладил её, сложил пополам и прочитал следующее:

Кража драгоценности в отеле «Космополитен»

Джон Хорнер, 26 лет, паяльщик, обвиняется в том, что 22 сего месяца похитил у графини Моркар из шкатулки драгоценный камень, известный под названием «Голубой карбункул». Джеймс Райдер, служащий отеля, показал, что в день кражи Хорнер припаивал расшатанный прут каминной решётки в комнате графини Моркар. Некоторое время Райдер находился в комнате с Хорнером, но потом его куда-то вызвали. Возвратившись, он увидел, что Хорнер исчез, бюро взломано и маленький сафьяновый футляр, в котором, как выяснилось впоследствии, графиня имела обыкновение держать драгоценный камень, валялся пустой на туалетном столике. Райдер сейчас же сообщил в полицию, и в тот же вечер Хорнер был арестован, но камня не нашли ни при нём, ни у него дома. Кэтрин Кьюсек, горничная графини, показала, что, услышав отчаянный крик Райдера, она вбежала в комнату и тоже увидела пустой футляр. Полицейский инспектор Брод-стрит из округа «Б» сообщил, что Хорнер отчаянно сопротивлялся при аресте и горячо доказывал свою невиновность. Поскольку стало известно, что арестованный и прежде судился за кражу, судья отказался разбирать дело и передал его суду присяжных. Хорнер, всё время выказывавший признаки сильнейшего волнения, упал в обморок и был вынесен из зала суда.

— Гм! Вот и всё, что даёт нам полицейский суд, — задумчиво сказал Холмс, откладывая газету. — Наша задача теперь — выяснить, каким образом из футляра графини камень попал в гусиный зоб. Видите, Уотсон, наши скромные размышления оказались не такими уж незначительными. Итак, вот камень. Этот камень был в гусе, а гусь был у мистера Генри Бейкера, у того самого обладателя старой

шляпы, которого я пытался охарактеризовать, чем и нагнал на вас невыносимую скуку. Что ж, теперь мы должны серьёзно заняться розысками этого джентльмена и установить, какую роль он играл в таинственном происшествии. Прежде всего испробуем самый простой способ: напечатаем объявление во всех вечерних газетах. Если таким путём не достигнем цели, прибегнем к иным методам.

— Что вы напишете в объявлении?

— Дайте мне карандаш и клочок бумаги. «На углу Гудж-стрит найдены гусь и чёрная фетровая шляпа. Мистер Генри Бейкер может получить их сегодня на Бейкер-стрит, 221-б в 6. 30 вечера». Коротко и ясно.

— Весьма. Но заметит ли он объявление?

— Конечно. Он просматривает теперь все газеты: человек он бедный и рождественский гусь для него целое состояние. Он до такой степени был напуган, услышав звон разбитого стекла и увидев бегущего Питерсона, что кинулся бежать, не думая ни о чём. Но потом он, конечно, пожалел, что испугался и бросил гуся. В газете мы упоминаем его имя, и любой знакомый обратит его внимание на нашу публикацию... Так вот, Питерсон, бегите в бюро объявлений, чтобы они поместили эти строки в вечерних газетах.

— В каких, сэр?

— В «Глоб», «Стар», «Пэлл-Мэлл», «Сент-Джеймс газетт», «Ивнинг ньюс стандарт», «Эхо» — во всех, какие придут вам на ум.

— Слушаю, сэр! А как быть с камнем?

— Ах да! Камень я пока оставлю у себя. Благодарю вас. А на обратном пути, Питерсон, купите гуся и принесите его мне. Мы ведь должны дать этому джентльмену гуся взамен того, которым в настоящее время угощается ваша семья.

Посыльный ушёл, а Холмс взял камень и стал рассматривать его на свет.

— Славный камешек! — сказал он. — Взгляните, как он сверкает и искрится. Как и всякий драгоценный камень, он притягивает к себе преступников, словно магнит. Вот уж подлинно ловушка сатаны. В больших старых камнях каждая грань может рассказать о каком-нибудь кровавом злодеянии. Этому камню нет ещё и двадцати лет. Его нашли на берегу реки Амой, в Южном Китае, и замечателен он тем, что имеет все свойства карбункула, кроме одного: он не рубиново-красный, а голубой. Несмотря на его молодость, с ним уже связано много ужасных историй. Из-за сорока гран кристаллического углерода многих ограбили, кого-то облили серной кислотой, было два убийства и одно самоубийство. Кто бы сказал, что такая красивая безделушка ведёт людей в тюрьму и на виселицу! Я запру камень в свой несгораемый шкаф и напишу графине, что он у нас.

— Как вы считаете, Хорнер невиновен?

— Не знаю.

— А Генри Бейкер замешан в это дело?

— Вернее всего, Генри Бейкер здесь ни при чём. Я думаю, ему и в голову не пришло, что, будь этот гусь из чистого золота, он и то стоил

бы дешевле. Всё очень скоро прояснится, если Генри Бейкер откликнется на наше объявление.

— А до тех пор вы ничего не хотите предпринять?

— Ничего.

— В таком случае я навещу своих пациентов, а вечером снова приду сюда. Я хочу знать, чем окончится это запутанное дело.

— Буду рад вас видеть. Я обедаю в семь. Кажется, к обеду будет куропатка. Кстати, в связи с недавними событиями не попросить ли миссис Хадсон тщательно осмотреть её зоб?

Я немного задержался, и было уже больше половины седьмого, когда я снова попал на Бейкер-стрит. Подойдя к дому Холмса, я увидел, что в ярком полукруге света, падавшем из окна над дверью, стоит высокий мужчина в шотландской шапочке и в наглухо застёгнутом до подбородка сюртуке. Как раз в этот момент, когда я подошёл, дверь отперли, и мы одновременно вошли к Шерлоку Холмсу.

— Если не ошибаюсь, мистер Генри Бейкер? — сказал Холмс, поднимаясь с кресла и встречая посетителя с тем непринуждённым радушным видом, который он так умело напускал на себя. — Пожалуйста, присаживайтесь поближе к огню, мистер Бейкер. Вечер сегодня холодный, а мне кажется, лето вы переносите лучше, чем зиму... Уотсон, вы пришли как раз вовремя... Это ваша шляпа, мистер Бейкер?

— Да, сэр, это, несомненно, моя шляпа.

Бейкер был крупный, сутулый человек с большой головой, с широким умным лицом и остроконечной каштановой бородкой. Красноватые пятна на носу и щеках и лёгкое дрожание протянутой руки подтверждали догадку Холмса о его наклонностях. На нём был порыжелый сюртук, застёгнутый на все пуговицы, а на тощих запястьях, торчащих из рукавов, не было видно манжет. Он говорил глухо и отрывисто, старательно подбирая слова, и производил впечатление человека интеллигентного, но сильно помятого жизнью.

— У нас уже несколько дней хранится ваша шляпа и ваш гусь, — сказал Холмс. — Мы ждали, что вы дадите в газете объявление о пропаже. Не понимаю, почему вы этого не сделали.

Наш посетитель смущённо усмехнулся.

— У меня не так много шиллингов, как бывало когда-то, — сказал он. — Я был уверен, что хулиганы, напавшие на меня, унесли с собой и шляпу и птицу, и не хотел тратить деньги по-пустому.

— Вполне естественно. Между прочим, нам ведь пришлось съесть вашего гуся.

— Съесть? — наш посетитель в волнении поднялся со стула.

— Да ведь он всё равно испортился бы, — продолжал Холмс. — Но я полагаю, что вон та птица на буфете, совершенно свежая и того же веса, заменит вам вашего гуся.

— О, конечно, конечно! — ответил мистер Бейкер, облегчённо вздохнув.

— Правда, у нас от вашей птицы остались перья, лапки и зоб, так что, если захотите...

Бейкер от души расхохотался.

— Разве только на память о моем приключении, — сказал он. — Право, не знаю, на что мне могут пригодиться disjecta membra[1] моего покойного знакомца! Нет, сэр, с вашего разрешения, я лучше ограничусь тем превосходным гусем, которого я вижу на буфете.

Шерлок Холмс многозначительно посмотрел на меня и чуть заметно пожал плечами.

— Итак, вот ваша шляпа и ваш гусь, — сказал он. — Кстати, не скажете ли вы мне, где вы достали того гуся? Я кое-что смыслю в птице и, признаться, редко видывал столь откормленный экземпляр.

— Охотно, сэр, — сказал Бейкер, встав и сунув под мышку своего нового гуся. — Наша небольшая компания посещает трактир «Альфа», близ Британского музея, мы, понимаете ли, проводим в музее целый день. В этом году хозяин трактира Уиндигейт, отличный человек, основал «гусиный клуб». Каждый из нас выплачивает по нескольку пенсов в неделю и к Рождеству получает гуся. Я целиком выплатил свою долю, ну, а остальное вам известно. Весьма обязан вам, сэр, ведь неудобно солидному человеку в моём возрасте носить шотландскую шапочку.

Он поклонился нам с комически торжественным видом и ушёл...

— С Генри Бейкером покончено, — сказал Холмс, закрыв за ним дверь. — Совершенно очевидно, что он понятия не имеет о драгоценном камне. Вы очень голодны, Уотсон?

— Не особенно.

— Тогда я предлагаю превратить обед в ужин и немедленно отправиться по горячим следам.

— Я готов.

Был морозный вечер, и нам пришлось надеть пальто и обмотать себе шею шарфом. Звёзды холодно сияли на безоблачном, ясном небе, и пар от дыхания прохожих был похож на дымки от пистолетных выстрелов. Чётко и гулко раздавались по улицам наши шаги. Мы шли по Уимпол-стрит, Харли-стрит, через Уигмор-стрит вышли на Оксфорд-стрит и через четверть часа были в Блумсбери, возле трактира «Альфа», скромного заведения на углу одной из улиц, ведущих к Холборну. Холмс вошел в бар и заказал две кружки пива краснощёкому трактирщику в белом переднике.

— У вас, надо полагать, превосходное пиво, если оно не хуже ваших гусей, — сказал Холмс.

— Моих гусей? — Трактирщик, казалось, был изумлён.

— Да. Полчаса назад я беседовал с мистером Генри Бейкером, членом вашего «гусиного клуба».

— А, понимаю. Но, видите ли, сэр, гуси-то ведь не мои.

— В самом деле? А чьи же?

— Я купил две дюжины гусей у одного торговца в Ковент-Гарден.

— Да ну? Я знаю кое-кого из них. У кого же вы купили?

— Его зовут Брекинридж.

[1] Останки (*латин.*).

— Нет, Брекинриджа я не знаю. Ну, за ваше здоровье, хозяин, и за процветание вашего заведения! Доброй ночи! А теперь к мистеру Брекинриджу, — сказал Холмс, выходя на мороз и застёгивая пальто. — Не забудьте, Уотсон, что на одном конце нашей цепи всего только безобидный гусь, зато к её другому концу прикован человек, которому грозит не меньше семи лет каторги, если мы не докажем его невиновность. Возможно, впрочем, что наши розыски обнаружат, что виноват именно он, но, во всяком случае, в наших руках нить, ускользнувшая от полиции и случайно попавшая к нам. Дойдём же до конца этой нити, как бы печален этот конец ни был. Итак, поворот на юг, и шагом марш!

Мы пересекли Холборн, пошли по Энделл-стрит и через какие-то трущобы вышли на Ковентгарденский рынок. На одной из самых больших лавок было написано: «Брекинридж». Хозяин лавки, человек с лошадиным лицом и холёными бакенбардами, помогал мальчику запирать ставни.

— Добрый вечер! Каков морозец, а? — сказал Холмс.

Торговец кивнул головой, бросив вопросительный взгляд на моего друга.

— Гуси, видно, распроданы? — продолжал Холмс, указывая на пустой мраморный прилавок.

— Завтра утром можете купить хоть пятьсот штук.

— Завтра они мне ни к чему.

— Вон в той лавке, где горит свет, кое-что осталось.

— Да? Но меня направили к вам.

— Кто же?

— Хозяин «Альфы».

— А! Я отослал ему две дюжины.

— Отличные были гуси! Откуда вы их достали?

К моему удивлению, вопрос этот привёл торговца в бешенство.

— А ну-ка, мистер, — сказал он, поднимая голову и упирая руки в бока, — к чему вы клоните? Говорите прямо.

— Я говорю достаточно прямо. Мне хотелось бы знать, кто продаёт вам тех гусей, которых вы поставляете в «Альфу».

— Вот и не скажу.

— Не скажете — и не надо. Велика важность! Чего вы кипятитесь из-за таких пустяков?

— Кипячусь? Небось на моём месте и вы кипятились бы, если бы к вам так приставали! Я плачу хорошие деньги за хороший товар, и, казалось бы, дело с концом. Так нет: «где гуси?», «у кого вы купили гусей?», «кому вы продали гусей?» Можно подумать, что на этих гусях свет клином сошёлся, когда послушаешь, какой из-за них подняли шум!

— Какое мне дело до других, которые пристают к вам с расспросами! — небрежно сказал Холмс. — Не хотите говорить — не надо. Но я понимаю толк в птице и держал пари на пять фунтов стерлингов, что гусь, которого я ел, выкормлен в деревне.

— Вот и пропали ваши фунты! Гусь-то городской! — выпалил торговец.

— Быть не может.

— А я говорю, городской!

— Ни за что не поверю!

— Уж не думаете ли вы, что смыслите в этом деле больше меня? Я ведь этим делом занимаюсь чуть не с пелёнок. Говорю вам, все гуси, проданные в «Альфу», выкормлены в городе.

— И не пытайтесь меня убедить в этом.

— Хотите пари?

— Это означало бы попросту взять у вас деньги. Я уверен, что прав. Но у меня при себе есть соверен, и я готов поставить его, чтобы проучить вас за упрямство.

Торговец ухмыльнулся.

— Принеси-ка мне книги, Билл, — сказал он.

Мальчишка принёс две книги: одну тоненькую, а другую большую, засаленную, и положил их на прилавок под лампой.

— Ну-с, мистер Спорщик, — сказал торговец, — я считал, что сегодня распродал всех гусей, но, ей-ей, Бог занёс ко мне в лавку ещё одного. Видите эту книжку?

— Ну и что же?

— Это список тех, у кого я покупаю товар. Видите? Вот здесь, на этой странице, имена деревенских поставщиков, а цифра после каждой фамилии обозначает страницу в гроссбухе, где ведутся их счета. А эту страницу, исписанную красными чернилами, видите? Это список моих городских поставщиков. Взгляните-ка на третью фамилию. Прочтите её вслух.

— «Миссис Окшотт, Брикстон-роуд, 117, страница 249», — прочёл Холмс.

— Совершенно правильно. Теперь откройте 249-ю страницу в гроссбухе.

Холмс открыл указанную страницу:

— «Миссис Окшотт, Брикстон-роуд, 117 — поставщица дичи и яиц».

— А что гласит последняя запись?

— «Декабрь, двадцать второго. Двадцать четыре гуся по семь шиллингов шесть пенсов».

— Правильно. Запомните это. А внизу?

— «Проданы мистеру Уиндегейту, «Альфа», по двенадцать шиллингов».

— Ну, что вы теперь скажете?

Шерлок Холмс, казалось, был глубоко огорчён. Вынув соверен из кармана, он бросил его на прилавок, повернулся и вышел молча, с расстроенным видом. Однако, пройдя несколько шагов, он остановился под фонарём и рассмеялся своим особенным — весёлым и беззвучным — смехом.

— Если у человека такие бакенбарды и такой красный платок в кармане, у него можно выудить всё что угодно, предложив ему пари, —

сказал он. — Я утверждаю, что и за сто фунтов мне не удалось бы получить у него такие подробные сведенья, какие я получил, побившись с ним об заклад. Итак, Уотсон, мне кажется, что мы почти у цели. Единственное, что нам осталось решить, — пойдём ли мы к этой миссис Окшотт сейчас или отложим наше посещение до утра. Из слов того грубияна ясно, что этим делом интересуется ещё кто-то, и я...

Громкий шум, донёсшийся внезапно из лавки, которую мы только что покинули, не дал Холмсу договорить. Обернувшись, мы увидели в жёлтом свете качающейся лампы какого-то невысокого краснолицего человека. Брекинридж, стоя в дверях лавки, яростно потрясал перед ним кулаками.

— Хватит с меня и вас и ваших гусей! — орал Брекинридж. — Проваливайте вы все к дьяволу! Если вы ещё раз сунетесь ко мне с дурацкими расспросами, я спущу цепную собаку. Приведите сюда миссис Окшотт, ей я отвечу. А вы-то тут при чем? Ваших, что ли, я купил гусей?

— Нет, но всё же один из них мой, — захныкал человек.

— Ну и спрашивайте его тогда с миссис Окшотт!

— Она велела узнать у вас.

— Спрашивайте хоть у прусского короля! С меня хватит! Убирайтесь отсюда! — Он яростно бросился вперёд, и человечек быстро исчез во мраке.

— Ага, нам, кажется, не придётся идти на Брикстон-роуд, — прошептал Холмс. — Пойдём посмотрим, не пригодится ли нам этот субъект.

Пробираясь между кучками ротозеев, бродящих вокруг освещённых ларьков, мой друг быстро нагнал человечка и положил ему руку на плечо. Тот порывисто обернулся, и при свете газового фонаря я увидел, как сильно он побледнел.

— Кто вы такой? Что вам надо? — спросил он дрожащим голосом.

— Извините меня, — мягко сказал Холмс, — но я случайно слышал, что вы спрашивали у этого торговца. Я думаю, что могу быть вам полезен.

— Вы? Кто вы такой? Откуда вы знаете, что мне нужно?

— Меня зовут Шерлок Холмс. Моя профессия — знать то, чего не знают другие.

— О том, что мне нужно, вы ничего не можете знать.

— Прошу прощения, но я знаю всё. Вы пытаетесь установить, куда попали гуси, проданные миссис Окшотт с Брикстон-роуд торговцу Брекинриджу, который, в свою очередь, продал их мистеру Уиндигейту, владельцу «Альфы», а тот передал «гусиному клубу», членом которого является Генри Бейкер.

— Сэр, вы-то мне и нужны! — вскричал человек, протягивая дрожащие руки. — Я просто не могу выразить, как всё это важно для меня!

Шерлок Холмс остановил проезжавшего извозчика.

— В таком случае лучше разговаривать в уютной комнате, чем тут, на ветреной рыночной площади, — сказал он. — Но прежде чем отправиться в путь, скажите, пожалуйста: кому я имею удовольствие оказывать посильную помощь?

Человечек заколебался на мгновение.

— Меня зовут Джон Робинсон, — сказал он, отводя глаза.

— Нет, мне нужно настоящее имя, — ласково сказал Холмс. — Гораздо удобнее иметь дело с человеком, который действует под своим настоящим именем.

Бледные щёки незнакомца загорелись румянцем.

— В таком случае, — сказал он, — моё имя — Джеймс Райдер.

— Так я и думал. Вы служите в отеле «Космополитен». Садитесь, пожалуйста, в кэб, и вскоре я расскажу вам всё, что вы пожелаете узнать.

Маленький человечек не двигался с места. Он смотрел то на Холмса, то на меня с надеждой и испугом: он не знал, ждёт ли его беда или удача. Наконец он сел в экипаж, и через полчаса мы были в гостиной на Бейкер-стрит.

Дорогой никто не произнёс ни слова. Но спутник наш так учащённо дышал, так крепко сжимал и разжимал ладони, что было ясно, в каком нервном возбуждении он пребывает.

— Ну, вот мы и дома! — весело сказал Холмс. — Что может быть лучше пылающего камина в такую погоду! Вы, кажется, озябли, мистер Райдер. Садитесь, пожалуйста, в плетёное кресло. Я только надену домашние туфли, и мы сейчас же займёмся вашим делом. Ну вот, готово! Так вы хотите знать, что стало с теми гусями?

— Да, сэр.

— Пожалуй, вернее, с тем гусем? Мне кажется, вас интересовал лишь один из них — белый, с чёрной полосой на хвосте...

Райдер затрепетал от волнения.

— О сэр! — вскричал он. — Вы можете сказать, где находится этот гусь?

— Он был здесь.

— Здесь?

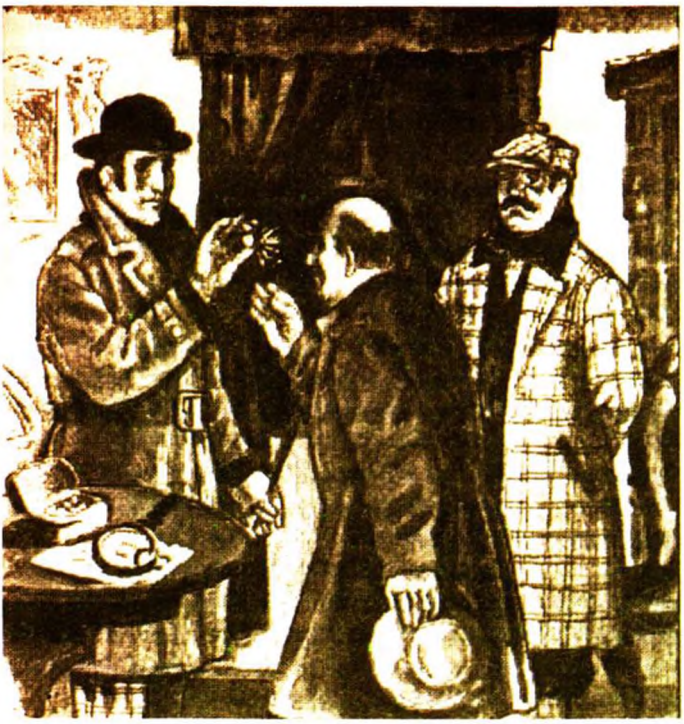
— Да, и оказался необыкновенным гусем. Не удивительно, что вы заинтересовались им. После своей кончины он снёс яичко — прелестное, сверкающее голубое яичко. Оно здесь, в моей коллекции.

Наш посетитель, шатаясь, поднялся с места и правой рукой ухватился за каминную полку. Холмс открыл несгораемый шкаф и вытащил оттуда голубой карбункул, сверкавший, словно звезда, холодным, ярким, переливчатым блеском. Райдер стоял с искажённым лицом, не зная, потребовать ли камень себе или отказаться от него.

— Игра проиграна, Райдер, — спокойно сказал Шерлок Холмс. — Держитесь крепче на ногах, не то упадёте в огонь. Помогите ему сесть, Уотсон. Он ещё не умеет хладнокровно мошенничать. Дайте ему глоток бренди. Так! Теперь он хоть немного похож на человека. Ну и жалкая же личность!

Райдер едва держался на ногах, но водка вызвала у него на щеках слабый румянец, и он сел, испуганно глядя на своего обличителя.

— Я знаю почти всё, у меня в руках почти все улики, и вы не многое сможете добавить. И все-таки рассказывайте, чтобы в деле не оставалось



Н. Компанец. Иллюстрация к рассказу

Как помогает вам иллюстрация художника представить героев рассказа «Голубой карбункул»?

ни малейшей неясности. Откуда вы узнали, Райдер, о голубом карбункуле графини Моркар?

— Мне сказала о нём Кэтрин Кьюсек, — ответил тот дрожащим голосом.

— Знаю, горничная её сиятельства. И искушение легко завладеть богатством оказалось сильнее вас, как это неоднократно бывало и с более достойными людьми. И вы не особенно выбирали средства для достижения своей цели. Мне кажется, Райдер, из вас получится порядочный негодяй! Вы знали, что этот паяльщик Хорнер был уже уличён в воровстве и что подозрения раньше всего падут на него. Что же вы сделали? Вы сломали прут от каминной решётки в комнате графини — вы и ваша сообщница Кьюсек — и устроили так, что именно Хорнера послали сделать ремонт. Когда Хорнер ушёл, вы взяли камень из футляра, подняли тревогу, и бедняга был арестован. После этого...

Тут Райдер внезапно сполз на ковёр и обеими руками обхватил колени моего друга.

— Ради Бога, сжальтесь надо мной! — закричал он. — Подумайте о моём отце, о моей матери. Это убьёт их! Я никогда не воровал, никогда! Это не повторится, клянусь вам! Я поклянусь вам на Библии! О, не доводите этого дела до суда! Ради Христа, не доводите его до суда!

— Ступайте на место, — сурово сказал Холмс. — Сейчас вы готовы ползать на коленях. А что вы думали, когда отправляли беднягу Хорнера на скамью подсудимых за преступление, в котором он невиновен?

— Я могу скрыться, мистер Холмс! Я уеду из Англии, сэр! Тогда обвинение против него отпадёт...

— Гм! Мы ещё потолкуем об этом. А пока послушаем, что же действительно случилось после воровства. Каким образом камень попал в гуся и как этот гусь попал на рынок? Говорите правду, ибо для вас правда — единственный путь к спасению.

Райдер провёл языком по пересохшим губам.

— Я расскажу всю правду, — сказал он. — Когда арестовали Хорнера, я решил, что мне лучше унести камень на случай, если полиции придёт в голову обыскать меня и мою комнату. В гостинице не было подходящего места, чтобы спрятать камень. Я вышел, будто по служебному делу, и отправился к своей сестре. Она замужем за неким Окшоттом, живёт на Брикстон-роуд и занимается тем, что откармливает домашнюю птицу для рынка. Каждый встречный казался мне полицейским или сыщиком, и, несмотря на холодный ветер, пот градом струился у меня по лбу. Сестра спросила, почему я так бледен, не случилось ли чего. Я сказал, что меня взволновала кража драгоценности в нашем отеле. Потом я прошёл на задний двор, закурил трубку и стал раздумывать, что бы предпринять.

Есть у меня приятель по имени Модели, который сбился с пути и только что отбыл срок наказания в Пентонвиллской тюрьме. Мы встретились с ним, разговорились, и он сказал мне, как воры сбывают краденое. Я понимал, что он меня не выдаст, так как я сам знал за ним кое-какие грехи, и потому решил идти прямо к нему в Килберн и посвятить его в свою тайну. Он научил бы меня, как превратить этот камень в деньги. Но как добраться туда? Я вспомнил о тех терзаниях, которые пережил по пути из гостиницы. Каждую минуту меня могли схватить, обыскать и найти камень в моём жилетном кармане. Я стоял, прислонившись к стене, рассеянно глядя на гусей, которые, переваливаясь, бродили у моих ног, и внезапно мне пришла в голову мысль, как обмануть самого ловкого сыщика в мире.

Несколько недель назад сестра обещала, что к Рождеству я получу от нее отборнейшего гуся в подарок, а она слово держит. И я решил взять гуся сейчас же и в нём пронести камень. Во дворе был какой-то сарай, я загнал за него огромного, очень хорошего гуся, белого, с полосатым хвостом. Потом поймал его, раскрыл ему клюв и как можно глубже засунул камень ему в глотку. Гусь глотнул, и я ощутил рукою, как камень прошел в зоб. Но гусь бился и хлопал крыльями, и сестра вышла узнать, в чём дело. Я повернулся, чтобы ответить, и негодный гусь вырвался у меня из рук и смешался со стадом.

«Что ты делал с птицей, Джейме?» — спросила сестра.

«Да вот ты обещала подарить мне гуся к Рождеству, и я попробовал, какой из них пожирнее».

«О, мы уже отобрали для тебя гуся, — сказала она, — мы так и назвали его: «Гусь Джеймса». Вот тот, большой, белый. Гусей всего двадцать шесть, из них один тебе, один нам, а две дюжины на продажу».

«Спасибо, Мэгги, — сказал я. — Но если тебе всё равно, дай мне того, которого я поймал».

«Твой тяжелее, по крайней мере, фунта на три, и мы специально откармливали его».

«Ничего, мне хочется именно этого, я бы сейчас и взял его с собой».

«Твоё дело, — сказала сестра обиженно. — Какого же ты хочешь взять?»

«Вот того белого, с черной полосой на хвосте... Вон он, в середине стада».

«Пожалуйста, режь его и бери!»

Я так и сделал, мистер Холмс, и понёс птицу в Килберн.

Я рассказал своему приятелю обо всём — он из тех, с которыми можно говорить без стеснения. Он хохотал до упаду, потом мы взяли нож и разрезали гуся. У меня остановилось сердце, когда я увидел, что произошла ужасная ошибка и камня нет. Я бросил гуся и пустился бегом к сестре. Влетел на задний двор — гусей там не было.

«Где гуси, Мэгги?» — крикнул я.

«Отправила торговцу».

«Какому торговцу?»

«Брекинриджу на Ковент-Гарден».

«А был среди гусей один с полосатым хвостом — такой же, какого я взял?» — спросил я.

«Да, Джеймс, ведь было два гуся с полосатыми хвостами, я вечно путала их».

Тут, конечно, я понял всё и со всех ног помчался к этому самому Брекинриджу. Но он уже распродал гусей и не хотел сказать кому. Вы слышали сами, как он со мной разговаривал. Сестра думает, что я сошёл с ума. Порой мне самому кажется, что я сумасшедший. И вот... теперь я презренный вор, хотя даже не прикоснулся к богатству, ради которого погубил себя. Боже, помоги мне! Боже, помоги! — Он закрыл лицо руками и судорожно зарыдал.

Потом наступило долгое молчание, лишь слышны были тяжёлые вздохи Райдера, да мой друг мерно постукивал пальцами по столу. Вдруг Шерлок Холмс встал и распахнул настежь дверь.

— Убирайтесь! — проговорил он.

— Что? Сэр, да благословит вас небо!

— Ни слова! Убирайтесь отсюда!

Повторять не пришлось. На лестнице загрохотали стремительные шаги, внизу хлопнула дверь, и с улицы донёсся быстрый топот.

— В конце концов, Уотсон, — сказал Холмс, протягивая руку к глиняной трубке, — я работаю отнюдь не затем, чтобы исправлять промахи нашей полиции. Если бы Хорнеру грозила опасность, тогда другое дело. Но Райдер не станет показывать против него, и обвинение рухнет. Возможно, я укрываю мошенника, но зато спасаю его душу. С этим молодцом ничего подобного не повторится, — он слишком напуган. Упеките его сейчас в тюрьму, и он не развяжется с ней всю

жизнь. Кроме того, нынче праздники, надо прощать грехи. Случай столкнул нас со странной и забавной загадкой, и решить её — само по себе награда. Если вы будете любезны и позвоните, мы немедленно займёмся новым «исследованием», в котором опять-таки фигурирует птица: ведь к обеду у нас куропатка.

Перевод М. и Н. Чуковских

ВОПРОСЫ И ЗАДАНИЯ

ПОДЕЛИМСЯ ПЕРВЫМИ ВПЕЧАТЛЕНИЯМИ

1. Что было для вас особенно интересным и необычным в этом рассказе? Чем обратил на себя ваше внимание главный его герой Шерлок Холмс? Каким вы его представляете?
2. Умение делать вывод на основе множества мимолётных наблюдений знаменитый детектив Шерлок Холмс называл «дедуктивным[1] методом». Какие его наблюдения и выводы удивили вас?

УГЛУБИМСЯ В ТЕКСТ РАССКАЗА

3. Как заинтересовывает читателя сюжет рассказа? Чем оригинальна его завязка? Занимателен ли процесс распутывания истории похищения голубого карбункула?
4. Как доктор Уотсон подчёркивает необыкновенные способности сыщика у Шерлока Холмса? (Прокомментируйте эпизод, в котором Шерлок Холмс рассматривает шляпу неизвестного человека, высказывает свои предположения.)
5. Какие профессиональные качества детектива раскрываются у Шерлока Холмса в его умении вести расследование: какие действия он предпринимает в первую очередь, как опрашивает нужных людей, как добивается признания мошенника?
6. Обладает ли доктор Уотсон хотя бы в какой-то мере качествами, присущими Шерлоку Холмсу? Обратите внимание на то, как он описывает внешность Бейкера.
7. Почему, раскрыв преступление, Шерлок Холмс отпустил мошенника? О каких человеческих качествах говорит этот его поступок?
8. Шерлок Холмс — одинокий мастер своего дела. Чем привлекателен он для вас как профессионал и как человек?
9. В чём особенность композиции рассказов о Шерлоке Холмсе? Почему повествование в них ведётся от лица его друга доктора Уотсона?

Для самостоятельной работы

10. Подготовьте рассказ на тему: «Убедительность доводов Шерлока Холмса в рассказе «Голубой карбункул» А. К. Дойла».
11. Кратко изложите понравившийся вам рассказ о Шерлоке Холмсе, прочитанный самостоятельно.

[1] Дедуктивный (от *дедукция*) — способ рассуждения, при котором новое положение выводится от общего к частному.

Для будущих филологов

По содержанию двух-трёх рассказов А. К. Дойла подготовьте выступление на тему: «Профессиональное мастерство и человеческое обаяние знаменитого литературного детектива Шерлока Холмса».

ЭТО ИНТЕРЕСНО

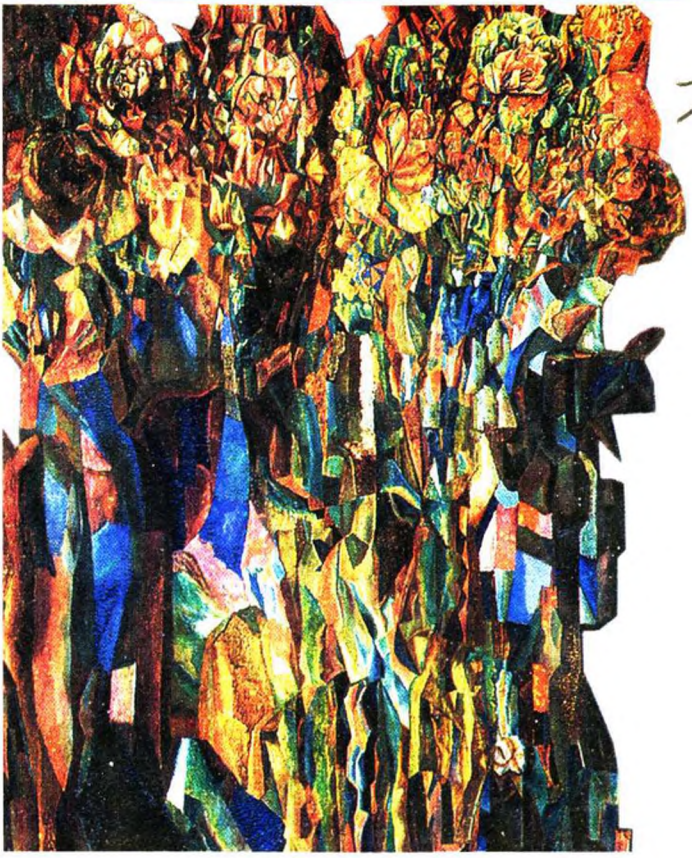
Рождённый авторской фантазией, Шерлок Холмс вышел за пределы литературы и стал для читателей живым человеком. А. К. Дойл получал множество писем, адресованных Шерлоку Холмсу с просьбами к знаменитому детективу расследовать тот или иной запутанный случай.

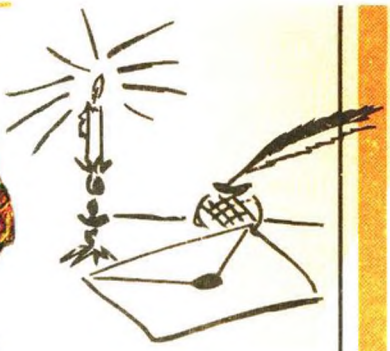
В Лондоне существует мемориальный музей-квартира Шерлока Холмса, созданный по описаниям обстановки его жилья в произведениях А. К. Дойла. Есть музей Шерлока Холмса и в Швейцарии.

После А. К. Дойла опубликовано бесчисленное множество детективных произведений. Но ни один из персонажей не имеет такой популярности, как Шерлок Холмс.

ПРОВЕРИМ СВОЮ КОМПЕТЕНТНОСТЬ

1. Какие человеческие недостатки высмеивает Антон Павлович Чехов в своих рассказах «Толстый и тонкий» и «Хамелеон»?
2. Что называется художественной деталью? Как использует Чехов художественную деталь в рассказах «Толстый и тонкий» и «Хамелеон»?
3. Перескажите кратко содержание новеллы О. Генри «Дары волхвов». Чем нравятся вам её герои?
4. Назовите характерные признаки новеллы. Чем отличается новелла от рассказа?
5. Расскажите о главном герое рассказа Артура Конана Дойла «Голубой карбункул» Шерлоке Холмсе.
6. Почему детективная литература популярна среди современных читателей? Чем необыкновенны её герои?
7. Напишите отзыв о самостоятельно прочитанной новелле или детективном рассказе.





ЭПИЧЕСКИЕ И ЛИРИЧЕСКИЕ ЖАНРЫ

«Литература — словно нитка драгоценных камней, и ни один из них не похож на другой», — так необыкновенно ярко сказал известный английский писатель Джон Голсуорси (1867—1933) о художественном совершенстве и многообразии произведений искусства слова, не подвластных времени. Когда человек берёт в руки хорошую книгу и начинает читать, он сближается с лучшими её героями, представителями

разных исторических эпох, с мудрейшими, остроумнейшими, самыми смелыми и самыми благородными людьми, которые когда-либо жили на земле.

Произведения, повествующие о событиях и героях, составляют самую большую часть художественной литературы и относятся **к эпическим жанрам** (греч. *epos* — слово, повествование).

Это хорошо известные вам литературная сказка, басня, рассказ, новелла, а также эпическая поэма, роман. С главами из романа Д. Дефо «Жизнь и удивительные приключения Робинзона Крузо» вы знакомились на уроках литературы в шестом классе. Самой отличительной чертой произведений эпического жанра является главенствующая роль в них **повествования**, которое взаимодействует с диалогами и монологами персонажей (в том числе и внутренними монологами). Вы можете сами подтвердить это многими примерами из изученных произведений, обратив внимание на особенности их сюжетов, на приёмы создания характеров, на значение композиции в изображении событий и судеб героев.

В этом разделе вас ждёт встреча с уже известным вам **эпическим жанром повести**. О том, что Великая Отечественная война стала суровым испытанием не только для взрослых, но и для детей вы узнаете из повести русского писателя А. Г. Алексина «В тылу как в тылу».

Ваши знания об **эпическом жанре рассказа** пополнятся во время чтения и изучения научно-фантастического рассказа современного американского писателя Р. Шекли «Запах мысли», в котором раскрываются способности человека адаптироваться[1] в любых условиях, не сдаваться в самых крайних ситуациях.

Если произведения эпических жанров вызывают у нас острый интерес к жизненным историям, обогащают опытом и чувствами других людей, расширяют знания о мире, то произведения **лирических жанров** передают внутренний мир самих авторов, их мысли и переживания. Вы знакомы с жанром лирического стихотворения и видами лирики — пейзажной, философской. В этом разделе вы узнаете о гражданской лирике, передающей чувства и переживания автора как гражданина своего отечества.

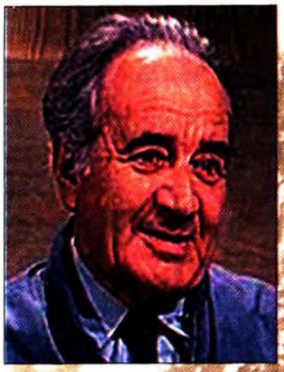
Стихотворения А. Ахматовой, К. Симонова, С. Орлова и других поэтов напомнят вам ещё раз о грозных годах войны. Скорбь

[1] Адаптироваться — приспособиться к изменяющимся внешним условиям.

и сострадание, надежда и вера в победу звучат в строках стихотворений, написанных в дни войны. Их читали и знали наизусть, лучшие из них становились песнями. Они помогали бойцам на фронте воевать, а оставшимся в тылу переносить тяготы военного времени. Эти лирические стихотворения вызывают глубокие чувства благодарности людям, завоевавшим мир ценой собственной жизни, заставляют задуматься о недопустимости войны, о приумножении человечности и любви на земле.

Давайте побеседуем

1. Какие художественные произведения относятся к эпическому жанру?
2. Назовите самую отличительную черту произведений эпического жанра.
3. Каким произведениям эпического жанра вы отдаёте предпочтение в своём чтении? Какие из них вам особенно запомнились и почему?
4. Входят ли в круг вашего чтения произведения научно-фантастического жанра? Расскажите, какие из них вы читали.
5. Если вам приходилось видеть фильмы, поставленные на сюжеты научно-фантастических произведений, то расскажите о них в классе.
6. Что является самым характерным для произведений лирического жанра? Какие виды лирики вы знаете?
7. Почти каждая семья в нашей стране хранит память о близких, погибших на фронтах Великой Отечественной войны. В наших домах часто звучат песни о том суровом времени, написанные на стихи русских поэтов: «Священная война» В. Лебедева-Кумача, «Огонёк» и «В лесу прифронтовом» М. Исаковского, «Вьётся в тесной печурке огонь...» Н. Асеева, «Жди меня» К. Симонова, «В полях за Вислой сонной...» Е. Винокурова и др. Какие песни военных лет вы знаете?



Для писателя, чьи произведения адресованы в основном молодёжи, особенно важно через разнообразнейшие трудности жизненных ситуаций своих героев подвести юного читателя к ясным и уверенным мыслям о завтрашнем дне... укрепить доброе и активное отношение к действительности.

А. Алексин

Анатолий Георгиевич АЛЕКСИН

[Род. в 1924]

Анатолий Георгиевич Алексин — известный русский писатель, чьи книги пользуются любовью у юных и взрослых читателей.

Родился в Москве. Печататься начал рано, ещё будучи школьником, в журнале «Пионер» и в газете «Пионерская правда». «Я стал работать, — говорил А. Г. Алексин о себе, — над повестями, рассказами и пьесами, которые прежде всего адресованы юношеству, людям, находящимся на пороге большой самостоятельной жизни, и тем, кто воспитывает молодое поколение, то есть взрослым читателям». Алексин написал повести «А тем временем где-то...», «Поздний ребенок», «Повесть Алика Деткина», «Действующие лица и исполнители», «Про нашу семью», «Позавчера и послезавтра»,

«Третий в пятом ряду», «Безумная Евдокия» и др. На сценах театров с успехом шли пьесы Алексина «Обратный адрес», «Звоните и приезжайте», «Мой брат играет на кларнете», «Десятиклассники».

Отмечая достоинство и популярность произведений А. Алексина, русский писатель Вадим Кожевников (1909–1984) писал: «Детство и юность в повестях, рассказах, пьесах Анатолия Алексина, как и в жизни, — пора непрестанных жизнерадостных открытий, поэзии романтического поиска. Это пора, когда впервые решаются многие сложные проблемы всей будущей человеческой жизни. Но какие бы трудные вопросы ни вставали на пути алексинских героев, их никогда не покидает чувство юмора, оптимизма, вера в торжество справедливости и добра».

В России творчество А. Г. Алексина отмечено государственными наградами. Международный Совет по детской и юношеской литературе присудил ему диплом Х. К. Андерсена. Книги Алексина переведены на многие языки народов ближнего и дальнего зарубежья.

1. Какие произведения Анатолия Алексина вы читали? Чем они вам понравились и запомнились?
2. Какие вы знаете произведения Алексина, которые, по выражению самого писателя, укрепляют в читателе «доброе и активное отношение к действительности»?

В ТЫЛУ КАК В ТЫЛУ

(*В сокращении*)

Дорогой, незабвенной маме

Годы... Они долгие, когда ещё впереди, когда предстоят. Но если большая часть пути уже пройдена, они кажутся до того быстроходными, что с тревогой и грустью думаешь: «Неужели так мало осталось?»

Я не был в этом городе очень давно. Раньше приезжал часто, а потом... всё дела, всё дела. На привокзальной площади я увидел те же осенние цветы в жестяных вёдрах и те же светлые машины, подпоясанные чёрными шашечками. Как прошлый раз, как и всегда... Будто не уезжал. «Куда вам?» — туго, с напряжением включив счетчик, спросил таксист.

— В город, — ответил я.

И поехал к маме, у которой (так уж случилось!) не был около десяти лет.

1

В октябре сорок первого мы шли с ней по этой привокзальной площади в темноте, проваливаясь в ямы и лужи.

Мама запретила мне притрагиваться к старомодному тяжеленному сундуку: «Это не для тебя. Надорвёшься!»

Как будто и во время войны одиннадцатилетний мог считаться ребёнком. В канун нашего отъезда всех предупредили, что взять с собой можно «только одно место». Мама выбрала сундук, обвитый железными лентами. В нем, согласно домашней легенде, когда-то хранилось прабабушкино приданое.

Приданого, видимо, было много, потому что сундук мне казался бездонным. За одну ручку ухватилась мама, а за другую — Николай Евдокимович. Своих вещей у него не было: за день до отъезда, когда Николай Евдокимович где-то дежурил, его дом разбомбили.

— Хорошо, что у меня нет семьи, — сказал он. — Вещи терять не так страшно.

Свободной рукой мама крепко держала меня за локоть, словно я мог вырваться и удрать.

— Смотрите под ноги! — предупреждал мужчина в брезентовом плаще с капюшоном. Промёрзший голос нехотя вырывался из капюшона, как из рупора, и стеснялся своей заботливости.

Николай Евдокимович попросил маму остановиться. Он опустил сундук на доски, сложенные посреди дороги.

Кто-то, шедший сзади, наткнулся на нас и глухо, неразборчиво выругался.

— Простите, — сказал Николай Евдокимович. — Нога разболелась. Если не возражаете...

И присел на сундук. При маме он не мог сознаваться, что просто устал.

Он любил маму. Это знали все.

— Её красота слишком заметна, — постоянно говорил мне отец. И обязательно при этом вздыхал. Ему хотелось, чтобы мамину красоту никто на свете не замечал. А прежде всего, чтоб о ней забыл Николай Евдокимович.

— Поверь, Алёша, я к нему не питаю никаких... таких чувств, — объясняла мама. — Хочешь, поклянусь? Своим будущим и даже твоим!

Моё будущее она оставляла в покое.

— Я к нему ничего не испытываю, — настойчиво убеждала она отца.

— Но он испытывает к тебе. А это, пойми...

— И что же? Бросить его на произвол судьбы? — спросила она однажды.

И резко встала, как бы приняв окончательное решение. Она часто после негромкого разговора так вот вставала, давая понять, что её аргументы исчерпаны. Голос менялся, становился сухим, словно река, потерявшая свои тёплые, добрые воды и обнажившая вдруг каменистое дно.

— Ты умеешь укрощать даже сварщиков и прорабов. Куда уж мне интеллигенту-биологу? Я сдаюсь! — в другой раз воскликнул отец. И поднял руки вверх.

Такие разговоры возникали у нас дома нередко. Во время одного из них мама сказала отцу:

— Николая в институте звали Подкидышем.

— А где тебе подкинули его?

— Там и подкинули: в нашем строительном. Зачем ты спрашиваешь о том, что давно уже известно?

Мама резко поднялась.

— К сожалению, меня в ваш строительный никто не подкинул, — печально сказал отец. Он ревновал маму к прошлому. Как, впрочем, и к настоящему, и к грядущему тоже: — Когда-нибудь ты покинешь меня.

— А о нём ты забыл?

Мама кивнула в мою сторону.

— Ну если... только ради него... Это слабое утешение.

— В какие дебри мы с тобой забрели! И всё из-за Подкидыша. Из-за этого безобидного князя Мышкина[1], — возмутилась мама.

Князь Мышкин, Подкидыш... Это должно было убедить отца, что он — в полнейшей безопасности. С тех пор отец стал называть Николая Евдокимовича только Подкидышем, словно прекратил думать о нём всерьёз. Он был выше Подкидыша минимум на полголовы, а то и на целых три четверти. Не говорил по десять раз в день: «Если не возражаете...» И всё же щуплого Николая Евдокимовича, близорукого, в очках с толстыми стёклами, отец, я видел, продолжал опасаться. С моей точки зрения, это было необъяснимо. Ещё и потому, что мама, хоть её называли красавицей, представлялась мне в ту пору абсолютно пожилой женщиной: ей было уже тридцать семь лет! На мой взгляд, Подкидыш не мог быть угрозой для нашей семьи. «Ну, какая любовь в этом возрасте? — рассуждал я. — Вот у нас, в четвёртом классе... Это другое дело!»

Отец думал иначе... Если Николай Евдокимович приглашал маму на вальс, он говорил:

— Она, к сожалению, очень устала.

— Я полна сил и энергии! — заявляла мама. И шла танцевать.

Она привыкла стоять на своём не только потому, что была красивой, а и потому, что работала начальником стройконторы: ей действительно подчинялись сварщики и прорабы.

— Твои про-рабы! — говорил отец, делая ударение на последнем слоге.

Если Подкидыш обнаруживал, что у него «как раз три билета в кино», отец вспоминал, что в этот вечер они с мамой приглашены в гости.

— Меня никто не приглашал! — возражала мама. Она всегда говорила правду. «Рубила», как оценивал это отец.

А честность тоже разная бывает,
И если доброты ей не хватает...

Отец начал как-то цитировать эти стихи, но запнулся.

[1] Князь Мышкин — главный герой романа Ф. М. Достоевского «Идиот».

— Честность есть честность! — ответила мама. И резко встала.

— Я не щадила тебя, — тихо сказала она, когда отец собирался по повестке на сборный пункт. Или, сказать вернее на войну. — Я не щадила тебя... Прости уж, Алёшенька. Но ты всегда мог быть абсолютно спокоен. Я пыталась воспитывать тебя. Это глупо. С близкими надо находить общий язык. Вот что главное... Ты простишь меня?

— Да, конечно, — ответил отец. — А Подкидыш поедет в одном эшелоне с тобой и Димой?

То, что мы уедем, было уже известно. Но когда — никто точно не знал.

— Хочешь, мы поедем в другом эшелоне? — спросила мама.

Я чувствовал, что она никогда не будет резко подниматься с дивана и разговаривать с отцом голосом начальника стройконторы.

— А если другого эшелона не будет? — ответил отец. — Неужели ты думаешь, что я могу рисковать... вами? — Он так сказал. Но мне показалось, что он всё же боится нашей поездки в одном эшелоне с Подкидышем гораздо больше, чем идти на войну. Войны он вообще не боялся.

— Обещай мне, что ты будешь спокоен. За нас... За меня! — умоляла мама. — И пиши... Каждый день нам пиши. Не представляешь, как мы любим тебя!

— А ты?

Для отца мамина любовь всегда была дороже моей. Я знал это. И мне не было обидно. Ничуть...

Прощаясь во дворе школы медицинских сестёр, где был сборный пункт, отец тихо спросил маму:

— И вагон у вас с ним один?

— Мы поедем в теплушках. На нарах, — ответила мама. — Если хочешь, будем в разных теплушках. Только бы ты не думал... Ни одной секунды! До конца войны... До конца нашей жизни.

Она зарыдала. Я тоже заплакал.

— Ну что вы? Я скоро вернусь... — как и все вокруг, обещал нам отец. Это было седьмого августа. — И пусть Подкидыш вам помогает. Рядом должны быть близкие люди!

— Ты можешь быть абсолютно спокоен! — почти крикнула мама. — Клянусь всем на свете. Даже его будущим!

И прижала меня к себе.

2

Я знал, что хорошее начинаешь гораздо острее ценить, когда оно от тебя уходит. И что наши приобретения становятся в тысячу раз дороже, когда превращаются в наши потери или воспоминания. Эта истина казалась мне раньше лежащей на поверхности, а значит, не очень мудрой. Но, качаясь на нарах, под потолком, где было много времени для размышлений, я понял, что первым признаком мудрой мысли является её точность: всё, что недавно было обыденным и привычным, стало казаться мне нереальным, невозвратимым. А непри-

ятности и заботы, так волновавшие меня прежде, я не разглядел бы теперь ни в один микроскоп.

Я с нежностью вспоминал о нашем учителе физкультуры, который ничего, кроме тройки с минусом, мне никогда не ставил, и о соседях, которые говорили, что слишком громко хлопаю дверью и вообще ни с кем не считаюсь. «Ценишь, когда теряешь» — эту истину война всё упрямей, с жёсткой прямолинейностью вдалбливала мне в сердце и в голову.

Отец заранее объяснил, какие нас с мамой встретят на Урале флора и фауна: он был биологом. Но нас встречал лишь низкорослый, неестественно широкоплечий человек, казавшийся квадратом, завёрнутым в брезентовый плащ с капюшоном. Из капюшона до нас донеслось хриплое сообщение о том, что «машин сколько есть, столько есть, а больше не будет».

Мои прежние путешествия в поездах всегда были праздником. «Гарантия возвращения — вот что было самым приятным в пути!» — понял я потом, через много лет.

— Что с Москвой? — раздался в темноте голос Николая Евдокимовича. Мы прошлёпали по лужам ещё несколько шагов. — Неужели всё-таки...

— Этого не будет! — Мама остановилась, словно, как прежде, резко поднялась со стула.

И пошла дальше. Мы тоже пошли.

— Я уверен... Я абсолютно уверен! Но мы целый день не слышали сводки Информбюро.

На каждой станции Подкидыш выпрыгивал из вагона на шпалы, на мокрую землю и бежал к газетному киоску или громкоговорителю, если киоска не было. Узнав, что «после упорных боёв наши войска оставили» какой-нибудь город, он сообщал об этом только в том случае, если его спрашивали. И то очень тихо. И поглядывал с опаской туда, где лежали на нарах мы с мамой: не хотел нас расстраивать.

Никто не объяснял заранее, долгой ли будет остановка, никто не знал, когда тупо ударятся друг о друга, заскрежещут чугунные буфера и мы тронемся дальше.

— Останется... Где-нибудь он отстанет! — беспокоилась мама.

И я этого тоже очень боялся.

В течение двух недель, проведённых в пути, мы с мамой выходили только на перроны больших городов. Она не выпускала мою руку ни на мгновение. Мы искали бывшие вокзальные рестораны, чтобы по талончикам получить там похлёбку и кусок хлеба.

«Потерять, оставить, отстать...» — война со всех сторон окружала нас этой опасностью. Но больше всего мама страшилась расстаться со мной. Она даже объяснила, что, поскольку мне всего лишь одиннадцать лет, я вполне могу ходить вместе с ней в туалет. Я воспротивился... И она стала отпускать меня туда на больших станциях с Николаем Евдокимовичем. Если мы с ним задерживались, она, чуть приоткрыв дверь и глядя куда-то в сторону, испуганно вопрошала:

— Вы там?

Он отвечал:

— Мы здесь!

Квадратный человек прохрипел из капюшона, точно из рупора:

— Побыстрей шевелитесь! Машины не будут ждать.

Мама покрепче сжала мой локоть.

Девять или десять крытых машин стояли на краю площади. Они сгрудились, как стадо молчаливых животных, пришедших на водопой.

— Поплотней утрамбовывайтесь, товарищи! — скомандовал капюшон.

Подкидыш протянул маме руку из глубины крытого кузова, но она вначале подсадила меня. А за нами вскарабкались и «утрамбовывались» всё новые и новые пассажиры из эшелона.

На нарах в теплушке голосов почти не было слышно. Не из-за стука колёс, а потому, что растерянность и неизвестность как бы сковывали людей.

И в грузовике было напряжённо от тишины.

— Осторожней, здесь мальчик! — предупредила мама.

Ей не возражали. Но учесть её просьбу никто не мог. Меня сжимали и утрамбовывали «на общих правах»: мест для пассажиров с детьми в крытой машине не было. Я подумал, что нужно будет вообще забыть о своём возрасте. Взять и забыть...

3

Но мама не хотела, чтобы я забывал. В холодном бараке, который обогревался еле мерцавшими печурками, она превратила наш сундук в стол и сказала:

— Здесь ты будешь делать уроки!

Сказала властным голосом начальника стройконторы, потому что меня нужно было встряхнуть и убедить, что всё продолжается. «Комнаты» отделялись одна от другой простынями, бывшими ска-

тертями или портьерами, прикреплёнными к верёвкам, как выстиранное бельё.

Мама узнала, где находится школа, и повела меня туда сразу же, на рассвете следующего дня.

— Ты и так уже отстал от класса! — с упрёком сказала она. Будто я отдыхал где-нибудь в пионерлагере или наслаждался выдуманными болезнями, как это бывало в мирное время.

Наше новое местожительство было на берегу уральской реки, названия которой я раньше не знал.

Оборонительный завод напоминал человеческий организм, атакуемый перегрузками, но не ослабевший: его сердцебиение было слышно всему городу днём и ночью. Вместо кислорода он вбирал в себя электроэнергию, а выдыхал пар и дым. Ему некогда было думать о своём внешнем виде: одежда выцвела, поизносилась. Мощность этого организма строители должны были увеличить во много раз и в немыслимо короткие сроки. Завод окружали дома из некогда красного, закопчённого кирпича, вросшие в мокрую грязь одноэтажные бараки, клуб, называвшийся Домом культуры, и школа, где учились в три смены. На школе висел плакат: «В тылу как на фронте!»

— Ты понял? — спросила мама. — Хотя вообще-то я не люблю этого лозунга: всё-таки фронт — это фронт, а тыл — это тыл.

— Но всюду пишут... — попробовал возразить я.

— Мы в отличие от отца, — тоном начальника стройконторы перебила мама, — прибыли в зону безопасности. Чтобы ты мог учиться. В том числе и для этого... Ты понял? Мне некогда будет напоминать.

Маме стало некогда уже с двенадцати часов дня. Её вызвали в стройуправление и назначили «инженером-руководителем по комплектации и восстановлению оборудования». Название маминой должности было таким длинным, что я испуганно спросил:

— А что это значит?

— Ничего особенного, — ответила мама. — Приходят эшелоны с оборудованием. Надо пристроить его в старых цехах или под навесом, пока не построим новые.

— Каторжная работа, — раздался мужской голос из-за старого, облысевшего ковра с озером и двумя лебедями, отделявшего нас от соседей.

— А вы были на каторге? — спросила мама.

— Пока что не приходилось.

— Откуда же вам известно?

Мама не любила паниковать.

— Да уж знаю! — монотонно настаивал голос из-за озера с лебедями. — Правда, дают кое-что пожевать за вредность производства.

— Вот видишь, — сказала мама. — Во всём есть свои светлые стороны...

— Я буду редко бывать дома, — сказала она через несколько дней. — Эшелоны приходят один за другим. Так что приглашай в гости товарищей. Или товарища... Чтоб не соскучиться.

У неё самой был один только друг. Тот, которого ей «подкинули» в строительном институте.

— Его и здесь подбросили в мою группу, — сообщила мне мама.

— На каторжную работу? Разве он выдержит?

— Мы с вами — в зоне полнейшей безопасности: спим в постели, нас не бомбят. В тылу как в тылу! — ответила она.

— Я хотел сказать... что Подкидыш очень худой.

— А в окопах только богатыри?

Мама вынула из сумки котлеты, завёрнутые в местную многотиражку: бумагу достать было трудно.

— Вот видишь, дополнительное питание. За вредность производства. Грех жаловаться!

Как и хотела мама, у меня появился приятель: Олег по прозвищу «Многодетный брат». У него было две младшие сестры. Последняя родилась двадцать второго июня — за год до начала войны.

— Умудрилась! — сказал Олег. — Попробуй теперь порадуйся в день её появления на свет...

«Многодетный брат» бегал за «детским питанием», которое, как он говорил, в мирное время и взрослые не стали бы есть.

— Но организм ко всему приспосабливается, — объяснил мне новый приятель.

Олег был старше меня на полтора года.

— В вашем возрасте это много! — уверял Николай Евдокимович. — Вспомни Толстого! «Детство», «Отрочество», «Юность» — так он назвал свою трилогию. Речь идёт о разных эпохах человеческой жизни. Если не возражаешь...

Но никакие эпохи нас с Олегом не разделяли. Когда я сказал об этом Подкидышу, он задумался:

— Война вообще объединила людей... хотя вроде бы их разлучила.

Олегу трудно было делать уроки дома.

— Сёстры плачут дуэтом.

— Как же ты спишь?

— Организм ко всему привыкает.

Он приходил заниматься ко мне. Но прежде чем сесть за учебники, говорил:

— Я тут немного...

И подметал нашу «комнату», укреплял на верёвках «озеро с лебедями», что-нибудь мне пришивал. Сёстры приучили его к труду.

Олег выглядел не просто худым, а до крайности истощённым. Поэтому нос и глаза особенно выделялись. Узнав, что мой отец биолог, а раньше преподавал анатомию, Олег сказал:

— Я вполне бы мог стать для него экспонатом!

Он любил подшучивать над своей худобой.

Отец его через двадцать дней после начала войны потерял левую руку и теперь работал в редакции той самой строительной многотиражки, в которую мама заворачивала котлеты. Дома у них была пишущая машинка. Это произвело на меня сильное впечатление.

— Выдали под расписку, — сказал Олег.— Сёстры под неё засыпают. Отец начнёт печатать правой рукой — и они умолкают. Колыбельная песня! Иногда я помогаю отцу.

— Ты и печатать умеешь?

— А что ж тут такого!..

4

В первое же утро после приезда, по дороге в школу, мы с мамой забежали на почту. Отец должен был писать до востребования. Так мы условились.

— Я чувствую: нас будет ждать письмо! — все четырнадцать дней в эшелоне говорила мне мама, без конца перечитывая те письма, которые мы успели получить от отца в Москве.

На почте ничего не было.

— Теперь мы с тобой так и будем жить: от письма до письма, — грустно сказала она. — Надо привыкать. Что тут поделаешь!

Она попросила, чтобы мне выдавали «корреспонденцию», которая будет приходить на её имя. Мама собиралась, я понял, пропадать на стройке целыми сутками, а почта работала лишь до семи часов. Когда мы вышли на улицу, мама спросила:

— Тебе кажется, я часто огорчала его?

Я не знал, что ответить. Тогда она продолжала:

— Сейчас страшны только те раны, которые может получить он. Или получал прежде. От меня, например... Только те раны опасны. А мы с тобой неплохо устроились...

— Хорошо, что он может быть... абсолютно спокоен, — машинально повторял я то, что слышал от неё во дворе училища медсестёр, где мы с отцом расставались.

— Спокоен? Разве там, где он... бывает спокойствие? Ты вообще представляешь, что там происходит?

— Представляю.

— Это невозможно себе представить! — Мама резко остановилась, будто демонстративно поднялась с дивана или со стула, как это бывало раньше. — Каждый день заходи на почту. Каждый день! Я должна знать, есть письмо или нет.

— Я буду заходить. Обязательно!

Она пошла дальше.

— Я всегда знала, что перенести самую тяжкую болезнь легче, чем переживать болезнь ближнего. Но я не представляла, что это такое — беспрерывное ожидание беды. Теперь нельзя давать себе отдыха... ни на минуту!

— Ни на минуту?!

— Чтоб некогда было сходить с ума... — Она вынула из сумочки фотографию, где отец был совсем молодым и весёлым. — Он всегда был беззащитней меня. Так казалось в будничной жизни. Мужчины берут на себя самые страшные тяготы века, а зубной боли они боятся. Это известно. Я обязана быть... рядом с ним. Пусть даже здесь!

— И я тоже.

— Нет... Ты ребёнок! Мы идём с тобой в школу. Прямо сейчас! Никто не может лишить тебя этого. Детство не повторяется.

— И старость не повторяется.

— Хватит с неё одного раза! А перед Алёшей я все-таки виновата.

— В чём?

— Сильнее, чем я люблю его... особенно вот сейчас, любить, мне кажется невозможно. Он не узнал этого.

— А меня? — бестактно полюбопытствовал я.

— Это другое. Материнство... выше любви.

Я успокоился.

— Мне всегда хотелось доказать ему... Дать почувствовать, — тихо и виновато продолжала она. — Но я не спешила. В воспитательных целях. Какая нелепость! Лучше поздно, чем никогда? Нет уж, Дима... С добром надо спешить, а то оно может остаться без адресата. Ты согласен?

— Согласен.

— Если это случится, я не прощу себе. Нет, не то... Я просто не вынесу.

5

Через двадцать дней, когда я зашёл на почту, где меня уже знали, бледная девушка в окошке на миг оживилась и сказала:

— Сегодня вам есть...

Она перебрала несколько писем пальцами, которые казались очень тонкими из-за припухших суставов. Было холодно, почти как на улице. Руки у девушки, конечно, замёрзли, но не покраснели, как мои, а были прозрачными, обескровленными.

Она протянула конверт без марки.

Я сразу, не отходя от окошка, разорвал конверт. Вынул листок, на котором было что-то напечатано типографским шрифтом. Только имя, отчество и фамилия отца были написаны чернилами, от руки. Я прочитал раза три или четыре спокойно. И только с пятого раза понял, что мой отец пропал без вести.

На улице ждал Олег. Я выбежал с белым листком в руке. Олег прочитал... Нос его сморщился, словно от внезапного света, глаза стали ещё больше, круглее. У него было две младшие сестры, и он умел утешать.

— Пропал? Это слово имеет несколько значений. Ты вспомни... «Пропал» в смысле «погиб» тут не подходит. Здесь другое значение: он исчез, о нем ничего не знают. И всё...

Как старший брат, он умел втолковывать, объяснять.

— А если погиб... так и пишут: «погиб»? — спросил я.

— Так и пишут. Это называется похоронкой. А тут — извещение. Неприятное, конечно. Не буду тебя обманывать...

Я знал, что даже родителей он никогда не обманывал.

Взяв у Олега листок, я опять впился глазами в строчки и твёрдо, до конца осознал, что отца моего уже нет. Совсем нет... навсегда...

Я не заплакал. Но понял, что это значит — «не находить себе места». Вернулся на почту, спросил у болезненной девушки, когда пришло это письмо.

— Сегодня, — ответила она. — Ты же вчера заходил.

Потом я, забыв об Олеге, помчался на стройку.

— Ты куда? — услышал я сзади его голос.

— К маме.

— Зачем?

— Показать...

— Да ты что?

Мы оба остановились. «Я просто не вынесу», — тогда, возле почты, сказала мне мама. Как можно было это забыть?

— Что же делать? — спросил я Олега.

— А где твой портфель?

Портфеля действительно не было.

— Оставил на почте. Возле окошка...

Мы побежали обратно. Портфель уже был за стеклом, на столе у болезненной девушки.

— Ты что-нибудь такое... получил? — спросила она.

В ответ я ничего не смог выговорить.

— Отец пропал без вести, — объяснил ей Олег. — Не погиб... а просто нету вестей. Это же разные вещи.

— Вероятно, — сказала она. И закрыла глаза болезненно белыми пальцами с припухшими сгибами на суставах.

Я вспомнил пальцы отца. Он часто, сидя за столом, перебирал лечебные травы, которые сам же выращивал. Травы были высохшие, напоминавшие сено, а пальцы у отца загорелые, крепкие, но осторожные. Мне чудилось, он боится, что с трав осыплется что-то нужное и они потеряют свою целебность. Отец был нежным, застенчивым человеком. «Ленинградская интеллигентность!» — пояснил Николай Евдокимович, хотя сам был закоренелым и отчаянным москвичом. Отец любил лес, но ещё больше — поля и луга. «Высокая, густая трава — это здоровье, — говорил он. — Это символ простора и жизни!»

И жизни...

— Ты не прощайся с отцом, — угадав мои мысли, сказал сзади Олег. — Пойдём.

Мы вышли на улицу.

— Дай мне конверт, — попросил он. Я протянул.

Он аккуратно вложил в конверт листок с извещением. И так же неторопливо, обстоятельно отвёл ему место в своем портфеле.

— Пусть будет у меня. А то мать найдёт.

Я вновь затопал вверх по ступеням почтового отделения и заглянул в полукруглое окошко.

— Только маме не говорите, что было письмо. Если она зайдёт... — попросил я девушку, которая всё ещё не отрывала рук от лица.

На почте никого не было, потому что весь город в это время работал.

— Олег говорит, что отец... ещё может найтись...

— Не могу я здесь больше работать, — ответила девушка, должно быть не веря Олегу.

6

Мама приходила с работы поздно вечером. А то и ночью. А то и под утро. Приподнимала простыню, отделявшую наше жильё от коридора. Другой нашей «стеной» был старый, облысевший ковёр. Мама входила беззвучно, но я просыпался. Задавала мне несколько главных вопросов... Прежде чем шёпотом рассказать о своих делах, она открывала разбухшую сумку, набитую бумагами и чертежами. Вытаскивала со дна еду, завёрнутую в газету, и протягивала её мне. В сумке обязательно стояла бутылка молока, которая тоже полагалась маме «за вредность». Сидя на матраце, я ел хлеб с котлетой и запивал молоком.

— Так поздно ужинать вредно, — говорила мне мама. — Но война всё поставила вверх ногами.

— А ты-то поела?

— Конечно, — отвечала она.

И наспех рассказывала, как ей удалось найти очередное «уютное местечко» для каких-нибудь многотонных «деталей», прибывших издалека. Говорила она еле слышно, но по ту сторону «озера с лебедями» обязательно кто-нибудь переворачивался и вздыхал.

— Всё надо принять, выгрузить, рассортировать. Уберечь от дождя и снега, — шептала мне мама, готовясь хоть немного поспать...

Усталой она не выглядела. Даже волосы накручивала на свёрнутые бумажки и смазывала лицо вазелином.

— Обветрилось... За собой надо следить. А то вернётся отец — не узнает!

Нередко она объясняла мне, как важно соблюдать технику безопасности.

— Торопиться, но соблюдать! Если бы это правило существовало там, где отец...

Я в такие минуты закрывал лицо одеялом или говорил, что мне необходимо на минутку во двор.

Каждый раз прямо с порога мама спрашивала:

— На почте был?

— Был.

— Ничего нет?

— Пока нет.

Когда она возвращалась домой пораньше, к нам с другого конца барака заходил Николай Евдокимович. Мы с ним в два голоса объясняли, что письмо могло затеряться, что путь от фронта до Урала очень далёк. Даже Подкидышу я об извещении не рассказал — это было нашей с Олегом тайной. И ещё тайной той болезненной девушки, которая всё хотела покинуть своё окошко.

На стройке Николай Евдокимович очень старался облегчить мамину участь.

— Воздухосборники мы с ним комплектуем. И насосы, — шептала мне ночью мама.

— Какие насосы?

— Которые в этом бараке едва ли поместятся. Молоко своё предлагает... А зачем мне? Чтобы стариться, чтобы толстеть? Отец вернётся — и не узнает! Мы, женщины, куда выносливей, чем мужчины. Я вот ни разу в жизни не была у зубного врача! — Мама сверкнула улыбкой, про которую соседи в Москве говорили, что она «как у Любови Орловой». — Мужчинам нужно гораздо больше калорий.

Наверноё, она имела в виду и меня.

10

Пора детства не отягощена опытом и потому в мыслях и действиях своих бывает до наивности непосредственна. Она уверена, что добро должно порождать только добро и причём сразу, незамедлительно.

Олег выстукал на машинке письмо, которое доказывало, что мой отец не погиб... «Вот сейчас покажу его маме, — думал я по дороге домой, — и она успокоится». Впопыхах я забыл, что письмо это могло стать желанной вестью и облегчением лишь по сравнению с истиной, о которой мама не знала. В те далёкие одиннадцать лет я любил мысленно ставить других на своё место и легко предсказывать таким образом чужие поступки, не сознавая, что на своём месте могу быть только я сам. Я скрывал от мамы извещение, пришедшее из Москвы, но свой предстоящий разговор строил так, будто она, как и я, обо всём уже знала.

«...Легко раненный попал к партизанам, в такие места, откуда писать невозможно», — напечатал Олег. Это было радостью на фоне слов «пропал без вести». Но ведь мама этих слов не читала.

Я завернул на почту. По-прежнему я заходил туда каждый день, и почти каждый день девушка с прозрачными пальцами говорила мне, что найдёт другую работу. И ещё повторяла: «Треугольные письма люблю, а конвертов... боюсь. Особенно если тонкие и со штампом. Почему именно я должна их вручать?»

— Война — время писем, — сказал однажды Подкидыш. — Она всех раскидала в стороны. И люди пишут друг другу, как никогда. Разлучает, объединяет... — медленно повторил он свою старую мысль про войну.

На почте никого не было: весь город в это время работал.

Увидев меня, девушка вскочила, и лицо её исчезло из окошка, скрылось за непроницаемо-матовым стеклом. Но я заметил, что рука в окошке что-то схватила со стола. А потом девушка выбежала из-за перегородки прямо ко мне.

— Треугольное письмо! — возбуждённо кричала она на ходу, желая, чтоб я поскорей об этом услышал. — Треугольное... Значит, от него самого!

Я выхватил бумажный треугольник из её тонких ледяных пальцев. Торопливо развернул его... Щёки у девушки остались такими же бледными, но глаза, казалось, в то мгновение их освещали.

«Уважаемая Екатерина Андреевна, — прочитал я. — Пишет вам фронтовой друг вашего мужа Алексея Алексеевича Тихомирова. Он дал мне ваш адрес и просил, если что, сообщить. Вот я и выполняю... Муж ваш, Алексей Тихомиров, геройски сражался с врагами и остался на поле боя...»

— Что с тобой? — услышал я голос девушки. — Что с тобой?!

Я вернулся к Олегу... Кузьмы Петровича уже не было. Сёстры возились за дощатым забором, окружавшим тахту. Олег прочитал... Нос его сморщился, как от яркого света.

— Думай о матери, — сказал он. И больше не произнёс ни одного слова.

Он хотел спрятать бумажный треугольник туда же, на дно ящика, под газеты. Но я возразил:

— Пусть будет со мной. Всегда... Если бы отпороть подкладку и зашить его прямо внутрь, в куртку, а? Я только в ней хожу... Даже сплю, когда в бараке не топят. Зашей... Ты умеешь.

Олег достал ножницы, нитки с иглой и молча, проворно выполнил мою просьбу.

Когда я стал натягивать шапку, он остановил меня.

— Матери всё равно покажи то письмо... которое мы напечатали. И держись! — Он всматривался в моё лицо своими огромными, забывшими про детство глазами. — Я пойду вместе с тобой.

— А они? — кивнул я на двух сестёр.

— Позову соседку. Она остаётся с ними... иногда, в крайних случаях.

«Биология — женское дело», — то ли в шутку, то ли всерьёз говорил мне отец. Поэтому «мужским началом» в нашей семье он считал маму. И вдруг её сила исчезла. Тут же, на наших глазах. Она растерянно опустилась на сундук, заменявший нам стол. И стала беспомощно оглядываться, как бы прося защиты.

— Ничего ещё не... — пробормотал Подкидыш. Но замолчал.

Мама не перечитывала, а долго, бесконечно, как мне казалось, смотрела на бумагу, которую мы сочиняли с Олегом.

Наконец она поднялась, взяла себя в руки.

— А где это письмо было целых полтора месяца? — спросила она.

— У меня, — ответил я.

— Мы вместе его получали, — заверил Олег.

Она изучила штемпель нашего города, перевернула конверт, чтобы найти штемпель отправителя. Он был московским.

— А почему же тут... — начала мама.

— Командир воинской части написал, наверно, в Москву, в Наркомат обороны, — засеменил я словами. — А оттуда переслали. Ты же сообщила наш адрес.

Она осторожно уложила бумагу обратно в конверт.

— Я боялся тебе показать.

У меня заныло в животе. Я скрючился. Бумажный треугольник, зашитый в куртку, издал хрустящий звук.

— Что-то мы сегодня в столовой съели, — объяснил всем Олег.

— Я ждала этого, — всё ещё с трудом овладевая словами, сказала мама. — Пока мы тут живём припеваючи, он, раненый... не в больнице, не в госпитале, а где-то в лесу. — Она помолчала, набралась сил. — Раньше, когда он слегка простужался, я сразу укладывала его в постель. И при этом непременно посмеивалась над его мнительностью. Сама же укладывала и сама же посмеивалась... Зачем? Если бы можно было перед ним извиниться!

— Всё вернется, — пообещал Николай Евдокимович.

— Легче восстановить завод, чем здоровье одного человека, — ответила мама. И обхватила руками голову: — В лесу... Без врачей, без лекарств...

— В партизанских отрядах есть врачи. Там делают операции, — напомнил Подкидыш.

— Иногда даже пилой иль кухонным ножом. Я читала в газете... Когда это касается других, восхищаешься, а когда близких людей — ужасаешься и страдаешь.

— Но вы же не возражаете против того, что в партизанские отряды доставляют... — снова начал Подкидыш.

— Из этого отряда, как вы заметили, даже нельзя писать, — перебила она. — Мы тут неплохо устроились, и нам очень легко рассуждать.

Николаю Евдокимовичу, и правда, убеждать её было легче, чем нам с Олегом: он не видел бумажного треугольника и не знал, не мог себе представить... что отца уже нет..

— Будем ждать. Что нам ещё остается? — сказала мама. И, заметив на краю стола-сундука белую бутылку, спросила: — А почему ты утром не пил молоко?

— Сейчас выпью. Может быть, и ты...

— Я сыта.

— Не возражаете, если я принесу своё? — предложил Николай Евдокимович.

— Зачем? — удивилась мама. — В партизанский отряд я не смогу его переправить. Так что пейте: мужчинам нужно больше калорий.

Мама потерла виски, села на топчан, заменявший постель. А уши закрыла руками. Она не плакала. Просто ей не хотелось никого видеть и слышать.

Мы потихоньку вышли.

11

После смерти Подкидыша мама без конца перечитывала письмо «командира воинской части», которое выстукал на машинке Олег. Боялась новой потери, не зная, что она к нам... уже пришла. А в гибели Николая Евдокимовича продолжала винить себя...

— Что мне стоило перепроверить? Что стоило?

Иногда она кончала словами, которых никто от неё раньше не слышал:

— Я устала. Очень устала.

Мне казалась, что устала она прежде всего от мыслей: об отце, о Подкидыше. А стремясь избавиться от усталости, нагружала на себя всё больше и больше дел.

Наш барак к тому времени окружили красные коробки будущих цехов. На стройке одного из них мама пропадала с рассвета и до ночи. Ей уже не приходилось встречать эшелоны, сгружать оборудование, рассортировывать... Но забот прибавлялось. Домой она приходила часов на шесть или семь. Укладывалась, когда радио кончало свои передачи, а вставала, как только чёрный круг на стене оживал. Так было изо дня в день, изо дня в день...

— Твоя мама уехала? — спросил меня как-то Олег. Он никогда не заставал её дома.

— Она на стройке.

— И отец там. Но не всегда же...

— А мама всегда.

Город заполнялся похожими, как близнецы, корпусами, перебрался через реку, занял позиции на том берегу. Нам с мамой дали восьмиметровую комнату в настоящем кирпичном доме.

Мы собрали все свои вещи, сложили их в бездонный сундук, обвитый железными лентами.

— Как я могла заставить Подкидыша тащить его? — продолжала терзать себя мама. — У него было столько болезней!

— Ты знала о них?

— Конечно... Ценим, когда теряем. И жалеем, когда теряем. Говорят: лучше поздно, чем никогда. Порой эта поговорка звучит бессмысленно. Поздно — значит, всё... Поезд ушёл. И всегда-то мы наваливаемся на безотказность человеческую, на деликатность. Эксплуатируем их нещадно...

— Ты о чём?

— Всё о том же.

Я никогда до той поры не догадывался, что душевные перегрузки подтачивают здоровье гораздо сильнее, чем физические. В физических мама искала спасение. И нагружала себя и нагружала...

Я редко встречался с нашими соседями по бараку: они затемно уходили и возвращались во тьме. Но когда мы стали прощаться, вдруг выяснилось, что я знал не только их надвинутые на глаза мохнатые шапки, не только их валенки и полушубки, — я угадывал, сам того не подозревая, их лица. И помнил глаза... Оказалось, что мы с ними в этом бараке сроднились.

Позже я понял: война не давала людям возможности и просто-напросто времени для проявления всех своих «разнокалиберных» качеств. На передовую позицию жизни выкатывались орудия главного калибра. Ими, настигавшими врага даже из дальнего тыла, были каждодневная, будничная отвага и готовность жертвовать и терпеть. Люди становились чем-то похожи друг на друга. Но это не было однообразием и безликостью, а было величием...

Весна, лето, осень шли, как и положено, друг за другом...

В природе порядок не нарушался. Но отношение к временам года стало иным. Я всегда обожал зиму с коньками и лыжами на Гоголевском бульваре. Теперь же я боялся мороза, как беспощадного недруга. Но ничего в природе изменить было нельзя — и холода опять наступили.

Каждый день начинался со сводки Информбюро. Если сводка была плохой, все знали, что надо утроить усилия. А если хорошей, то тем более надо утроить...

Мама утраивала свои усилия бесконечно. К тому же она не расставалась с письмом «командира воинской части» и не могла забыть металлический трос, который бы не убил Подкидыша, если бы всё вовремя «перепроверили». В конце концов она заболела... Простудилась, потому что очередной цех начали возводить в январе сорок третьего, на морозе.

Я сразу ощутил, что наша восьмиметровая комната уж не так велика. В ней поселилось третье существо — болезнь с кашлем, лекарствами. Стало тесно... И очень страшно. Я вглядывался в мамино лицо, а она улыбалась. Улыбка у нее была по-прежнему, «как у Любови Орловой».

— Обыкновенной простуды испугался? Чудак! — говорила она.

Я попросил зайти к нам Веру Дмитриевну, поскольку Олег объяснил мне, что старшая сестра госпиталя опытней главного врача: практика очень большая. Она заполнила нашу комнату собой... и уверенностью, успокоением.

— Воспаление лёгких. Организм истощен, конечно... Слабо сопротивляется. Но это не смертельное ранение. И даже не тяжёлое. Уж поверь мне! Мы, женщины, очень живучи. Поставим банки, горчичники — и все как рукой снимет. Не сомневайся!

15

А в самом начале сорок четвёртого года у Олега в доме появилась вдруг девушка с почты. Она жила, оказывается, в соседнем подъезде и разыскала меня.

— Ты уже давно не приходишь. А вам вот... письмо.

Она протянула треугольник без марки. Пальцы её стали совсем прозрачными и еще больше распухли на сгибах.

Я взял треугольник в руки. Уронил его... Поднял. Опустился на стул.

— Что с тобой? — как тогда, около двух лет назад, услышал я голос девушки.

Это было письмо от отца.

Рядом стояла пишущая машинка, на которой Олег выстукал сообщение «командира воинской части». И вот теперь... Это было невероятно.

«Дорогая Катенька! Дорогой Дима! — писал отец. — Родные мои, бесконечно любимые люди! Представляю, что вы из-за меня пережили, что передумали за эти два с лишним года.

Расскажу сейчас только о главном. Тороплюсь, чтобы письмо ушло с первым же самолётом: к годам вашего ожидания не могу добавить ни одной лишней минуты!

В октябре сорок первого меня ранило. Двигаться не мог и попал в плен. Про лагерь писать не буду. Это страшно, но уже позади! Мне с двумя солдатами удалось наконец бежать.

Сейчас, когда прошло время, наш побег кажется детективной историей. Но на самом деле он был предельным напряжением всех сил и возможностей.

Попали мы к партизанам... А вчера (только вчера!) воссоединились с нашей армией.

Хожу с палкой. Меня определили пока на службу в прифронтовой госпиталь.

Дорогие, я чувствую, что победа близка. А это значит, что мы соберёмся, как раньше, у нас, в Гагаринском переулке. И расскажем друг другу обо всём, что нам пришлось вынести. Это будет уже сброшенная с плеч ноша — и поэтому она не покажется нам непосильной. О подробностях в следующем письме. Тороплюсь... Но всё же скажу ещё вот что. Какие бы я ни испытывал муки, всегда было у меня утешение: вы в безопасности, за вас я могу быть спокоен! Хочу узнать о каждом прожитом вами дне! Буквально о каждом!

Передавайте привет Николаю Евдокимовичу. Как он живёт и работает? Оберегает ли вас? Если оберегает, я буду благодарен ему до конца своих дней.

Как замечательно, что вы, Катенька, там, в глубоком тылу.

Дорогая моя, скоро мы победим, чтобы никогда больше не расставаться...»

* * *

«Екатерина Андреевна Тихомирова, — прочитал я на гранитной плите, — 1904–1943».

Я приехал к маме, у которой не был около десяти лет. Так уж случилось. Сперва я приезжал часто, а потом... всё дела, всё дела...

«Организм истощён. Слабо сопротивляется...»

Прости меня, мама.

ВОПРОСЫ И ЗАДАНИЯ

ПОДЕЛИМСЯ ПЕРВЫМИ ВПЕЧАТЛЕНИЯМИ

1. В какое время переносит нас автор повести «В тылу как в тылу»? Чем взволновала вас рассказанная история?
2. Что вы думаете о самом рассказчике, от имени которого ведётся повествование?

УГЛУБИМСЯ В ТЕКСТ ПОВЕСТИ

3. Какой запомнил Дима свою мать, её внешний облик, отношение к близким и окружающим людям, к жизненным испытаниям?
4. Что покоряет вас в Екатерине Андреевне — в её поступках, высказываниях о жизни, в том, как она исполняет свой материнский и гражданский долг?
5. Почему каждодневные усилия тружеников тыла рассказчик назвал величием? Как он сам разъяснил смысл употреблённой им метафоры: «На передовую позицию жизни выкатывались орудия главного калибра»?
6. Как рассказывает взрослый Тихомиров о тех минутах, когда он мальчиком получил страшное известие об отце? По-детски ли он поступил в той ситуации?
7. Подумайте, есть ли связь между двумя эпизодами: первым, когда, получив ненастоящее письмо от мужа, Екатерина Андреевна с ужасом представляет его в лесу без необходимой медицинской помощи, и вторым, где Дима читает письмо от отца, в котором есть слова: «Как замечательно, что вы, Катенька, в глубоком тылу». Как воспринимают фронт и тыл два самых близких человека?
8. Какие жизненные уроки получил главный герой повести Дима Тихомиров? Кто в большей степени преподал их ему? Почему повесть заканчивается словами: «Прости меня, мама»?
9. Явился ли конец повести для вас неожиданным? Сравните его с началом произведения. Чему служит этот композиционный приём?

Для самостоятельной работы

10. Составьте выборочное устное изложение с элементами рассуждения от третьего лица на тему «Воспоминания сына о матери».
11. Отметьте в тексте повести художественные детали, которые создают атмосферу сурового военного времени.
12. Подготовьте выразительное чтение одного из диалогов повести. Объясните, в чём заключалась ваша исполнительская задача.

Для будущих филологов

Подготовьте сообщение на тему «Роль композиции в раскрытии авторского замысла повести «В тылу как в тылу» А. Алексина».

Белым камнем тот
день отмечу,
Когда я о победе пела,
Когда я победе навст-
речу,
Обгоняя солнце, летела.
А. Ахматова

Анна Андреевна АХМАТОВА

[1889–1966]

Поэзия Ахматовой солнечна, проста и свободна, как её юность. В самой Анне Андреевне всё было значительно: и внешний облик, и духовный мир. Никакие жизненные невзгоды не могли сломить её. Она всегда была прямой и строгой, величественной и мужественной.

Родилась Анна Андреевна Ахматова (настоящая фамилия — Горенко) под Одессой, в семье отставного флотского инженера-механика. Вскоре её родители переехали в Царское Село (под Петербургом), где она росла и училась в гимназии.

По семейным обстоятельствам заканчивать гимназию Ахматовой пришлось в Киеве, здесь же поступила она на юридический факультет Высших женских курсов.

Много испытаний выпало на долю Ахматовой. И смерть сестёр от чахотки (и у самой шла кровь горлом), и гибель мужа — поэта Николая Гумилёва, и мучительные переживания за сына, и несправедливая критика. Две революции, две страшные войны. Суровое время не щадило её нежную душу. Но эта душа оказалась стойкой, способной переносить беды и рождать из них правдивую поэзию:

Водою пахнет резеда
И яблоком любовь.
Но мы узнали навсегда,
Что кровью пахнет только кровь.

В одиннадцатилетнем возрасте Анна Ахматова написала своё первое стихотворение. В 1912 году вышел первый сборник её стихов — «Вечер». Он сразу стал заметным явлением русской поэзии; читатели услышали новый, удивительно чистый поэтический голос.

Любовь к родине была её характернейшей чертой. И когда пришла великая беда — Вторая мировая война, Анна Ахматова вместе со своим народом боролась против самого страшного зла двадцатого века — фашизма. Великое русское слово, произнесённое Ахматовой: «Для славы мёртвых нет», — озвучено мрамором и бронзой памятников Гнева и Скорби павшим защитникам Отечества.

Анна Андреевна Ахматова была великой труженицей. Она оставила нам прекрасную поэзию, переводы, исследования, посвящённые Пушкину, литературные воспоминания о своих современниках.

Строгий, мужественный и проникновенный голос Анны Ахматовой нельзя спутать с другими голосами блистательных поэтов двадцатого века.

По М. Дудину

Что отличало Анну Ахматову как человека и поэта?

КЛЯТВА

И та, что сегодня прощается с милым, —
Пусть боль свою в силу она переплавит.
Мы детям клянёмся, клянёмся могилам,
Что нас покориться никто не заставит!

МУЖЕСТВО

Мы знаем, что ныне лежит на весах
И что совершается ныне.
Час мужества пробил на наших часах,
И мужество нас не покинет.

Не страшно под пулями мёртвыми лечь,
Не горько остаться без крова, —
И мы сохраним тебя, русская речь,
Великое русское слово.
Свободным и чистым тебя пронесём,
И внукам дадим, и от плена спасём
Навеки!

УЧИМСЯ БЫТЬ ЧИТАТЕЛЯМИ

ОБ ЭМОЦИОНАЛЬНОЙ ВЫРАЗИТЕЛЬНОСТИ ЧТЕНИЯ

Цель литературы, как и других видов искусства, по выражению Л. Н. Толстого, состоит в том, что один человек передаёт «испытываемые им чувства, а другие люди заражаются этими чувствами и переживают их».

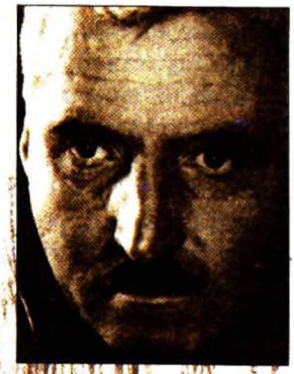
Чтец-исполнитель выражает в живом слове своё отношение к исполняемому произведению, находясь под воздействием чувств и помыслов автора, его симпатий и антипатий, его настроений и переживаний.

Полнота восприятия художественного текста чтецом передаётся посредством **интонации** (от латин. *intono* — громко произношу), которую нельзя выбрать произвольно или позаимствовать у кого-то. Интонация выразительного чтения зависит от глубины понимания чтецом исполняемого текста, его воображения, умения проникаться мыслями, чувствами, настроениями автора и его героев.

Чтобы интонация была верной и эмоционально выразительной, необходимо осмысливать и переосмысливать текст, стремиться понять основную мысль (идею) автора. Глубоко восприняв произведение, искренне переживая его, чтец испытывает внутреннюю потребность выразить чувства, которые оно вызывает. Поэтому главное в выразительном чтении — задушевность, убедительность, соответствие интонаций читаемому тексту.

Закрепим новые знания

1. Объясните, при каких условиях достигается эмоциональная выразительность чтения.
2. Подготовьте выразительное чтение одного из стихотворений Анны Ахматовой, постарайтесь с помощью интонации выразить чувства, которые оно у вас вызывает.



Константин Михайлович СИМОНОВ

[1915–1979]

Нас пули с тобою пока
ещё милуют.
Но, дрожью поверив,
что жизнь уже вся,
Я всё-таки горд был
за самую милую,
За горькую землю,
где я родился.
К. Симонов

АВТОБИОГРАФИЯ

До школы и в школе я стихов не писал. Потом, когда после седьмого класса я пошёл на производство и сначала стал учеником токаря, а потом токарем, я тоже первые два года ещё не писал стихов. В то время я думал, что стану военным (я вырос в военной семье) или инженером. Сколько-нибудь серьёзно я начал писать стихи в 16–17 лет. Сначала это были сатирические сочинения в стихах для фабричной стенной газеты «Крокодил»... Продолжая работать токарем, я стал писать стихи всё чаще и наконец решился отнести их к понимающим людям. Эти люди, указав на многие недостатки моих стихов, всё же посоветовали мне пойти учиться в вечерний рабочий Литературный университет, созданный незадолго до этого Алексеем

Максимовичем Горьким... К этому времени я уже перестал думать о том, что стану инженером или военным.

Инженером мне стать действительно не пришлось. Но военным я впоследствии стал: в 1939 году летом был зачислен в армию и послан в Монголию работать в армейской газете, выходившей там во время боёв с японцами на реке Халхин-Гол. После возвращения оттуда я около года занимался на курсах военных корреспондентов. Мы окончили эти курсы всего за несколько дней до начала Великой Отечественной войны. А 22 июня 1941 года мне и моим товарищам, так же как и миллионам других людей, пришлось снова надеть военную форму и не снимать её до конца войны.

...Я, как и многие другие поэты и писатели, видевшие войну своими глазами и хорошо знавшие, что это такое, стал после войны активным участником движения сторонников мира, неоднократно ездил за границу, выступал в защиту мира в печати, писал об этом стихи. На мой взгляд, поэзия всегда должна звать людей к мужеству, к решимости не отступать ни перед препятствиями, ни перед угрозами, ни перед необходимостью отдать свою жизнь за правое дело. Без этого поэзия не заслуживала бы своего назначения ни в дни войны, ни в дни мира.

1. Каким был путь Константина Симонова в поэзию?
2. В чём Симонов видел главное назначение поэзии?

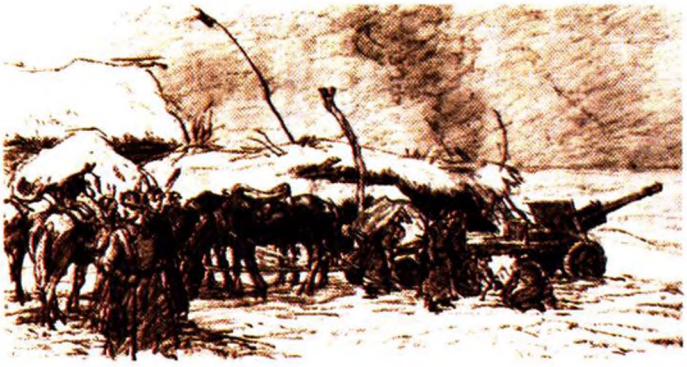
* * *

Майор привёз мальчишку на лафете.
Погибла мать. Сын не простился с ней.
За десять лет на том и этом свете
Ему зачтутся эти десять дней.

Его везли из крепости, из Бреста.
Был исцарапан пулями лафет.
Отцу казалось, что надёжней места
Отныне в мире для ребёнка нет.

Отец был ранен, и разбита пушка.
Привязанный к щиту, чтоб не упал,
Прижав к груди заснувшую игрушку,
Седой мальчишка на лафете спал.

Мы шли ему навстречу из России.
Проснувшись, он махал войскам рукой...
Ты говоришь, что есть ещё другие,
Что я там был и мне пора домой...



Ты это горе знаешь понаслышке,
А нам оно оборвало сердца.
Кто раз увидел этого мальчишку,
Домой прийти не сможет до конца.

Я должен видеть теми же глазами,
Которыми я плакал там, в пыли,
Как тот мальчишка возвратится с нами
И поцелует горсть своей земли.

За всё, чем мы с тобою дорожили,
Призвал нас к бою воинский закон.
Теперь мой дом не там, где прежде жили,
А там, где отнят у мальчишки он.

ВОПРОСЫ И ЗАДАНИЯ

1. Какая общая тема объединяет стихотворения Анны Ахматовой «Клятва» и «Мужество» и стихотворение Константина Симонова «Майор привёз мальчишку на лафете...»?
2. Стихотворение Анны Ахматовой «Клятва» написано в первый месяц войны. К чему призывает Ахматова женщин? Почему с такой потрясающей силой звучат слова клятвы в этом стихотворении?
3. В 1942 году, когда фашисты рвались к Сталинграду, Ахматова написала своё, ставшее знаменитым стихотворение «Мужество». Как Ахматова выразила в нём патриотический дух народа?
4. Стихи Ахматовой «Клятва» и «Мужество» являются ярким примером гражданской лирики. Каков пафос этих стихотворений? Определите особенности их поэтического языка, при помощи которых передаётся этот пафос.
5. Какими чувствами проникнуто стихотворение Константина Симонова «Майор привёз мальчишку на лафете...»? Какие художественные детали делают это стихотворение особенно волнующим?

6. В чём видит Константин Симонов свой долг воина-защитника? Как он об этом пишет?
7. Чем затронули вас стихи Ахматовой и Симонова о войне? О чём они заставили вас задуматься? Подготовьте выразительное чтение этих стихотворений, выучите одно из них наизусть.
8. Какие стихотворения русских и украинских поэтов о Великой Отечественной войне вы знаете? Чем они вас волнуют?

УЧИМСЯ БЫТЬ ЧИТАТЕЛЯМИ

ОБ ИСПОЛНИТЕЛЬСКОЙ ЗАДАЧЕ ЧТЕЦА

Исполнитель художественного текста должен готовиться к тому, чтобы говорить от имени автора его словами, созвучиями, ритмами. Это процесс сложный, требующий подготовки и интереса к художественному слову. Он обязывает исполнителя «разделить искренно с поэтом высокое ощущение, наполнявшее его душу... душою и сердцем почувствовать всякое слово его — и тогда уже выступать на публичное его чтение». Чтобы следовать этому пожеланию Николая Гоголя, нужно осознать и ощутить дух времени, в которое жил автор, личность автора, особенности его произведения. Необходимо разобраться в тех обстоятельствах, которые побудили автора к созданию произведения, и выяснить, какие цели он преследовал, создавая его. Важно присмотреться и прислушаться к каждой фразе, к каждому слову, звуку, знаку текста.

Только в этом случае можно взять на себя право дополнять замысел автора своим отношением, благодаря которому возникают внутреннее волнение, страстность исполнителя и правильность его интонации.

По Б. Буяльскому

Закрепим новые знания

1. В чём заключается исполнительская задача чтеца?
2. Какая подготовка необходима чтецу, чтобы верно донести до слушателей замысел автора?
3. Определите свою исполнительскую задачу и осуществите её при чтении стихотворения, посвящённого Великой Отечественной войне.

Сергей Сергеевич ОРЛОВ

[1921–1977]

Здесь молодости рубежи и сроки,
По жизни окаянная тоска...
Я порохом пропахнувшие строки
Из-под обстрела вынес на руках.
С. Орлов

Сергей Орлов родился в селе Мегра Вологодской области в семье учителей. В 1938 году на Всесоюзном конкурсе школьников был отмечен премией за лучшее стихотворение, которое очень понравилось Корнею Чуковскому. В 1940 году Орлов стал студентом исторического факультета Петрозаводского[1] университета. В первые дни войны, в июне 1941 года он вступил в истребительный батальон народного ополчения; через два месяца стал танкистом. 17 февраля 1944 года Орлов горел в танке, следы от страшных ожогов остались на его лице на всю жизнь.

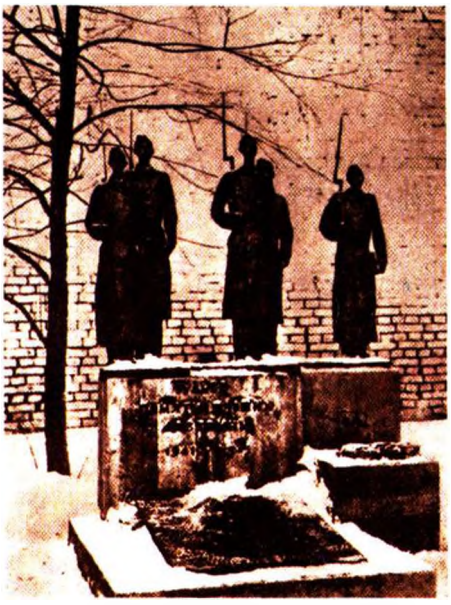
На фронте, в короткие часы отдыха, Сергей Орлов писал стихи о войне. Некоторые из них вошли в сборник «Фронт», вышедший в 1942 году

[1] Петрозаводск находится в Карелии (Россия).

в Челябинске. Известность Сергею Орлову принесло написанное в 1944 году стихотворение «Его зарыли в шар земной...» — стихотворение-памятник простому солдату, спасшему планету от гибели. Высокую оценку критиков и читателей получила послевоенная книга стихов «Третья скорость» (1946 г.). Идущие от сердца, стихи военных лет Сергея Орлова наполнены чувством глубокого сострадания к погибшим, обжигают сердца правдой пережитого; вся его жизнь служит уроком мужества, уроком самоотверженного служения Родине.

Прочитайте эпиграф, предпосланный этой статье. Что значило для Сергея Орлова на войне обращение к поэтическому творчеству?

* * *



Его зарыли в шар земной,
А был он лишь солдат,
Всего, друзья, солдат простой,
Без званий и наград.
Ему как мавзолей земля —
На миллион веков,
И Млечные Пути пылят
Вокруг него с боков.
На рыжих скатах тучи спят,
Метелицы метут,
Грома тяжёлые гремят,
Ветра разбег берут.
Давным-давно окончен бой...
Руками всех друзей
Положен парень в шар земной,
Как будто в мавзолей...

* * *

А мы такую книгу прочитали...
Не нам о недочитанных жалеть.
В огне багровом потонули дали
И в памяти остались пламенеть.

Кто говорит о песнях недопетых?
Мы жизнь свою, как песню, пронесли...
Пусть нам теперь завидуют поэты:
Мы всё сложили в жизни, что могли.

Как самое великое творенье,
Пойдёт в века, переживёт века
Информбюро скупое сообщенье
О путь-дороге нашего полка.

Юлия Владимировна ДРУНИНА

[1925 – 1991]

Я тем гордилась, что среди огня
Мужчины в окровавленных шинелях
На помощь звали девушку — меня...
Ю. Друнина

Юлия Друнина в детстве любила много читать и никогда не сомневалась, что будет литератором. Она родилась в Москве в семье учителя. Стихи стала писать в 11 лет. Когда началась Великая Отечественная война шестнадцатилетняя Друнина записалась в добровольную санитарную дружину при районном обществе Красного Креста и работала санитаркой в глазном госпитале. Затем она участвовала в строительстве оборонных сооружений под Можайском, где и стала санитаркой пехотного полка. После ранения закончила школу младших авиаспециалистов и была направлена в штурмовой полк на Дальнем Востоке. Получив известие о смерти отца, Друнина едет на похороны по увольнению, но оттуда не возвращается в свой

полк, а отправляется в Москву, в Главное управление Военно-Воздушных Сил. Здесь, обманув всех, получает справку, что отстала от поезда, едет на фронт, на Запад. В Гомеле оформляет направление в 218-ю стрелковую дивизию. Снова была ранена. После выздоровления воевала в Белорусском Полесье, Прибалтике. В ноябре 1944 года в связи с контузией получила документ: «...негоден к несению военной службы».

На двадцатом году жизни Юлия Друнина приезжает в Москву. У неё нет сомнений, чем заниматься. Она учится в Литературном институте и пишет стихи.

В начале 1945 года в журнале «Знамя» была напечатана подборка стихотворений Юлии Друниной. В 1955 году вышел её первый сборник «Разговор с сердцем», в 1958 году — сборник «Ветер с фронта». В последующие годы печатаются новые сборники её стихотворений. Но к каким бы сторонам жизни ни обращалась Юлия Друнина в своём поэтическом творчестве, тема прошедшей войны всегда оставалась в нём центральной. Она писала о несправедливости и бесчеловечности войны, о невозвратимых потерях близких и дорогих людей, о тех, кто прямо со школьной скамьи шагнул «в сырой блиндаж». Желая донести до читателя самое главное о своём фронтовом поколении, самое наболевшее, она написала так в одном из своих стихотворений:

Не знаю, где я нежности училась, —
Об этом не расспрашивай меня.
Растут в степи солдатские могилы,
Идёт в шинели молодость моя.

Что, по вашему мнению, было главным в характере юной Юлии Друниной?

* * *

Я только раз видала рукопашный.
Раз — наяву. И тысячу — во сне.
Кто говорит, что на войне не страшно,
Тот ничего не знает о войне.

ЗИНКА

Памяти однополчанки —
Героя Советского Союза
Зины Самсоновой

I

Мы легли у разбитой ели,
Ждём, когда же начнёт светлеть.
Под шинелью вдвоём теплее
На продрогшей, гнилой земле.

— Знаешь, Юлька, я — против грусти,
Но сегодня она — не в счёт.
Дома, в яблочном захолустье,
Мама, мамка моя живёт.

У тебя есть друзья, любимый,
У меня — лишь она одна.
Пахнет в хате квашнёй и дымом,
За порогом бурлит весна.

Старой кажется: каждый кустик
Беспокойную дочку ждёт...
Знаешь, Юлька, я — против грусти,
Но сегодня она — не в счёт.

Отогрелись мы еле-еле,
Вдруг — приказ: «Выступать вперёд!»
Снова рядом в сырой шинели
Светлокосый солдат идёт.

II

С каждым днём становилось горше.
Шли без митингов и знамён.
В окруженье попал под Оршей
Наш потрёпанный батальон.
Зинка нас повела в атаку,
Мы пробились по чёрной ржи,
По воронкам и буеракам,
Через смертные рубежи.

Мы не ждали посмертной славы.
Мы хотели со славой жить.
...Почему же в бинтах кровавых
Светлокосый солдат лежит?

Её тело своей шинелью
Укрывала я, зубы сжав,
Белорусские ветры пели
О рязанских глухих садах.

III

...Знаешь, Зинка, я — против грусти,
Но сегодня она — не в счёт.
Где-то, в яблочном захолустье,
Мама, мамка твоя живет.

У меня есть друзья, любимый,
У неё ты была одна.
Пахнет в хате квашнёй и дымом,
За порогом бурлит весна.

И старушка в цветастом платье
У иконы свечу зажгла.
...Я не знаю, как написать ей,
Чтоб тебя она не ждала?

* * *

Я, признаться, сберечь не сумела шинели —
На пальто перешили служивую мне.
Было трудное время... К тому же хотели
Мы скорее забыть о войне.

Я пальто из шинели давно износила,
Подарила я дочке с пилотки звезду,
Но коль сердце моё тебе нужно, Россия,
Ты возьми его, как в сорок первом году!

Евгений Михайлович ВИНОКУРОВ

(1925 – 1993)

Мы надвигались медленной лавиной.
От копоти был чёрным белый свет...
Мне было девятнадцать с половиной
Таких прекрасных юношеских лет!

Е. Винокуров

КОРОТКО О СЕБЕ

Я родился в г. Брянске в 1925 году. Окончание моего детства совпадает с началом войны.

Осенью 1943 года я уже принял артиллерийский взвод. Мне не исполнилось еще и восемнадцати лет — передо мной стояли пушки и двадцать пять взрослых человек. Я стал отцом-командиром.

Весной 1944 года полк отбыл на 4-й Украинский фронт, в Карпаты. Войну закончил в Силезии, в городишке Обер-Глогау. Я рад, что на мою долю выпали настоящие трудности. О моем поколении нельзя сказать, что оно опоздало родиться.

Меня оставили в кадрах, но первая же после войны медкомиссия — и я демобилизован. К этому времени я написал несколько стихотворений. Первые стихи опубликованы в 1948 году.

Что такое поэзия? Думаю, что это не что-то одно. Поэзия — это и музыка, к которой прислушивается поэт в себе самом, но это и долг, которому он подчинён; это и живописные зрелища, но и слово, несущее смысл, суть; это и галерея эпических характеров, но и признанья; это и внутренний голос, но и внешний ритм.

Мои книги: «Стихи о долге» (1951), «Синева» (1956), «Признанья» (1958), «Лицо человеческое» (1960), «Слово» (1962), «Музыка» (1964), «Характеры» (1965), «Ритм» (1966), «Зрелища» (1968), «Жест» (1969), «Метафоры» (1972), «В силу вещей» (1973), «Серёжка с Малой Бронной» (1975), «Контрасты» (1975), «Жребий» (1978), сборник статей и заметок «Поэзия и мысль» (1966) и др.

Мне давали одновременно два взаимоисключающих совета: «Ни дня без строчки» — и: «Пиши только тогда, когда не можешь не писать». Я — за второе.

Как понимал назначение поэзии Евгений Винокуров?

* * *

Со мной в одной роте служил земляк —
Москвич, славный парень — Лёшка.
Из одного котелка мы с ним ели так:
Он — ложку, я — ложку.

Вдали от Москвы, по чужой стороне,
В строю мы с ним рядом шагали.
Мы спали бок о бок и часто во сне
Друг друга локтями толкали.

А в затишье, бывало, после атак,
На привале ко мне он подляжет,
И мы про Москву говорили с ним так:
Я — расскажу, он — расскажет.

В костре на ветру угольки догорят,
Шумит по-немецки кустарник,
А мы вспоминаем соседских ребят
И кинотеатр «Ударник».

Он был под Берлином в бою штыковом
Убит. Мы расстались. Навеки...
Он жил на Арбате[1], в большом, угловом,
В сером доме, что против аптеки.

[1] Арба́т — улица в центре Москвы.

МОСКВИЧИ

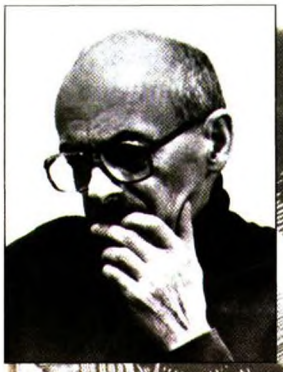
В полях за Вислой сонной
Лежат в земле сырой
Серёжка с Малой Бронной
И Витька с Моховой.

А где-то в людном мире
Который год подряд
Одни в пустой квартире
Их матери не спят.

Свет лампы воспалённой
Пылает над Москвой
В окне на Малой Бронной,
В окне на Моховой.

Друзьям не встать. В округе
Без них идёт кино,
Девчонки, их подруги,
Все замужем давно.

Пылает свод бездонный.
И ночь шумит листвой
Над тихой Малой Бронной,
Над тихой Моховой.



Все мои стихи и песни не столько о войне, сколько против неё.

Б. Окуджава

Булат Шалвович ОКУДЖАВА

[1924 – 1997]

Булат Окуджава широко известен не только как автор замечательных стихотворений, но и как переводчик, прозаик, драматург, композитор и исполнитель собственных песен.

Булат Шалвович Окуджава родился 9 мая 1924 года в Москве в семье партийных работников. В 1934 году вместе с родителями переехал в Нижний Тагил, где его отец, первый секретарь городского комитета партии, был арестован и расстрелян. Мать по политическому обвинению сослали в карагандинский лагерь.

Вместе с братом Окуджава жил у бабушки в Тбилиси. В школьные годы, с 14-летнего возраста, был статистом и рабочим сцены в театре, работал слесарем, в начале Великой Отечественной

войны — токарем на оборонном заводе. В 1942 году после девятого класса добровольцем ушёл на войну. Служил в запасном миномётном дивизионе, затем после двух месяцев обучения был отправлен на Северо-Кавказский фронт. Прошёл суровую военную школу миномётчика, затем радиста тяжёлой артиллерии. Был ранен.

В 1945 году Окуджава демобилизовался и вернулся в Тбилиси, где экстерном[1] закончил среднюю школу и поступил на филологический факультет Тбилисского университета. После его окончания учительствовал в Калужской области и в г. Калуге. Там же, в Калуге, в 1956 году вышел первый сборник стихотворений Булата Окуджавы — «Лирика».

В 1955 году были реабилитированы[2] его родители. С 1956 года Окуджава жил и работал в Москве в издательстве «Молодая гвардия», затем — заведующим отделом поэзии в «Литературной газете».

Булат Окуджава написал более 800 стихотворений. Многие из них рождались у него вместе с музыкой и становились песнями. Магнитофонные записи его выступлений расходились по стране в тысячах экземпляров. Его песни звучали в кинофильмах и спектаклях, в концертных программах, в теле- и радиопередачах.

В 1970 году появилась одна из самых знаменитых песен Окуджавы — «Мы за ценой не постоим», написанная по заказу киностудии к кинофильму «Белорусский вокзал». Режиссёр Андрей Смирнов предложил Окуджаве написать эту песню как бывшему фронтовику, солдату-миномётчику. Он просил написать песню, которую бы пели в фильме тоже бывшие фронтовики, и притом такую, «чтобы это была песня, как бы ими самими сочинённая». Песня «Мы за ценой не постоим», которая по первоначальному замыслу режиссёра должна была сделать более достоверной сцену встречи фронтовых друзей, сама — как бы одно из главных действующих лиц фильма.

Булат Окуджава стал основоположником жанра авторской песни. Концерты Окуджавы проходили в Болгарии, Австрии, Великобритании, Венгрии, Австралии, Израиле, Испании, Италии, Канаде, Франции, Германии, Польше, США, Финляндии, Швеции, Югославии, Японии. Его произведения переведены на языки многих народов мира и изданы в разных странах.

[1] Экстéрн — человек, сдающий экзамены за курс учебного заведения, не обучаясь в нём.
[2] Реабилитúровать — снять несправедливое обвинение.

1. Какие испытания в детстве и юности выпали на долю будущего поэта Булата Окуджавы?
2. Знаете ли вы песни на стихи Окуджавы? Какие?

ДО СВИДАНИЯ, МАЛЬЧИКИ

Ах, война,
что ж ты сделала, подлая:
стали тихими наши дворы,

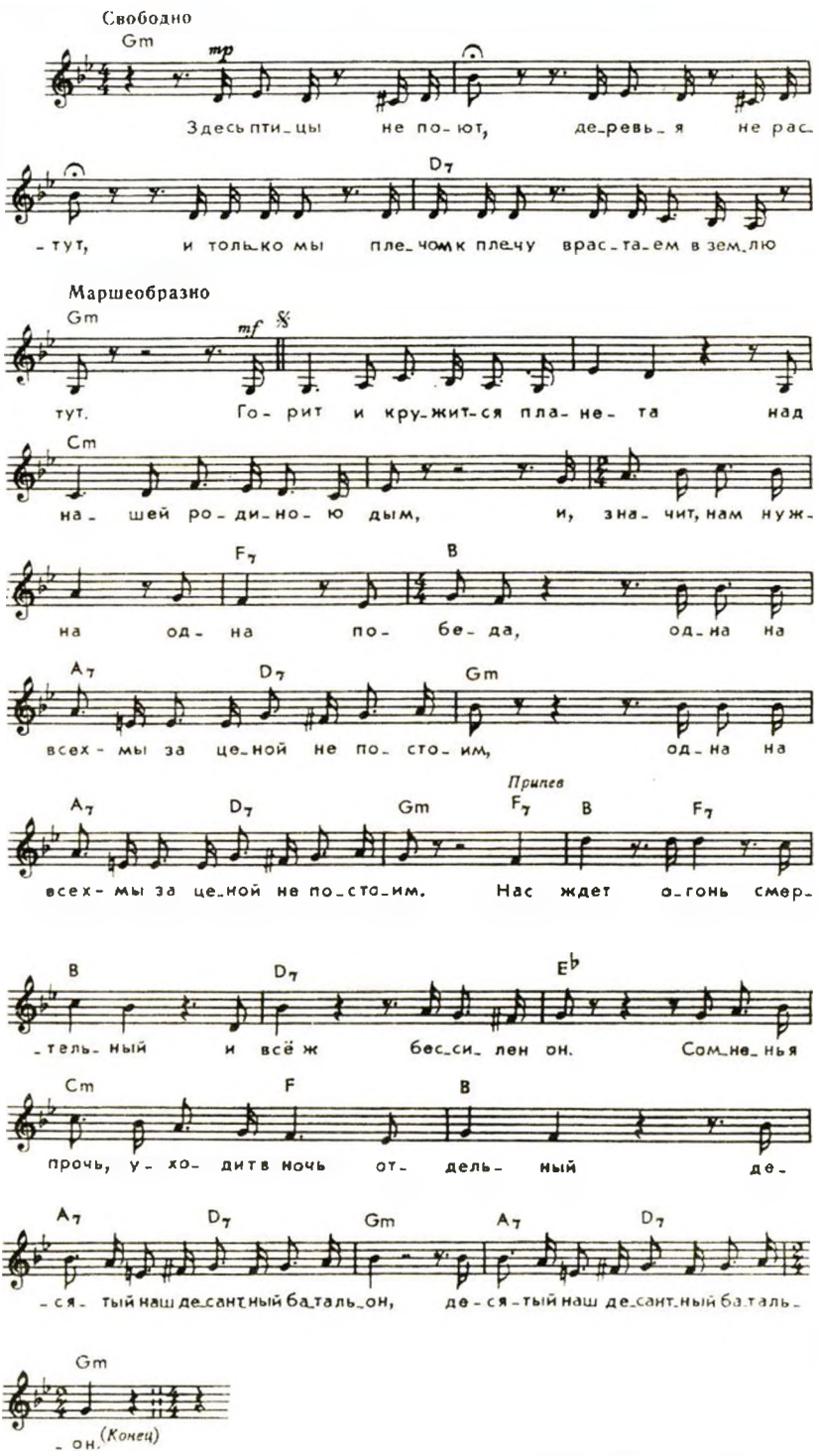
наши мальчики головы подняли —
повзрослели они до поры,
на пороге едва помаячили и ушли,
за солдатом — солдат...
До свидания, мальчики!
Мальчики,
постарайтесь вернуться назад.
Нет, не прячьтесь вы,
будьте высокими,
не жалейте ни пуль, ни гранат
и себя, не щадите, и всё-таки
постарайтесь вернуться назад.

Ах, война,
что ж ты, подлая, сделала!
Вместо свадеб —
разлуки и дым,
наши девочки платьица белые
раздарили сестрёнкам своим.
Сапоги —
ну куда от них денешься?
Да зелёные крылья погон...
Вы наплюйте на сплетников,
девочки.
Мы сведём с ними счёты потом.
Пусть болтают,
что верить вам не во что,
что идёте войной наугад...
До свидания, девочки!
Девочки,
постарайтесь вернуться назад.

МЫ ЗА ЦЕНОЙ НЕ ПОСТОИМ

Здесь птицы не поют,
Деревья не растут.
И только мы плечом к плечу
Врастаем в землю тут.
Горит и кружится планета,
Над нашей Родиною дым,
И, значит, нам нужна одна победа,
Одна на всех — мы за ценой не постоим.

Припев:
Нас ждёт огонь смертельный,
И всё ж бессилен он.
Сомненья прочь: уходит в ночь отдельный
Десятый наш десантный батальон.


Свободно
Gm
mp
Здесь пти-цы не по-ют, де-ревь-я не рас-
D7
-тут, и толь-ко мы пле-чом к плечу врас-та-ем в зем-лю
Маршеобразно
Gm
mf
тут. Го-рит и кру-жит-ся пла-не-та над
Cm
на-шей ро-ди-но-ю дым, и, зна-чит, нам нуж-
F7
B
на од-на по-бе-да, од-на на
A7
D7
Gm
всех-мы за це-ной не по-сто-им, од-на на
Припев
A7
D7
Gm
F7
B
F7
всех-мы за це-ной не по-сто-им. Нас ждет о-гонь смер-
B
D7
E♭
-тель-ный и всё ж бес-си-лен он. Сом-не-нья
Cm
F
B
прочь, у-хо-дит в ночь от-дель-ный де-
A7
D7
Gm
A7
D7
-ся-тый наш де-сант-ный ба-таль-он, де-ся-тый наш де-сант-ный ба-таль-
Gm
-он. (Конец)

Лишь только бой угас,
Звучит другой приказ.
И почтальон сойдёт с ума,
Разыскивая нас.
Взлетает красная ракета,
Бьёт пулемёт, неутомим.
И, значит, нам нужна одна победа,
Одна на всех. Мы за ценой не постоим!

Припев.

От Курска и Орла
Война нас довела
До самых вражеских ворот.
Такие, брат, дела...
Когда-нибудь мы вспомним это,
И не поверится самим,
А нынче нам нужна одна победа,
Одна на всех. Мы за ценой не постоим!

ПОЖЕЛАНИЕ ДРУЗЬЯМ

Давайте восклицать, друг другом восхищаться.
Высокопарных слов не стоит опасаться.
Давайте говорить друг другу комплименты —
ведь это всё любви счастливые моменты.

Давайте горевать и плакать откровенно,
то вместе, то поврозь, а то попеременно.
Не нужно придавать значения злословью —
поскольку грусть всегда соседствует с любовью.

Давайте понимать друг друга с полуслова,
чтоб, ошибившись раз, не ошибиться снова.
Давайте жить, во всём друг другу потакая, —
тем более, что жизнь короткая такая.

ВОПРОСЫ И ЗАДАНИЯ

1. Познакомьтесь с краткими биографиями поэтов — участников Великой Отечественной войны. Объясните, как связаны эпиграфы с содержанием статей, к которым они относятся.
2. Прочитайте стихотворения о войне Сергея Орлова, Юлии Друниной, Евгения Винокурова, Булата Окуджавы. Какие из них вам особенно понравились и почему?
3. Подготовьте комментарии двух стихотворений (по выбору), при этом постарайтесь выразить собственное отношение к ним.
4. Выразительно прочитайте понравившиеся вам стихотворения. Объясните свой выбор.
5. Почему многие стихотворения о войне становились песнями?

Для самостоятельной работы

6. Напишите сочинение-миниатюру на тему «Моё любимое стихотворение о Великой Отечественной войне».
7. Выучите наизусть два стихотворения о войне (по выбору).

Для будущих филологов

Подготовьте поэтический сборник стихотворений о Великой Отечественной войне, ставших песнями. Укажите фамилии не только поэтов, но и композиторов, написавших музыку к стихам.

Любая панорама мировой фантастики без его книг не будет полной.

Н. Науменко

Роберт ШЕКЛИ

[1928–2005]

В 2005 году в Киеве состоялась Международная ассамблея фантастики «Портал-2005», и почётным гостем на ней был Роберт Шекли — американский писатель, легенда мировой фантастики, великий бунтарь и гуманист.

Роберт Шекли родился 16 июля 1928 года в Бруклине, вырос в Нью-Джерси. После окончания школы уехал в Калифорнию, работал рассыльным, буфетчиком, садовником. В 1946–1948 годах служил в армии США, участвовал в Корейской войне, но не в боевом подразделении, а в качестве редактора полковой газеты. В 1951 году закончил Нью-Йоркский университет. Его первый рассказ был напечатан в 1952 году, и с тех пор Шекли опубликовал сотни новелл, несколько десятков романов и повестей.

Роберта Шекли, как и едва ли не всех писателей его поколения, к фантастике пристрастили Ж. Верн, Г. Уэллс, Э. Р. Берроуз, Г. Ф. Лавкрафт, А. Г. Меррит. Но в лучших своих рассказах Шекли продолжил совсем иные традиции[1]: он верный наследник великих новеллистов Марка Твена и О. Генри. Шекли блестяще обыгрывал затёртые, казалось бы, темы фантастики — первый контакт, путешествия во времени, договор с дьяволом. Каждый раз он предлагал читателю новую интеллектуальную игру: даны исходные обстоятельства — и что произойдёт с героями? какой они найдут выход? Но если прочитать его рассказы «Страж-птица», «Ордер на убийство», «Премия за риск», «Город-мечта, да ноги из плоти», «Я и мои шпики», «Седьмая жертва», можно понять: конфликт человека и общества для Шекли важен и интересен не менее, чем лихо закрученные сюжеты с неожиданными финалами.

В 1960-е годы писатель всё чаще обращался к крупной форме. Романы «Обмен разумов» (1960), «Хождение Джоэниса» (1962), «Координаты чудес» (1968) посвящены приключениям обыкновенного здравомыслящего человека в безумном мире. «Герои Шекли — невинные и наивные люди, которых отправляют в странствия, специально рассчитанные на то, чтобы лишить наивных идеалистов[2] их иллюзий[3]», — писал английский критик Брайан Олдисс.

В последние десятилетия Шекли продолжал создавать и короткие рассказы, и крупные произведения.

Шекли много ездил по свету, жил в разных городах США и Европы. В девяностых годах побывал в России: дважды в Санкт-Петербурге и один раз в Екатеринбурге — на фестивале фантастов «Аэлита».

Умер Роберт Шекли 9 декабря 2005 года. Не случайно в сообщениях о смерти писателя так часто повторялись слова «мысль» и «свобода». Он учил мыслить, и мыслить свободно. Его произведения читают не только в Америке, но и во всём мире. Любовь к нему читателей Италии, Германии, Польши и, конечно, постсоветских стран остаётся неизменной.

По материалам журнала «Реальность фантастики», 2006, № 1

К каким темам и сюжетам обращался чаще всего Роберт Шекли в своём творчестве?

[1] Традиция (латин. *traditio* — передача) — то, что унаследовано от предшествующих поколений.

[2] Идеалист — тот, кто идеализирует действительность, т. е. представляет её себе лучше, чем в реальности; мечтатель.

[3] Иллюзия (от латин. *illudo* — обманываю) — нечто несбыточное, мечта.

ЗАПАХ МЫСЛИ

По-настоящему неполадки у Лероя Кливи начались, когда он вёл почтолёт-243 по неосвоенному звёздному скоплению Пророкоугольника. Лероя и прежде-то удручали обычные трудности межзвёздного почтальона: старый корабль, изъязвлённые трубы, невыверенные астронавигационные приборы. Но теперь, считывая показания курса, он заметил, что в корабле становится невыносимо жарко.

Он подавленно вздохнул, включил систему охлаждения и связался с Почтмейстером Базы. Разговор вёлся на критической дальности радиосвязи, и голос Почтмейстера еле доносился сквозь океан статических разрядов.

— Опять неполадки, Кливи? — спросил Почтмейстер зловещим голосом человека, который сам составляет графики и свято в них верует.

— Да как вам сказать, — иронически ответил Кливи. — Если не считать труб, приборов и проводки, всё прекрасно, вот разве изоляция и охлаждение подкачали.

— Действительно, позор, — сказал Почтмейстер, внезапно преисполняясь сочувствием. — Представляю, каково тебе там.

Кливи до отказа крутанул регулятор охлаждения, стёр пот, заливающий глаза, и подумал, что Почтмейстеру только кажется, будто он знает, каково сейчас его подчинённому.

— Я ли снова и снова не ходатайствую перед правительством о новых кораблях?— Почтмейстер невесело рассмеялся. — Похоже, они считают, будто доставлять почту можно на любой корзине.

В данную минуту Кливи не интересовали заботы Почтмейстера. Охлаждающая установка работала на полную мощность, а корабль продолжал перегреваться.

— Не отходите от приёмника, — сказал Кливи. Он направился в хвостовую часть корабля, откуда как будто истекал жар, и обнаружил, что три резервуара заполнены не горючим, а пузырящимся раскалённым добела шлаком. Четвёртый на глазах претерпевал такую же метаморфозу.

Мгновение Кливи тупо смотрел на резервуары, затем бросился к рации.

— Горючего не осталось, — сообщил он. — По-моему, произошла каталитическая реакция. Говорил я вам, что нужны новые резервуары. Сяду на первой же кислородной планете, какая подвернётся.

Он схватил Аварийный Справочник и пролистал раздел о скоплении Пророкоугольника. В этой группе звёзд отсутствовали колонии, а дальнейшие подробности предлагалось искать по карте, на которую были нанесены кислородные миры. Чем они богаты, помимо кислорода, никому не ведомо. Кливи надеялся выяснить это, если только корабль в ближайшее время не рассыплется.

— Попробую З-М-22, — проревел он сквозь нарастающие разряды.

— Хорошенько присматривай за почтой, — протяжно прокричал в ответ Почтмейстер. — Я тотчас же высылаю корабль.

Кливи ответил, что он сделает с почтой — со всеми двадцатью фунтами почты. Однако к этому времени Почтмейстер уже прекратил приём.

Кливи удачно приземлился на З-М-22, исключительно удачно, если принять во внимание, что к раскалённым приборам невозможно было прикоснуться, размякшие от перегрева трубы скрутились узлом, а почтовая сумка на спине стесняла движения. Почтолёт-243 вплыл в атмосферу, словно лебедь, но на высоте двадцати футов от поверхности отказался от борьбы и камнем рухнул вниз.

Кливи отчаянно силился не потерять остатки сознания. Борта корабля приобрели уже тёмно-красный оттенок, когда он вывалился из запасного люка; почтовая сумка по-прежнему была прочно пристёгнута к его спине. Пошатываясь, с закрытыми глазами он пробежал сотню ярдов. Когда корабль взорвался, взрывная волна опрокинула Кливи. Он встал, сделал ещё два шага и окончательно провалился в небытие.

Когда Кливи пришёл в себя, он лежал на склоне маленького холмика, уткнувшись лицом в высокую траву. Он пребывал в непередаваемом состоянии шока. Ему казалось, что разум его отделился от тела и, освобождённый, витает в воздухе. Все заботы, чувства, страхи остались с телом: разум был свободен.

Он огляделся и увидел, что мимо пробегает маленький зверёк, величиной с белку, но с тёмно-зелёным мехом.

Когда зверёк приблизился, Кливи заметил, что у него нет ни глаз, ни ушей.

Это его не удивило — напротив, показалось вполне уместным. На кой чёрт сдались белке глаза да уши? Пожалуй, лучше, что белка не видит несовершенства мира, не слышит криков боли...

Появился другой зверь, величиной и формой тела напоминающий крупного волка, но тоже зелёного цвета. Параллельная эволюция? Она не меняет общего положения вещей, заключил Кливи. У этого зверя тоже не было ни глаз, ни ушей. Но в пасти сверкали два ряда мощных клыков.

Кливи наблюдал за животными с вялым интересом. Какое дело свободному разуму до волков и белок, пусть даже безглазых? Он заметил, что в пяти футах от волка белка замерла на месте. Волк медленно приближался. На расстоянии трёх футов он, по-видимому, потерял след — вернее, запах. Он затряс головой и медленно описал возле белки круг. Потом снова двинулся по прямой, но уже в неверном направлении.

Слепой охотится на слепца, подумал Кливи, и эти слова показались ему глубокой извечной истиной. На его глазах белка задрожала вдруг мелкой дрожью: волк закружился на месте, внезапно прыгнул и сожрал белку в три глотка.

Какие у волков большие зубы, безразлично подумал Кливи. И в тот же миг безглазый волк круто повернулся в его сторону.

Теперь он съест меня, подумал Кливи. Его забавляло, что он окажется первым человеком съеденным на этой планете.

Когда волк ощерился над самым его лицом, Кливи снова лишился чувств.

Очнулся он вечером. Уже протянулись длинные тени, солнце уходило за горизонт. Кливи сел и в виде опыта осторожно согнул руки и ноги. Всё было цело.

Он привстал на одно колено, ещё пошатываясь от слабости, но уже почти полностью отдавая себе отчёт в том, что случилось. Он помнил катастрофу, но так, словно она происходила тысячу лет назад: корабль сгорел, он отошёл поодаль и упал в обморок. Потом повстречался с волком и белкой.

Кливи неуверенно встал и огляделся по сторонам. Должно быть, последняя часть воспоминаний ему пригрезилась. Его бы давно уже не было в живых, окажись поблизости какой-нибудь волк.

Тут Кливи взглянул под ноги и увидел зелёный хвостик белки, а чуть поодаль — её голову.

Он лихорадочно пытался собраться с мыслями. Значит, волк и в самом деле был, да к тому же голодный. Если Кливи хочет выжить до прихода спасателей, надо выяснить, что тут произошло и почему.

У животных не было ни глаз, ни ушей? Но тогда каким образом они выслеживали друг друга? По запаху? Если так, то почему волк искал белку столь неуверенно?

Послышалось негромкое рычание, и Кливи обернулся. Менее чем в пятидесяти футах появилось существо, похожее на пантеру — на зеленовато-коричневую пантеру без глаз и ушей.

Проклятый зверинец, подумал Кливи и затаился в густой траве. Чужая планета не давала ему ни отдыха, ни срока. Нужно же ему время на размышление! Как устроены эти животные? Не развито ли у них вместо зрения чувство локации?

Пантера поплелась прочь.

У Кливи чуть отлегло от сердца. Быть может, если не попадаться ей на пути, пантера...

Едва он дошёл в своих мыслях до слова «пантера», как животное повернулось в его сторону.

— Что же я сделал? — спрашивал себя Кливи, поглубже зарываясь в траву. — Она не может меня учуять, увидеть или услышать. Я только решил ей не попадаться...

Подняв морду кверху, пантера мерным шагом затрусила к нему.

Вот оно что! Животное, лишённое глаз и ушей, может обнаружить присутствие Кливи только одним способом.

Способом телепатическим!

Чтобы проверить свою теорию, Кливи мысленно произнёс слово «пантера», отождествляя его с приближающимся зверем. Пантера взревела и заметно сократила разделяющее их расстояние.

В какую-то ничтожную долю секунды Кливи постиг многое. Волк преследовал белку при помощи телепатии. Белка замерла — быть может, отключила свой крохотный мозг. Волк сбился со следа и не находил его, пока белке удавалось тормозить деятельность мозга.

Если так, то почему волк не напал на Кливи, когда тот лежал без сознания? Быть может, Кливи перестал думать — по крайней мере перестал думать на той длине волн, какую улавливает волк? Но не исключено, что дело обстоит гораздо сложнее.

Сейчас основная задача — это пантера.

Зверь снова взвыл. Он находился всего лишь в тридцати футах от Кливи, и расстояние быстро уменьшалось. Главное — не думать, решил Кливи, не думать о... думать о чём-нибудь другом. Тогда, может быть, пан... ну, может быть, она потеряет след. Он принялся перебирать в уме всех девушек, которых когда-либо знал, старательно припоминая мельчайшие подробности.

Пантера остановилась и в сомнении заскребла лапами по земле.

Кливи продолжал думать: о девушках, о космолётах, о планетах и опять о девушках, и о космолётах, и обо всём, кроме пантеры.

Пантера придвинулась ещё на пять футов.

Чёрт возьми, подумал он, как можно не думать о чём-то? Ты лихорадочно думаешь о камнях, скалах, людях, пейзажах и вещах, а твой ум неизменно возвращается к... но ты отмахиваешься от неё и сосредоточиваешься на своей покойной бабке (святая женщина!), старом пьянчуге отце, синяках на правой ноге. (Сосчитай их. Восемь. Сосчитай ещё раз. По-прежнему восемь.) А теперь ты поднимаешь глаза,

небрежно, видя, но не признавая п... Как бы там ни было, она всё же приближается.

Пытаться о чём-то не думать — всё равно что пытаться остановить лавину голыми руками. Кливи понял, что человеческий ум не так-то просто поддаётся бесцеремонному сознательному торможению. Для этого нужны время и практика.

Ему осталось около пятнадцати футов на то, чтобы научиться не думать о п...

Ну что ж, можно ведь думать о карточных играх, о вечеринках, о собаках, кошках, лошадях, овцах, волках (убирайтесь прочь!), о синяках, броненосцах, пещерах, логовах, берлогах, детёнышах (берегись!), п-панегириках, и эмпириках, и мазуриках, и клириках, и лириках, и трагиках (примерно 8 футов), обедах, филе-миньонах, фиалках, финиках, филинах, поросятах, палках, пальто и п-п-п-п...

Теперь пантера находилась в каких-нибудь пяти футах от него и готовилась к прыжку. Кливи был больше не в состоянии изгонять запретную мысль. Но вдруг в порыве вдохновения он подумал: «Пантера-самка!»

Пантера, всё ещё напрягшаяся для прыжка, с сомнением повела мордой.

Кливи сосредоточился на идее пантеры-самки. Он и есть пантера-самка, и чего, собственно, хочет добиться этот самец, пугая её? Он подумал о своих (тьфу, чёрт, самкиных!) детёнышах, о тёплом логове, о прелестях охоты на белок...

Пантера медленно подошла вплотную и потёрлась о Кливи. Он с отчаянием думал о том, какая прекрасная стоит погода и какой мировой парень эта пантера — такой большой, сильный, с такими огромными зубами.

Самец замурлыкал!

Кливи улёгся, обвил вокруг пантеры воображаемый хвост и решил, что надо поспать. Пантера стояла возле него в нерешительности. Казалось, чувствовала, что дело неладно. Потом испустила глубокий горловой рык, повернулась и ускакала прочь.

Только что село солнце, и всё вокруг залила синева. Кливи обнаружил, что его сотрясает неудержимая дрожь, и он вот-вот разразится истерическим хохотом. Задержись пантера ещё на секунду...

Он с усилием взял себя в руки. Пора серьёзно поразмыслить.

Вероятно, каждому животному свойствен характерный запах мысли. Белка испускает один запах, волк — другой, человек — третий. Весь вопрос в том, только ли тогда можно выследить Кливи, когда он думает о каком-либо животном? Или его мысли, подобно аромату, можно засечь, даже если он ни о чём особенном не думает?

Пантера, видно, учуяла его лишь в тот миг, когда он подумал именно о ней. Однако это можно объяснить новизной, чуждый запах мыслей мог сбить пантеру с толку в тот раз.

Что ж, подождём — увидим. Пантера, наверное, не тупица. Просто такую шутку с нею сыграли впервые.

Всякая шутка удаётся... однажды.

Кливи лёг навзничь и воззрился в небо. Он слишком устал, чтобы двигаться, да и тело, покрытое кровоподтёками, ныло. Что предстоит ему ночью? Выходят ли звери на охоту? Или на ночь устанавливается некое перемирие? Ему было наплевать.

К чёрту белок, волков, пантер, львов, тигров и северных оленей!

Он уснул.

Утром он удивился, что всё ещё жив. Пока всё идёт хорошо. В конце концов денёк может выдаться не дурной. В радужном настроении Кливи направился к своему кораблю.

От почтолёта-243 осталась лишь груда искорёженного металла на оплавленной почве. Кливи нашёл металлический стержень, прикинул его на руке и заткнул за пояс, чуть ниже почтовой сумки. Не ахти какое оружие, но всё-таки придаёт уверенность.

Корабль погиб безвозвратно. Кливи стал бродить по окрестностям в поисках еды. Вокруг рос плодоносный кустарник. Кливи осторожно надкусил неведомый плод и счёл, что он терпкий, но вкусный. Он до отвалу наелся ягод и запил их водой из ручейка, что журчал неподалёку в ложбинке.

Пока он не видел никаких зверей. Как знать, сейчас они, чего доброго, окружают его кольцом.

Он постарался отвлечься от этой мысли и занялся поисками укрытия. Самое верное дело — затаиться, пока не придут спасатели. Он блуждал по отлогим холмам, тщетно пытаясь найти скалу, деревце или пещерку. Дружелюбный ландшафт мог предложить разве что кусты высотою в шесть футов.

К середине дня он выбился из сил, пал духом и лишь тревожно всматривался в небо. Отчего нет спасателей? По его расчётам быстроходное спасательное судно должно прибыть за сутки, от силы за двое.

Если Почтмейстер правильно указал планету.

В небе что-то мелькнуло. Он взглянул вверх, и сердце его неистово заколотилось. Ну и картина!

Над ним, без усилий балансируя гигантскими крыльями, медленно проплыла птица. Один раз она нырнула, словно провалилась в яму, но тут же уверенно продолжила полёт.

Птица поразительно смахивала на стервятника.

Кливи побрёл дальше. Ещё через мгновение он очутился лицом к лицу с четырьмя слепыми волками.

Теперь по крайней мере с одним вопросом покончено. Кливи можно выследить по характерному запаху его мыслей. Очевидно, звери этой планеты пришли к выводу, будто пришелец не настолько чужероден, чтобы его нельзя было съесть.

Волки осторожно подкрадывались. Кливи испробовал приём, к которому прибегнул накануне. Вытащив из-за пояса металлический стержень, он принялся воображать себя волчицей, которая ищет своих волчат. Не поможет ли один из вас, джентльмены, найти их? Ещё минуту назад они были тут. Один зелёный, другой пятнистый, третий...

Быть может, эти волки не мечут пятнистых детёнышей. Один из них прыгнул на Кливи. Кливи огрел его стержнем, и волк, шатаясь, отступил.

Все четверо сомкнулись плечом к плечу и возобновили атаку.

Кливи безнадёжно попытался мыслить так, как если бы его вообще не существовало на свете. Бесполезно. Волки упорно надвигались. Кливи вспомнил о пантере. Он вообразил себя пантерой. Рослой пантерой, которая с удовольствием полакомится волком.

Это их остановило. Волки тревожно замахали хвостами, но позиций не сдали.

Кливи зарычал, забил лапами по земле и подался вперёд. Волки попятились, но один из них проскользнул к нему в тыл.

Кливи подвинулся вбок, стараясь не попадать в окружение. Похоже было, что волки не слишком-то поверили спектаклю. Быть может, Кливи бездарно изобразил пантеру. Волки больше не отступали. Кливи свирепо зарычал и замахнулся импровизированной дубинкой. Один волк стремглав пустился наутёк, но тот, что прорвался в тыл, прыгнул на Кливи и сбил его с ног.

Барахтаясь под волками, Кливи испытал новый прилив вдохновения. Он вообразил себя змеёй — очень быстрой, со смертоносным жалом и ядовитыми зубами.

Волки тотчас же отскочили. Кливи зашипел и изогнул свою бескостную шею. Волки яростно ощерились, но не выказали никакого желания наступать.

И тут Кливи допустил ошибку. Рассудок его знал, что надо держаться стойко и проявлять побольше наглости. Однако тело поступило иначе. Помимо своей воли он повернулся и понёсся прочь.

Волки рванулись вдогонку, и, бросив взгляд кверху, Кливи увидел, что в предвкушении поживы слетаются стервятники. Он взял себя в руки и попытался снова превратиться в змею, но волки не отставали.

Вьющиеся над головой стервятники подали Кливи идею. Космонавт, он хорошо знал, как выглядит планета сверху. Кливи решил превратиться в птичку. Он представил себе, как парит в вышине, легко балансируя среди воздушных течений, и смотрит вниз на землю, которая ковром расстилается всё шире и шире.

Волки пришли в замешательство. Они закружились на месте, стали беспомощно подпрыгивать в воздух. Кливи продолжал парить над планетой, взмывая всё выше и выше, и в то же время медленно пятился назад.

Наконец он потерял волков из виду, и наступил вечер. Кливи был измучен. Он прожил ещё один день. Но, по-видимому, все гамбиты[1] удаются лишь единожды. Что он будет делать завтра, если не придёт спасательное судно?

Когда стемнело, он долго ещё не мог заснуть и всё смотрел в небо. Однако там виднелись только звёзды, а рядом слышалось лишь редкое рычанье волка да рёв пантеры, мечтающей о завтраке.

[1] Гамби́т — приём в шахматной игре.

...Утро наступило слишком быстро. Кливи проснулся усталый, сон не освежил его. Не вставая, Кливи ждал.

— Где же спасатели? Времени у них было предостаточно, — решил Кливи. — Почему их ещё нет? Если будут слишком долго мешкать, пантера...

Не надо было так думать. В ответ справа послышался звериный рык.

Кливи встал и отошёл подальше. Уж лучше иметь дело с волками...

Об этом тоже не стоило думать, так как теперь к рёву пантеры присоединилось рычание волчьей стаи.

Всех хищников Кливи увидел сразу. Справа из подлеска грациозно выступила зеленовато-жёлтая пантера. Слева он явственно различил силуэты нескольких волков. Какой-то миг он надеялся, что звери передерутся. Если бы волки напали на пантеру, Кливи удалось бы улизнуть...

Однако зверей интересовал только пришелец. К чему им драться между собой, понял Кливи, когда налицо он сам, во всеуслышание транслирующий свои страхи и свою беспомощность?

Пантера двинулась вперёд. Волки оставались на почтительном расстоянии, по-видимому, намеренные удовольствоваться остатками её трапезы. Кливи опять было попробовал взлететь по-птичьи, но пантера после минутного колебания продолжила свой путь.

Кливи попятился к волкам, жалея, что некуда влезть. Эх, окажись тут скала или хотя бы приличное дерево...

Но ведь рядом кусты! С изобретательностью, порождённой отчаянием, Кливи стал шестифутовым кустом. Вообще-то он понятия не имел, как мыслит куст, но старался изо всех сил.

Теперь он цвёл. А один из корней у него слегка расшатался. После недавней бури. Но всё же, если учесть обстоятельства, он был отнюдь не плохим кустом.

Краешком веток он заметил, что волки остановились. Пантера стала метаться вокруг него, пронзительно фыркнула и склонила голову набок.

Ну право же, подумал Кливи, кому придёт в голову откусить ветку куста? Ты, возможно, приняла меня за что-то другое, но на самом деле я всего-навсего куст. Не хочешь ведь набить себе рот листьями? И ты можешь сломать зуб о мои ветки. Слыханное ли дело, чтобы пантера поедала кусты? А ведь я и есть куст. Спроси у моей мамаши. Она тоже куст. Все мы кусты, исстари, с каменноугольного периода.

Пантера явно не собиралась переходить в атаку. Однако не собиралась и удалиться. Кливи не был уверен, что долго протянет. О чём он теперь должен думать? О прелестях весны? О гнезде малиновок в своих волосах?

На плечо к нему опустилась какая-то птичка.

Ну не мило ли, подумал Кливи. Она тоже думает, что я куст. Намерена свить гнездо в моих ветвях. Совершенно прелестно. Все прочие кусты лопнут от зависти.

Птичка легонько клюнула Кливи в шею.

Полегче, подумал Кливи. Не надо рубить сук, на котором сидишь...

Птичка клюнула ещё раз, примериваясь. Затем прочно стала на перепончатые лапки и принялась долбить шею Кливи со скоростью пневматического молотка.

Проклятый дятел, подумал Кливи, стараясь не выходить из образа. Он отметил, что пантера внезапно успокоилась. Однако когда птичка долбанула его шею пятнадцатый раз, Кливи не выдержал: он сгрёб птичку и швырнул ею в пантеру.

Пантера щёлкнула зубами, но опоздала. Оскорблённая птичка произвела разведочный полёт вокруг головы Кливи и упорхнула к более спокойным кустам.

Мгновенно Кливи снова превратился в куст, но игра была проиграна. Пантера замахнулась на него лапой. Он попытался бежать, споткнулся о волка и упал. Пантера зарычала над его ухом, и Кливи понял, что он уже труп.

Пантера оробела.

Тут Кливи превратился в труп до кончиков горячих пальцев. Он лежал мёртвым много дней, много недель. Кровь его давно вытекла. Плоть протухла. К нему не притронется ни одно здравомыслящее животное, как бы голодно оно ни было.

Казалось, пантера с ним согласна. Она попятилась. Волки испустили голодный вой, но тоже отступили.

Кливи увеличил давность своего гниения ещё на несколько дней и сосредоточился на том, как ужасно он неудобоварим, как безнадёжно неаппетитен. И в глубине души — он был в этом убеждён — искренне не верил, что годится кому бы то ни было на закуску. Пантера продолжала пятиться, а за нею и волки. Кливи был спасён! Если надо, он может теперь оставаться трупом до конца дней своих.

И вдруг до него донёсся подлинный запах гниющей плоти. Оглядевшись по сторонам, он увидел, что рядом опустилась исполинская птица!

На Земле её назвали бы стервятником.

Кливи едва не расплакался. Неужто ему ничто не поможет? Стервятник подошёл к нему вперевалочку. Кливи вскочил и ударил его ногой. Если ему и суждено быть съеденным, то уж, во всяком случае, не стервятником.

Пантера с быстротой молнии явилась вновь, и на её глупой пушистой морде, казалось, были написаны ярость и смятение.

Кливи замахнулся металлическим стержнем, жалея, что нет поблизости дерева — забраться, пистолета — выстрелить или хоть факела — отпугнуть...

Факел!

Кливи тотчас же понял, что выход найден. Он полыхнул пантере огнём в морду, и та отползла с жалобным визгом. Кливи поспешно стал распространяться во все стороны, охватывая пламенем кусты, пожирая сухую траву.

Пантера стрелой умчалась прочь вместе с волками.

Пришёл его черёд! Как он мог забыть, что всем животным присущ глубокий инстинктивный страх перед огнём! Право же, Кливи будет самым огромным пожаром, какой когда-либо бушевал в этих местах.

Поднялся лёгкий ветерок и разнёс его огонь по холмистой земле. Из-за кустов выскочили белки и дружно понеслись прочь. В воздух взмыли стаи птиц, а пантеры, волки и прочие хищники бежали бок о бок, забыв и помышлять о добыче, стремясь лишь уберечься от пожара — от него, Кливи!

Кливи смутно сознавал, что отныне стал настоящим телепатом. С закрытыми глазами он видел всё, что происходит вокруг, и всё ощущал почти физически. Он наступал гудящим пламенем, сметая всё на своём пути. И чувствовал страх тех, кто поспешно спасался бегством.

Так и должно быть. Разве благодаря сообразительности и умению приспособиться человек не был всегда и везде царём природы? То же самое и здесь. Кливи торжествующе перепрыгнул через узенький ручеёк в трёх милях от старта, воспламенил группу кустов, запылал, выбросил струю пламени...

Тут он почувствовал первую каплю воды.

Он всё горел, но одна капля превратилась в пять, потом в пятнадцать, потом в пятьсот. Он был прибит водой, а его пища — трава и кусты — вскоре промокли насквозь.

Он начинал угасать.

Это просто нечестно, подумал Кливи. По всем правилам он должен был выиграть. Он дал планете бой на её условиях и вышел победителем... лишь для того, чтобы слепая стихия всё погубила.

Животные осторожно возвращались.

Дождь хлынул как из ведра. У Кливи погас последний язычок пламени. Бедняга вздохнул и лишился чувств...

— ...Чертовски удачная работа. Ты берёг почту до последнего, а это признак хорошего почтальона. Может, удастся выхлопотать тебе медаль.

Кливи открыл глаза. Над ним, сияя горделивой улыбкой, стоял Почтмейстер. Кливи лежал на койке и видел над собой вогнутые металлические стены звездолёта.

Он находился на спасательном судне.

— Что случилось?— прохрипел он.

— Мы подоспели как раз вовремя, — ответил Почтмейстер. — Тебе пока лучше не двигаться. Ещё немного — и было бы поздно.

Кливи почувствовал, как корабль отрывается от земли, и понял, что покидает планету З-М-22. Шатаясь, он подошёл к смотровому окну и стал вглядываться в проплывающую внизу зелёную поверхность.

— Ты был на волосок от гибели, — сказал Почтмейстер, становясь рядом с Кливи и глядя вниз. — Нам удалось включить увлажняющую систему как раз вовремя. Ты стоял в центре самого свирепого степного пожара из всех, что мне приходилось видеть.

Глядя вниз на безупречный зелёный ковер, Почтмейстер, видно, усомнился. Он посмотрел ещё раз в окно, и выражение его лица напомнило Кливи обманутую пантеру.

— Постой... А как получилось, что на тебе нет ожогов?

Перевод Н. Евдокимовой

ВОПРОСЫ И ЗАДАНИЯ

ПОДЕЛИМСЯ ПЕРВЫМИ ВПЕЧАТЛЕНИЯМИ

1. В научно-фантастических произведениях часто описывается то, что для земных людей является нереальным, удивительным.
Что же необычное описал в своём научно-фантастическом рассказе «Запах мысли» американский писатель Роберт Шекли?

2. Что в этом рассказе было для вас особенно интересно?
3. Какой предстала перед межзвёздным почтальоном жизнь на планете З-М-22?

УГЛУБИМСЯ В ТЕКСТ РАССКАЗА

4. Благодаря чему герой пришёл к заключению, что животные на этой планете обнаруживают себя через восприятие мыслей друг друга, то есть телепатически?
5. Какие лучшие качества земного человека проявляет Лерой Кливи в крайне опасной для себя ситуации — при встрече с пантерой?
6. Мгновенная сообразительность помогает Лерою находить выход в чрезвычайно опасных ситуациях и защищаться от хищных животных. Но мог бы он побеждать их, если бы ему хоть раз изменило присутствие духа? Подтвердите свои ответы примерами из текста.
7. В какой момент своего пребывания на чужой планете Лерой Кливи приходит к спасительной догадке? Прочитайте выразительно соответствующий отрывок из текста рассказа.
8. Прочитайте конец рассказа и подумайте, какие необычные для земного человека качества приобрёл Кливи, побывав на планете З-М-22. Что этим хотел нам сказать автор?
9. Чем привлекателен для вас образ межзвёздного почтальона Кливи как человека и специалиста своего дела?
10. Какова идея этого рассказа?

Для самостоятельной работы

11. Сравните героев рассказов «Зелёное утро» Рэя Брэдбери и «Запах мысли» Роберта Шекли. Что общее объединяет Бенджамена Дрисколла и Лероя Кливи?
12. Создайте выборочное изложение на тему «Размышления Кливи в экстремальной ситуации» (изберите для изложения одну-две ситуации).
13. Какой глубокий смысл скрыт, по вашему мнению, в названии рассказа Роберта Шекли «Запах мысли»?

ПРОВЕРИМ СВОЮ КОМПЕТЕНТНОСТЬ

1. Назовите отличительные признаки эпических произведений. Какие жанры эпических произведений вам известны?
2. Что такое лирика? Какие виды лирики вы знаете? Прочитайте наизусть своё любимое лирическое стихотворение.
3. Кратко изложите содержание повести Анатолия Алексина «В тылу как в тылу». О чём оно заставило вас задуматься?
4. Как преодолевали испытания военных лет герои повести Алексина «В тылу как в тылу»?
5. Расскажите о главном герое повести А. Алексина «В тылу как в тылу» Диме Тихомирове. Чем нравится вам этот герой?
6. Прочитайте наизусть одно из стихотворений Анны Ахматовой и прокомментируйте его.

7. Какие из стихотворений поэтов-фронтовиков — Константина Симонова, Сергея Орлова, Юлии Друниной, Евгения Винокурова, Булата Окуджавы — вам особенно нравятся? Прочитайте одно из них наизусть.
8. Объясните смысл названия научно-фантастического рассказа Роберта Шекли «Запах мысли». Передайте содержание самого запомнившегося вам момента пребывания Лероя Кливи на планете З-М-22.
9. Какие человеческие качества помогали Лерою Кливи, герою рассказа Роберта Шекли «Запах мысли», выжить на чужой планете?
10. Напишите отзыв о самом интересном для вас произведении, прочитанном в этом году.
11. Знаменитый французский писатель и философ Вольтер, живший в XVIII веке, говорил: «Читая в первый раз хорошую книгу, мы испытываем то же чувство, как при приобретении нового друга. Вновь прочитать уже читанную книгу — значит вновь увидеть старого друга».

    С какими произведениями, изученными в этом году, вы хотели бы встретиться, как со старыми друзьями, и вновь перечитать их? О чём заставили вас задуматься эти произведения, чем стали особенно дороги?
12. Какие стихотворения Александра Пушкина, Михаила Лермонтова и других поэтов, с которыми вы познакомились в этом году, вы хотели бы помнить всю жизнь?

Краткий словарь литературоведческих терминов

Аллего́рия — иносказательное описание предмета или явления с целью его конкретного, наглядного изображения.

Амфибра́хий — трёхсложный размер стиха, в строке которого повторяются группы из трёх слогов — безударный, ударный, безударный (— ´ —).

Ана́пест — трёхсложный размер стиха, в строке которого повторяются группы из трёх слогов — два безударных и ударный (— — ´).

Балла́да — стихотворный рассказ на легендарную, историческую или бытовую тему; реальное в балладе нередко сочетается с фантастическим.

Ба́сня — краткий иносказательный рассказ поучительного характера. Действующими лицами в басне часто выступают животные, предметы, в которых проявляются человеческие качества. Чаще всего басни пишутся в стихах.

Геро́й (литературный) — персонаж, действующее лицо, художественный образ человека в литературном произведении.

Гипе́рбола — чрезмерное преувеличение свойств изображаемого предмета.

Да́ктиль — трёхсложный размер стиха, в строке которого повторяются группы из трёх слогов — ударный и два безударных (´ — —).

Дета́ль (художественная) — выразительная подробность, с помощью которой создаётся художественный образ. Деталь может уточнять, прояснять замысел писателя.

Диало́г — разговор двух или нескольких лиц.

Драмати́ческое произведе́ние, или **дра́ма** — произведение, предназначенное для постановки на сцене.

Жанр литературный — проявление в более или менее обширной группе произведений общих признаков изображения действительности.

Иде́я — основная мысль художественного произведения.

Интона́ция — основное выразительное средство звучащей речи, позволяющее передать отношение говорящего к предмету речи и к собеседнику.

Иро́ния — тонкая, скрытая насмешка. Отрицательный смысл иронии скрыт за внешней положительной формой высказывания.

Коме́дия — драматическое произведение, в основе которого лежит юмор, смешное.

Коми́ческое — смешное в жизни и литературе. Основные виды комического: юмор, ирония, сатира.

Компози́ция — построение, расположение и взаимосвязь всех частей художественного произведения.

Леге́нда — произведение, созданное народной фантазией, в котором сочетаются реальное (события, личности) и фантастическое.

Лири́ческое произведе́ние — произведение, в котором выражаются мысли и чувства автора, вызванные различными явлениями жизни.

Мета́фора — перенесение свойств и действий одних предметов на другие, сходные с ними по принципу подобия.

Моноло́г — речь одного человека в произведении.

Нове́лла — повествовательный жанр, близкий по объёму к рассказу. От рассказа новелла отличается остротой и динамичностью сюжета.

Олицетворе́ние — перенесение признаков и свойств живых существ на неживые.

Описа́ние — словесное изображение чего-нибудь (пейзаж, портрет героя, внутренний вид жилища и др.).

Паро́дия — смешное, искажённое подобие чего-то; комическое или сатирическое подражание кому-нибудь (чему-нибудь).

Па́фос — в художественной литературе: возвышенное чувство, страстное воодушевление, приподнятый, торжественный тон повествования.

Пейза́ж — изображение природы в художественном произведении.

По́весть — один из видов эпических произведений. По охвату событий и героев повесть больше, чем рассказ, но меньше, чем роман.

Портре́т — изображение внешности героя (его лица, фигуры, одежды) в произведении.

Поэ́зия — стихотворные произведения (лирические, эпические и драматические).

Поэ́ма — один из видов лирико-эпических произведений: в поэме есть сюжет, события (как в эпическом произведении) и открытое выражение автором своих чувств (как в лирике).

При́тча — небольшой рассказ, содержащий в иносказательном виде религиозное или моральное поучение.

Про́за — нестихотворные художественные произведения (рассказы, повести, романы).

Прототи́п — реальное лицо, послужившее писателю основой для создания литературного образа.

Расска́з — небольшое эпическое произведение, повествующее об одном или нескольких событиях из жизни человека, животного.

Расска́зчик — образ человека в художественном произведении, от лица которого ведётся повествование.

Ритм — повторение однородных элементов (речевых единиц) через равные промежутки.

Ри́фма — созвучие окончаний стихотворных строк.

Сати́ра — высмеивание, разоблачение отрицательных сторон жизни посредством изображения их в нелепом, карикатурном виде.

Сравне́ние — сопоставление одного явления или предмета с другим.

Стих — стихотворная строка, наименьшая единица ритмически организованной речи. Слово «стихи» часто употребляется также в значении «стихотворения».

Стихотворе́ние — небольшое поэтическое произведение в стихах.

Стихотво́рная речь — в отличие от прозы, речь ритмически упорядоченная, состоящая из сходно звучащих отрезков — строк, строф. Часто в стихах имеется рифма.

Строфа́ — в стихотворном произведении группа строк (стихов), составляющая единство, с определённым ритмом, а также повторяющимся расположением рифм.

Сюже́т — развитие действия, ход событий в повествовательных и драматических произведениях, иногда и в лирических.

Те́ма — круг жизненных явлений, изображённых в произведении; то, о чём говорится в произведений.

Фанта́стика — художественные произведения, в которых создаётся мир невероятных, чудесных представлений и образов, рождённых воображением писателя.

Хара́ктер литерату́рный — образ человека в литературном произведении, созданный с определённой полнотой и наделённый индивидуальными особенностями.

Хоре́й — двусложный размер стиха с ударением на первом слоге (— —).

Худо́жественная литерату́ра — один из видов искусства — искусство слова. Слово в художественной литературе — средство создания образа, изображения явления, выражения чувства и мысли.

Худо́жественный о́браз — человек, предмет, явление, картина жизни, творчески воссозданные в художественном произведении.

Эзо́пов язы́к — вынужденное иносказание, художественная речь, насыщенная недомолвками и ироническими намёками. Выражение восходит к легендарному образу древнегреческого поэта Эзопа, создателя жанра басни.

Эпигра́мма — краткое сатирическое стихотворение.

Эпи́граф — краткое изречение (пословица, цитата), которое автор помещает перед произведением или его частью, чтобы помочь читателю понять главную мысль.

Эпизо́д — отрывок художественного произведения, обладающий относительной законченностью.

Эпи́тет — художественное определение предмета или явления, помогающее живо представить предмет, почувствовать отношение автора к нему.

Эпи́ческое произведе́ние — художественное произведение, в котором автор повествует о людях, об окружающем мире, о различных событиях. Виды эпических произведений: роман, повесть, рассказ, басня, сказка, притча и др.

Юмор — в художественном произведении: изображение героев в смешном, комическом виде; весёлый, добродушный смех, помогающий человеку освобождаться от недостатков.

Ямб — двусложный размер стиха с ударением на втором слоге (— —).

Для внеклассного чтения

- «Былины» (сборники «Былины», «Живая вода» и др.).
- «Задонщина».
- «Повесть о Петре и Февронии Муромских».
- *В. Жуковский.* «Рыбак».
- *А. Пушкин.* «Обвал», «Редеет облаков летучая гряда...», «Бесы», «Песни о Стеньке Разине», «Барышня-крестьянка» и др.
- *М. Лермонтов.* «Беглец», «Воздушный корабль», «Боярин Орша», «Русалка» и др.
- *Н. Гоголь.* «Миргород», «Коляска».
- *И. Тургенев.* «Записки охотника».
- *Н. Некрасов.* «Размышления у парадного подъезда», «Несжатая полоса», «Саша».
- *Л. Толстой.* «Отрочество», «Течение воды», «Три сына».
- *А. Чехов.* Рассказы.
- *М. Горький.* «В людях».
- *В. Маяковский.* «Необычайное приключение, бывшее с Владимиром Маяковским летом на даче».
- *И. Бунин.* «Цифры».
- *А. Платонов.* «Юшка», «В прекрасном и яростном мире» и др.
- *К. Паустовский.* «Рождение рассказа».
- *Ф. Абрамов.* «О чём плачут лошади», «Алька».
- *Е. Носов.* «Кукла», «Живое пламя».
- *В. Богомолов.* «Иван».
- *Г. Троепольский.* «Белый Бим Чёрное Ухо».
- *Ю. Бондарев.* «Простите нас».
- *А. Вампилов.* «Несравненный Наконечников».
- *Кир Булычёв.* «Новые подвиги Геракла», «Авгиева лаборатория», «Ржавый фельдмаршал».
- *В. Шукшин.* «Критики».
- *Р. Фраерман.* «Дикая собака Динго, или Повесть о первой любви».
- *А. Рыбаков.* «Трилогия о Кроше».
- *В. Крапивин.* «Мушкетёр и фея», «Острова и капитаны», «Я иду встречать брата», «Оранжевый портрет с крапинками».
- *А. Стругацкий, Б. Стругацкий.* «Понедельник начинается в субботу».

* * *

- *Дж. Байрон.* «Ты кончил жизни путь...», «Хочу я быть ребёнком вольным...», «Прометей».
- *Дж. Лондон.* «Сказание о Кише», «Белое безмолвие».
- *Э. По.* «Лягушонок», «Золотой жук», «Аннабель-Ли».
- *О. Генри.* «Вождь краснокожих», «Клад» и др.
- *Р. Джованьоли.* «Спартак».
- *М. Рид.* «Всадник без головы», «Оцеола, вождь семинолов».

- *Р. Л. Стивенсон.* «Чёрная стрела».
- *Л. А. Буссенар.* «Похитители бриллиантов».
- *А. К. Дойл.* «Приключения Шерлока Холмса» (рассказы), «Собака Баскервилей».
- *Дж. Олдридж.* «Последний дюйм», «Мальчик с лесного берега».
- *Дж. Крюсс.* «Тим Таллер, или Проданный смех».
- *А. Кристи.* «Случай с итальянским вельможей».
- *Дж. Триз.* «Ключ к тайне».
- *К. Нестлингер.* «Три почтовых грабителя».
- *Ж. Сименон.* «Мегре и другие».
- *Р. Брэдбэри.* «Звук бегущих ног».
- *Л. Пиранделло.* «Черепаха».
- *Дж. Сэлинджер.* «Человек, который смеётся».

СПИСОК ПРОИЗВЕДЕНИЙ, ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ДЛЯ ИЛЛЮСТРАЦИЙ

Т. Маврина. Обложка книги «Русский лубок» — с. 7.
П. Филонов. «Три всадника» — с. 9.
Е. Чарушин. «Первая охота» — с. 9.
П. Филонов. «Восток и Запад» — с. 13.
Н. Кузьмин. Рисунок к сборнику «Русские сказки» — с. 13.
В. Васнецов. «Боян» — с. 18.
И. Билибин. Иллюстрации к книге «Русские былины» — с. 21, 28, 31, 36.
М. Врубель. «Богатырь» — с. 22.
Е. Кибрик. «Микула Селянинович» — с. 31.
«Нестор-летописец» — с. 36.
А. Капнинский. Иллюстрации к «Поучению» Владимира Мономаха — с. 39, 41, 43.
П. Филонов. «Святой Михаил» — с. 47.
В. Фаворский. Гравюра — с. 52.
Миниатюра. XV век — с. 62.
И. Репин. «Пушкин на экзамене» (фрагмент) — с. 75.
Н. Кузьмин. «Пушкин» — с. 76.
Н. Компанец. Иллюстрации к «Станционному смотрителю» — с. 87, 89.
В. Милашевский. «Станционный смотритель» — с. 84.
В. Милашевский. «Метель» — с. 94.
А. Белый. «Кавказ» — с. 103.
В. Фаворский. «Лермонтов» — с. 105.
М. Пиков. «Мцыри» — с. 109.
В. Замирайло. «Мцыри» — с. 114.
В. Милашевский. «Бой с барсом» — с. 121.
Е. Кибрик. Иллюстрации к «Тарасу Бульбе» — с. 138, 141, 165, 168, 173.
П. Филонов. «Волхвы» — с. 181.
В. Лопарев. Иллюстрация к рассказу «Толстый и тонкий» — с. 187.
Н. Компанец. Иллюстрация к рассказу «Хамелеон» — с. 191.
Н. Компанец. Иллюстрация к рассказу «Голубой карбункул» — с. 218.
П. Филонов. «Цветы рассвета» — с. 223.
А. Васин. «Защитник Родины» — с. 248.
О. Верейский. «Дороги войны» — с. 249, 251, 255.
В. Власов. «Зинка» — с. 256.
И. Павлов. «Уголок Москвы — на Моховой» — с. 261.
Г. Захаров. «Ночная Москва» — с. 262.
А. Фоменко. «Геометрическая фантазия» — с. 268.
Франц Марк. Рисунки — с. 272, 277.
О. Кислюк. «Космос и Хаос» — с. 280.

Навчальне видання

СІМАКОВА Лідія Анатоліївна

ЛІТЕРАТУРА

Підручник для 7 класу загальноосвітніх
навчальних закладів з російською мовою навчання
(Мова російська)

Видано за рахунок державних коштів.
Продаж заборонено.

Редактор *Г. В. Брезницька*
Художнє оформлення *С. В. Лопарєв, В. Б. Лопарєв*
Художній редактор *В. Б. Лопарєв*
Технічний редактор *І. Є. Гнатюк*
Комп'ютерна верстка *Л. І. Босенко*

Підписано до друку 15.05.2007. Формат 70x100 $^{1}/_{16}$. Папір офсетний.
Гарнітура шкільна. Друк офсетний. Умов. друк. арк. 23,4.
Обл.-вид. арк. 19. Наклад 60 100 пр. Вид. № 86.

Віддруковано у ТОВ «Фактор-Друк»
61030, м. Харків, вул. Саратовська, 51
Тел.:(057) 717-51-85, 717-53-55.
Наклад 60100 прим. Замовлення № 3890

«Вежа», 02125, Київ, вул. Старосільська, 2.
Тел. 512-25-09, 510-59-03.

Свідоцтво про внесення суб'єкта видавничої справи до Державного реєстру
видавців ДК № 362. 15.03.2001.

Газетно-видавнича корпорація «Новая печать».
83000, Донецьк, вул. Постишева, 117.
Свідоцтво про внесення суб'єкта видавничої справи
до Державного реєстру видавців ДК № 1498. 17.09.2003 р.